

*Записки комиссара
педагогического
отряда.*

ПАМЯТЬ ПОЛТАВЫ.

Можно ли исполнить
Баха на саксофоне?

ISSN 0131-8566

СМЕНА

№ 14 (1372) июль 1984

ЧУВСТВО ДО ЧУВСТВО ХО

Дисциплина труда

Мастерство и дерзание мысли, трудовая совесть и способность принимать на себя повышенную ответственность, не боясь никаких трудностей... Воспитывать у молодых тружеников именно эти качества призывают партия и комсомол. Осознать свои обязанности, не бояться самостоятельности, подходить к делу с мыслью: «Если не я, то кто же?» — вот что значит быть подлинно современным рабочим. Способным выполнить стоящие перед всеми нами задачи.

Именно об этом наш сегодняшний разговор. Непросто быть хозяином на производстве. Это беспокойное чувство. Хозяин тот, кто знает о своем рабочем месте все, и потому знает лучше других, что еще тут не сделано, что несовершенно. Человек, мыслящий по-хозяйски, и в успехах видит не задействованные еще резервы.

Человек с хозяйским подходом — лучший партнер для тех, кто работает

честно, во всю силу. Но он же не устраивает нерадивых, бракоделов, халтурщиков. Потому что быть хозяином — это значит уметь и с себя спросить и с того, кто работает рядом.

Люди с таким отношением к делу обладают высоким чувством собственного достоинства. Нет, они не «вкалывают», не «заколачивают». Для них работа — выполнение своего человеческого и гражданского долга перед страной и людьми. Потому они не равнодушны, потому их жизнь интересна и насыщена.

«Не могу работать плохо, спусти рукава — стыдно. Как же потом людям в глаза глядеть?!» — простые, безыскусные слова. Но смысл-то каков! Как точно и недвусмысленно выражают они суть нашего, советского отношения к своему делу, добросовестное выполнение которого — первый долг каждого.

КОММУНИСТЫ, РАБОТАЮЩИЕ В КОМСОМОЛЕ

Петр КОВАЛЕВ,

Герой Социалистического Труда,

бригадир комсомольско-молодежного коллектива слесарей-инструментальщиков

производственного объединения «Гомсельмаш»

ПОРЯДОК В РАБОЧЕЙ СЕМЬЕ

Размышления кадрового рабочего о молодежи, выборе жизненного пути, ответственности и рабочей самостоятельности.

Ковалева я отыскал не сразу... Две с лишним сотни станков ровными шеренгами выстроились под высокими сводами, наполняя гулом пространство цеха. Позванивал кран, перетаскивая вдоль главного прохода тяжелые детали. Полыхая жаром, вползали под штамповочные прессы раскаленные заготовки.

Повинуясь указующим жестам молчаливых станочников, я через весь цех двинулся к Ковалеву. Обогнул ограду из металлических щитов и очутился на краю обширного и глубокого котлована. Внизу, освещенный несколькими лампочками, в напряженной шахтерской позе стоял человек в каске, в руках у него захлебывался от ярости пневматический отбойный молоток. Это и есть знаменитый Ковалев? Но Ковалев — слесарь-инструментальщик высочайшей квалификации, и ему вроде бы нечего делать в земных недрах...

Едва я начал спускаться в котлован по узкой и зыбкой лестнице-стремянке, как был остановлен суровым окликом:

— Посторонним сюда нельзя!

— Спасибо, намек понял. Но где найти Ковалева?

— Я и есть Ковалев.

Из-под воротника спецовки виднеется краешек тельняшки...

— Моряк?

— Шесть лет отслужил на боевом корабле Тихоокеанского флота...

Мы договорились встретиться позже в красном уголке. Начался разговор, конечно, с флота.

— Флот есть флот, и моряк моряка видит издали, — улыбнулся Ковалев. — Я вот как-то обратил внимание на одного своего молодого однофамильца Анатолия Ковалева. Работает столяром в соседнем цехе. Работает лихо — к качеству не придерешься. Общественных поручений — под завязку, наставник и еще комсомольский прожекторист. Где брать время на все эти дела? А вот находит. Всегда аккуратный, подтянутый — настоящая морская косточка. Я узнал: верно, служил Анатолий военным моряком. Отсюда у него и привычка к дисциплине, и широкие общественные интересы, и умение четко планировать время. Я к чему речь веду? Люблю таких, как Анатолий: аккуратных, подтянутых, деловитых. С ними интересно и легко работать да и вообще вести любое дело.

Завод наш выпускает самоходные кормоуборочные комбайны. Хорошая машина — мощная, производительная. Но поступают еще к нам рекламации на нее. Заводской брак. Иногда ведь достаточно подсунуть малюсенькую деталь с изъяном, чтобы потом в самое неподходящее время целый узел вышел из строя. А кто виноват? Да вот та самая безлика личность, которая может пойти на работу в жеваных брюках и с оторванными пуговицами у пальто... Либо чрезмерно чванится сверхмодными джинсами и иностранными нахлопка-

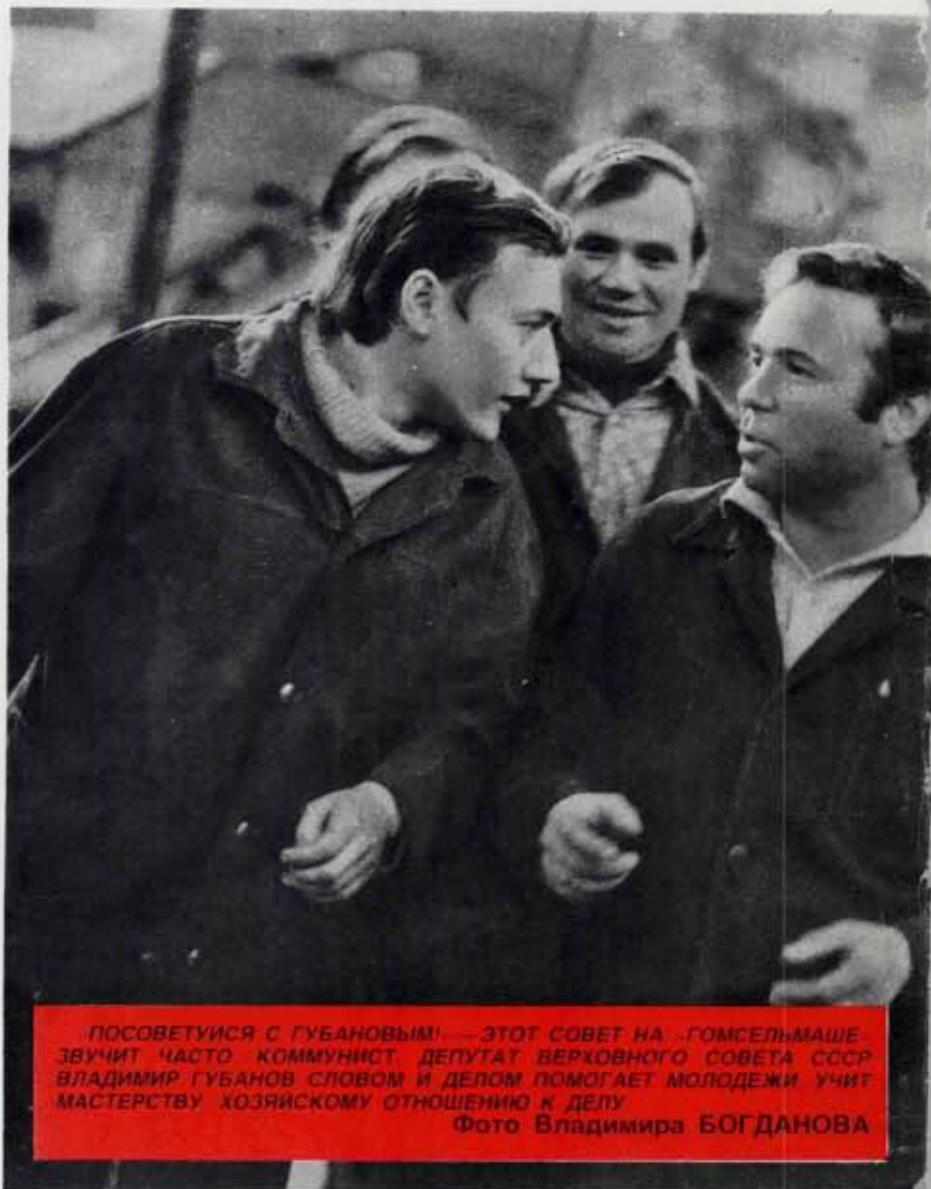
ми — этих, кроме тряпок, ничего не волнует.

— Думаю, Петр Куприянович, не всегда сбывается эта закономерность: неряшливость в одежде — неряшливость в работе. Хотя и так бывает. Но, может быть, дело в том, что этой безликой, как вы сказали, личности так существовать проще, удобнее? Кое-как смену от-

был — и ладно. За «безликость» не увольняют... Зачем же выкладывать-ся на работе? Зачем учиться? А без наград и почестей вполне прожить можно. Ну, нет у человека здорового честолюбия, что поделаешь!

— Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

— Но ведь солдат много, а сколько из них получается генералов?

ПОСОВЕТУИСЯ С ГУБАНОВЫМ! — ЭТОТ СОВЕТ НА «ГОМСЕЛЬМАШЕ» ЗВУЧИТ ЧАСТО. КОММУНИСТ, ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ВЛАДИМИР ГУБАНОВ СЛОВИМ И ДЕЛОМ ПОМОГАЕТ МОЛОДЕЖИ УЧИТЬ МАСТЕРСТВУ, ХОЗЯЙСКОМУ ОТНОШЕНИЮ К ДЕЛУ

Фото Владимира БОГДАНОВА

ЛГА — ЗЯИНА

— Речь не об этом. Можно всю жизнь оставаться рядовым рабочим, но достичь в своем деле таких высот, которые ничуть не ниже генеральских. Вот у нас в одном из механических цехов есть бригадир наладчиков Владимир Губанов. Точно знаю: нет у него никакого чрезмерного стремления к наградам и почестям — они сами его находят. Сперва была медаль «За трудовое отличие», потом орден Трудового Красного Знамени, года три назад — звание лауреата Государственной премии СССР. А вот теперь мы избрали Губанова депутатом Верховного Совета СССР. И в чем же тут секрет? Да в том, что он просто не умеет работать абы как, спустя рукава. Только с максимальной отдачей!

Когда заходит речь о каких-нибудь нарушениях, часто приходится читать и слышать: «коллектив проморгал», «коллектив недосмотрел» и тому подобное. Конечно, на то он и коллектив, чтобы поддерживать порядок в своей рабочей семье. Ну, а сам-то нарушитель, он что, дитя малое, неразумное? Кто ему мешает жить честно, работать добросовестно, вести себя достойно?

— Но, мне кажется, Петр Куприянович, даже очень способному человеку нужен какой-то первоначальный, если хотите, толчок, помощь, чтобы он нашел себя, надежно и прочно определился в жизни, выбрал дело по душе и сумел проявить способности. Не зря же у нас появилось наставничество...

— Правильно. Не спорю. Сам я шеф-наставник и от души доволен многими своими учениками. И все-таки считаю, что человек прежде всего сам должен нести ответственность за себя.

Помните Митрофанушку из «Недоросля»? Не так давно я узнал: оказывается, у Митрофанушки был совершенно реальный прототип — великовозрастный дворянский оболтус Алексей Оленин. И вот он как-то случайно попал в Москву на эту пьесу. Комедия так его потрясла, что недоросль взялся за ум, накиннулся на учение и стал потом одним из самых образованных людей в России. Он был хорошим археологом, историком, художником, директором Публичной библиотеки, президентом Академии художеств, с ним поддерживали дружеские отношения Пушкин, Крылов, Карамзин, Лермонтов...

Что вы на это скажете? Ведь он сам выбрался из болота — вот что важно, хотя обстановочка вокруг Митрофанушки, прямо скажем, этому не способствовала. Так или нет? А сейчас возможности у молодежи самые благоприятные. Между прочим, вы обратили внимание, что у нас по всему заводу расклеены объявления о наборе слушателей в университет научно-технического творчества?

— Обратил, Петр Куприянович. Даже выписал оттуда в блокнот целевую установку: «Университет обучает современным методам поиска новых технических идей и решений (мозговой штурм, синектика, морфологический анализ, алгоритм решения изобретательских задач). Основной учебный предмет — методология технического поиска». Но для меня, честно говоря, это как-то сложновато. Мозговой штурм — куда ни шло. А вот синектика, морфологический анализ, алгоритмы... Кто же там занимается?

— Представьте себе, наши обыкновенные парни и девушки со средним образованием. И ничего: разгрызают и синектику, и алгоритмы, и морфологический анализ. Было бы желание. Хотя, конечно, шевелить мозговыми извилинами — дело не простое. Но ведь надо! Научно-технический прогресс движется не на копытах и не по дедовским правилам: «А ну, ребята, засучим рукава!» Возле станков с числовым программным управлением, сколько их ни засучивай, толку не будет, если у тебя нет подходящих знаний.

Вот не так давно к нам в цех прибыли два импортных шестицилиндровых фрезерных станка с программным управлением. Фирма, которая их выпускает, сообщила, что на монтаж станков пришли своих специалистов. А тут подходят ко мне комсомольцы из моей бригады — Анатолий Руденков и Леонид Тарасенков, которые, кстати, прошли курс обучения в этом самом университете.

— Пока там зарубежные специалисты соберутся, давайте сами попробуем.

...Мы в значительной мере рассчитываем именно на мастерство рук, на дерзание мысли, на трудовую совесть нынешней молодежи.

...Но придется иметь дело и с немалыми трудностями, принимать на себя повышенную ответственность. Таковы требования современного производства.

Из речи
Генерального секретаря ЦК КПСС,
Председателя Президиума Верховного Совета СССР
товарища К. У. ЧЕРНЕНКО
на Всесоюзном совещании секретарей
комсомольских организаций.

Чертежи ведь есть, инструкция имеется. Это же сколько мы сэкономим и времени и валюты...

Цеховое и заводское начальство на нашу просьбу откликнулось:

— А давайте! Риск — благородное дело...

Немцы, вы знаете, народ аккуратный, педантичный. Приехали, посмотрели. «Кто дело делал?» «А вот наша молодая гвардия». Уважительно пожали руки: «Гут, Гут».

— Так-то оно так, Петр Куприянович. Но перед тем, как встретиться с вами, я несколько дней ходил по цехам «Гомсельмаша». Смотрел, спрашивал, слушал. И у меня сложилось впечатление, что у вас есть и такие, которые шиты, что называется, лыком, да и то на скорую руку. Взять хотя бы недавний случай. Среди белого дня на территории завода столкнулись тепловоз и трактор. Потому что машинист тепловоза Анищик и тракторист Кочан были в тот момент «под градусом». Или вот в вашем же цехе, пока сюда шел, прочитал в сатирической «Протыжке»: токарь Корбут задержан на проходной за попытку вынести 15 дефицитных резцов...

— В семье не без урода, как это ни горько. А в основном-то наша рабочая семья крепкая, дружная, дисциплинированная, умеет держать марку и видеть немного дальше, чем такие, как Корбут.

— Знаете, о чем я сейчас подумал, Петр Куприянович? Чтобы чувствовать себя настоящими хозяевами на производстве и в жизни, работать с азартом и красиво, надо, видимо, прежде всего любить свою профессию. Тогда будут и заинтересованность, и удовлетворение от того, чем занимаешься, и творческое отношение к работе...

— Поговорили бы на эту тему с фрезеровщиком нашего цеха Владимиром Кохно... Когда он пришел на завод после десятилетки и его поставили к станку, у Володи даже руки опустились — до того не понравилось ему это «скучное и неинтересное» дело. По натуре он парень лихой, энергичный, в самый бы раз ему каскадером в кино выделять трюки. А тут сильно ведь не разогнисься: надо спокойно, неторопливо «вылизывать» каждую деталь.

Сперва не получалось у парня так, как, например, у его наставника Петра Никифоровича Ларчика. Злился, даже хотел бросить это занятие. А потом осерчал на самого себя, взыграло самолюбие: другие могут, а я чем хуже? Стал присматриваться к тем, у кого за плечами мастерство и опыт, наведываться в техническую библиотеку. Говорят, чтобы стать станочником высокой квалификации, требуется примерно четырнадцать лет. Иным и этого срока не хватает — всю жизнь перебиваются в середнячках. У Кохно дело двинулось гораздо быстрее. Думается, тут и характер его сказался, помогли занятия в университете научно-технического творчества. Уже через несколько лет стал наш Володя не просто хорошим работником, но даже активным рационализатором и участником областных, республиканских, отраслевых и всесоюзных конкурсов мастерства. И ни разу

с этих конкурсов не приезжал без призов. Любовь к профессии, знаете ли, рождается через труд — упорный, до пота...

Неравнодушный человек в любом деле отыщет хорошее и увлекательное. «Хочешь жить для себя — живи для других» — так, кажется, говорил какой-то древний мудрец? Ведь это самое последнее дело, когда человек только к себе да о себе, когда ему на общее наше дело наплевать. Мы вот с вами говорили о тех, кому не дорога честь родного завода, для кого брак — не событие. «Подумаешь, с кем не бывает...» — бормочут они в свое оправдание. Да я десятки наших рабочих назову, с кем этого никогда не бывает, которым совесть не позволяет марать марку своего завода. Для таких людей 22 тысячи рублей — а это себестоимость нашего комбайна — не просто сумма, тебе не принадлежащая, а нелегкий труд товарищей по заводу. Разве можно себе позволить, чтобы труд этот пропадал даром, как это бывает, когда комбайн останавливается. Ведь не только комбайн из-за чьей-то недобросовестности превращается в груды железа! Стоит комбайн — нечем корма убирать, нечем потом будет скотину кормить. Откуда же тогда молочным рекам взяться?.. Должны мы об этом думать? Обязаны.

Я вот сказал: «В семье не без урода». Не в оправдание сказал, поймите. А с горечью и обидой. Ведь как хочется, чтобы не было их в нашей заводской семье. Вот и надо для этого, чтобы подобные работнички знали: ни один их выкрутас не пройдет бесследно. За все придется ответ держать. И расплачиваться придется за свои художества. Вот тогда призадумаются. Иногда мы слишком легко прощаем мелкие проступки, жалеем, а потом, когда до серьезного доходит, руками разводим: кто бы мог подумать? А думать всегда можно, это никогда не вредно. Не пугать людей наказаниями я предлагаю, а совесть их будоражить... Сейчас у нас на заводе остановка построже стала, в бригадах «художников» попржиали, и их сразу заметно поубавилось. Да разве может быть иначе? Разве устоят они, если за них весь завод примется?

— Мне рассказывали, что на «Гомсельмаше» не хватает станочников. Как-то в отдел кадров пришел рабочий с дочерью: не прошла по конкурсу в кооперативный институт. Просит устроить на работу. Кадровики предложили девушке пойти в литейный цех стерженщицей — будет под отцовским присмотром, или крановщицей, или электросварщицей; хорошие заработки, почет и уважение. Вон Раиса Яковлевна Козлова всю свою трудовую жизнь работает электросварщицей, имеет ордена и медали, удостоена звания Героя Социалистического Труда... Дочь смотрит на отца, а тот мнется: «Да нет, уж вы, пожалуйста, ее куда-нибудь в контору. Мы с матерью всю жизнь в цеху, так пусть дочке будет полегче...»

— Слышали басню о двух мусульманских священниках? Нет? Ехали они куда-то на одной телеге и к вечеру остановились на постоялом дворе. Умылись, помолились, поужинали, надо же и о лошади позаботиться. Кому идти? Один

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1372) ИЮЛЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
на кинообложке
Центрнаучфильма
медведи — самые
популярные актеры.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

Материал
«Встреча в лесу»
читайте
на 3-й обложке.

Дисциплина
труда

говорит: «Мне нельзя: я мулла». Второй ему отвечает: «Ты мулла, я мулла, а кто ж коня кормить будет?».

А если серьезно, то вот что скажу. Наши заводские конструкторы создали отличный кормоуборочный самоходный комбайн: на международной выставке «Земля-кормилица» он получил золотую медаль и диплом первой степени. Конструкторам, конечно, огромное спасибо, но делают-то комбайн рабочие. Без них любые чертежи — это просто-напросто макулатура по цене 20 копеек за килограмм. Чертежами-то траву косить не будешь...

Конструктор — это вроде как композитор. Инженер-технолог — дирижер большого производственного оркестра. Рабочие — оркестранты. Без оркестрантов нет музыки. А чтобы она звучала правильно и красиво, каждый должен в совершенстве владеть инструментом. Например, так, как тот же Володя Кохно.

И вот еще что надо иметь в виду. Хороший рабочий — это, как правило, и активный общественник, который на заводе не только деньги зарабатывает. Кохно, к примеру, коммунист молодой, но на участке его единогласно избрали партгрупоргом. Партийные дела он ведет так же энергично, как и работает.

— Скажите, Петр Куприянович... У вас ведь немало всяких наград. Какая из них наиболее памятная?

— Наверное, самая первая. Правда, ее нет в моей трудовой книжке, потому что получил я ее во время службы на боевом корабле. За успехи в боевой и политической подготовке мне на торжественном построении была вручена Почетная грамота Центрального Комитета ВЛКСМ...

Представьте себе... На борту нашего красавца корабля четкие шеренги моряков в полной парадной форме. На корме поднят, реет на ветру флаг Военно-Морского Флота. За бортом под ослепительным солнцем неоглядный синий океан... Играет духовой оркестр, и под звуки марша я печатаю шаг, а внутри все колотится от волнения... Никогда не забуду этих минут... Все-таки флот есть флот. Умеют там и продрать тебя с песочком, если провинился, ну а заслужил — наградят красиво, так, чтобы память осталась.

Я это к чему? Ведь у нас порой грамоты, премии вручают так буднично, серо, словно и не праздник это для человека вовсе. Неправильно это. Наградить, отметить человека тоже надо уметь. Так, чтобы у него после этого крылья за спиной выросли.

А вообще, если уж рассуждать о том, как человека можно поощрить, то говорить надо не только о наградах, зафиксированных официально на бумаге. В жизни бывают награды и другие, но не менее памятные.

Я вот самой дорогой для себя наградой считаю уважение и доверие товарищей по работе. Им ведь пыль в глаза не пустишь. Быстро раскусят, кто ты есть и что у тебя за душой. И вот представьте себе такой случай. Я еще молодой был, только-только начинал работать на «Гомсельмаше». Впервые услышал тогда про заводского стахановца Павла Лаврентьевича Лосева. Талантливый был кузнец, с непонятной для меня легкостью устанавливал рекорд за рекордом. С завистью думал: «Вот бы и мне так». Прошли годы, и вот однажды приводит ко мне знаменитый Лосев своего сына Леонида: «Сделай, Куприянович, из него хорошего слесаря». Знаете, я человек не sentimentalный, а тут — поверите или нет? — спазмы в горле и в носу какое-то щекотание. Взрослый мужик, а готов слезу пустить по непонятной причине...

Или такой пример. Читаю как-то в газете Указ о награждении старшего следователя Гомельского райотдела МВД капитана милиции Скачкова Бориса Федоровича медалью «За боевые заслуги». И прямо от гордости меня распирает за этого парня, который, как оказалось, задержал вооруженных преступников. Ведь это в нашей бригаде он начинал свой трудовой путь и семь лет работал слесарем, и это мы рекомендовали его в милицию. Значит, правильно разглядели в парне сердцевину. Такого куда ни поставь — нигде не подведет.

— Петр Куприянович, я знаю, что ваша бригада уже четыре пятилетки подряд работает с опережением времени и никому не уступает первенства. Вот и пятилетнее задание вы уже выполнили в июле, к сорокалетию освобождения Белоруссии. Что это у вас за крылья, которые так быстро несут и никогда, похоже, не устают?

— Ну, если сравнивать с крыльями, тогда, значит, получается так. Одно крыло — мастерство, второе — трудолюбие. Плюс к тому крепкий позвоночник — трудовая дисциплина. И сильные мускулы — чувство ответственности за свое дело. Если этого нет, то и не улетити далеко, будешь как воробей: чик-чирик да прыг-скак с места на место.

Мы у себя в бригаде быстро допускаем новичков к самостоятельной работе. Причем я уже давно заметил: чем меньше стоишь у хлопца за спиной и жуешь для него жвачку, тем он быстрее втягивается в работу. Вот, к примеру, один из моих подшефных — Леонид Тарасенко. Вижу, парень смысленный. А мне некогда. Даю ему работу и книгу: разберись самостоятельно, потом мне расскажешь. Пораскинет хлопец мозгами, переберет несколько вариантов решения — смотришь, легко усвоил и теорию и практику. Если допустит брак — не давлю на психику, не машу кулаками. Дело житейское: у самого, помню, тоже сначала далеко не все получалось. Советую: «Сейчас уже времени нет обсуждать, почему и отчего вылез этот брак. Дома поразмысли, а завтра сам все мне объяснишь». Ну и вот результат: сейчас у нашего Леонида уже шестой разряд. Работник — золото.

Или взять хотя бы такой случай. Попал к нам в бригаду Володя Захарченко в самое напряженное время — цех модернизировался, и мы принимали в том активнейшее участие: копали котлованы, заливали их бетоном, устанавливали на эти фундаменты новые станки и всякое другое оборудование. Работали по двенадцать часов в день, до седьмого пота. Володя сперва тоже вроде охотно включился в наши общие дела. Потом охотка у него пропала. Сказал как-то:

— Смена давно закончилась. Да и не мое это дело — ковыряться с землей и бетоном. У меня вот билеты в кино...

— Ну, не твое так не твое, — отвечаем. — Дело тут, сам знаешь, добровольное. Хочешь в кино — иди, потом нам расскажешь, а мы еще часика два-три поработаем.

Кончили дело, пошли в душ — смотрю, и Захарченко здесь. Видеть-то я его видел все это время, да в горячке как-то не до особых размышлений, а тут вспомнил, спрашиваю:

— Ты что же не в кино, Володя?
— Да знаете, Петр Куприянович, вышел я из цеха, постоял, покурил, подумал. Совестно стало. Ребята здесь, а я вроде как дезертир... Кино от меня не уйдет.

Мы и раньше в бригаде жили дружно, чуть что — помогали один другому. Все же как-никак, а наша комсомольско-молодежная одна из первых на «Гомсельмаше» получила звание коллектива коммунистического труда. А в семьдесят восьмом году перешли на коллективный подряд, стали применять КТУ. Причем молодому рабочему бригада платит независимо от разряда, оценивает разные его качества: инициативу, настойчивость в достижении цели, даже

1 ДИСЦИПЛИНА ТРУДА.
«ЧУВСТВО ДОЛГА — ЧУВСТВО ХОЗЯИНА».

8 НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Вячеслава ЕЖЕЧЕНКО «МАЛЕНЬКИЙ».

10 Рассказ Вазиха ИСХАКОВА «ПАМЯТНЫЙ РАЗГОВОР».

12 ОТЕЧЕСТВО. «ПОЛТАВСКАЯ ВИКТОРИЯ».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

15 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

16 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
«ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ — КУЛАК».

18 Глеб ГОРБОВСКИЙ. «КОРНИ». Поэма.

20 Михаил СЛУЦКИЙ. «ОСЕЛ ИВАН СТЕПАНЫЧ И ДРУГИЕ».

21 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Егор ЗАЙЦЕВ, художник-модельер. «ИЗ КОСТЮМЕРНОЙ ЛЕТА».

22 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

24 Виктор ЛИПАТОВ. «ЛИЦА ВО ВРЕМЕНИ».

26 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
Валентин СВИНИННИКОВ. «РЫЦАРЬ ДОБРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ».

29 Леонид МЛЕЧИН.
«ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД». Политический детектив.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Н. Виноградов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

культуру поведения. То есть бригада как бы всей семьей поддерживает хлопца. А кому ж охота подводить свою семью? А чтобы уплотнялось время и веселее шла работа, у нас уже почти каждый из двадцати членов бригады имеет по две-три смежные специальности. Это большой выигрыш: никто никогда не сидит без дела...

— Петр Куприянович, сейчас широко развернулось движение за сверхплановый рост производительности труда на один процент и снижение себестоимости продукции на полпроцента...

— Нужно дело. Но вот что я должен сказать по этому поводу. Бывает, и хорошие починки поддерживают механически, бездумно: сказали — процент, ну и давайте проголосуем за процент. А мы вместе все тщательно продумали в бригаде и видим, что возможностей у нас больше. Зачем их таить? Не на один, а на пять процентов сверх плана повысим производительность. А себестоимость снизим не на пять, а на шесть десятых процента...

Время было позднее: оставалось каких-нибудь часа два или чуть больше до окончания второй смены. Ковалев проводил меня до выхода из цеха, показал дорогу, а сам пошел переодеваться. Но я заблудился на огромной заводской территории и снова, как в заколдованное место, попал в инструментальный. Недалеко от входной двери сверкали сполохи электросварки. Что-то знакомое показало в фигуре электросварщика. Да ведь это Ковалев! Новое дело. То в котловане с отбойным молотком. Теперь за сварку взялся.

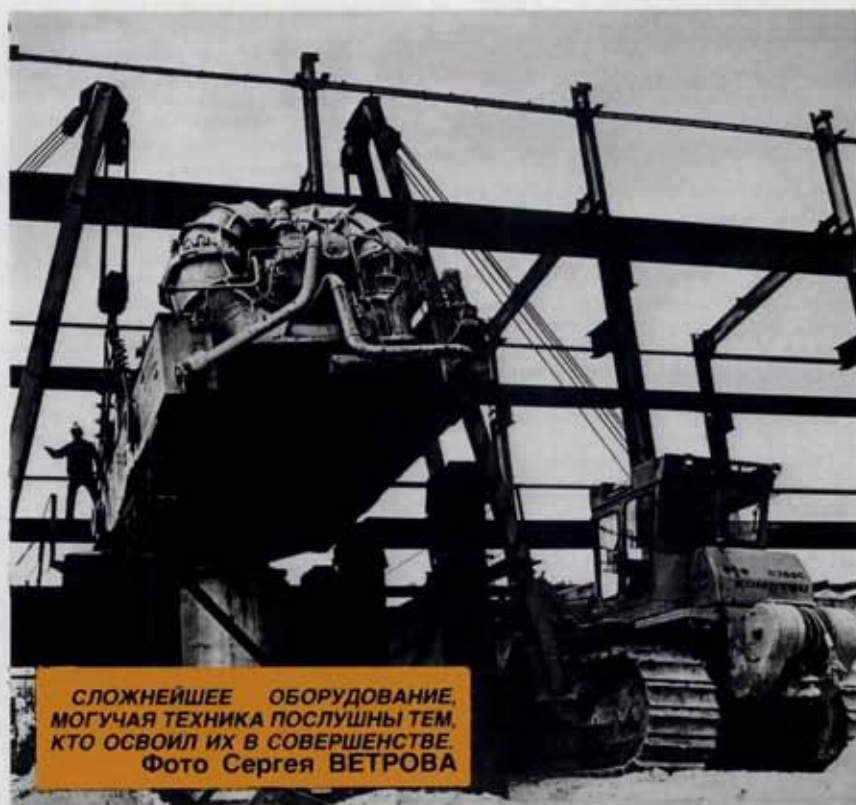
Отвлекать Ковалева я уже больше не решился. По счастливому стечению обстоятельств мы столкнулись в тот поздний вечер с секретарем цехового комитета комсомола Михаилом Литвиновым, который с группой «прожектористов» проводил рейд по проверке соблюдения трудовой дисциплины. Он и раскрыл мне «тайну перевоплощений» Ковалева.

Все оказалось очень просто. Продовольственная программа потребовала от «Гомсельмаша» резко увеличить производство кормоуборочной техники и притом самой современной. Для этого понадобилось коренное техническое перевооружение. Пройдена уже половина пути. Но дело осложняется тем, что надо и реконструкцию вести и темпы производства наращивать изо дня в день.

Не обошла модернизация стороной и главный инструментальный цех «Гомсельмаша». Тут, например, уже давно устарело термическое отделение. Взались за его реконструкцию. Дело немалое: демонтировать изношенные печи, поставить новые. Но сначала выкопать под них котлованы, поставить фундаменты, оборудовать тоннели. Трудоемкое дело и весьма срочное. Чтобы ускорить его, бригада Ковалева решила принять в нем посильное участие на общественных началах. Ведь весь цех, весь завод в этом заинтересован. Вот и решила бригада: негоже в сторонке дожидаться, когда все будет готово. Бригада делает так. На работу пораньше — с работы попозже. Пока одни стоят у станков, другие — в котлованах. Потом меняются. А бригадир, как всегда, впереди. Ведь у Ковалева каких только специальностей нет: он и слесарь, и токарь, и сварщик, и машинист мостовых кранов, и шофер, и бурильщик...

Когда мы с Литвиновым покидали инструментальный цех, близилась полночь, подходила к концу вторая рабочая смена. Последний раз полыхнуло голубоватое пламя электросварки. Ковалев стянул с головы защитную маску, устало выпрямился. Заметив нас, помахал рукой и развалистой «морской» походкой отправился в раздевалку...

Беседу вел
Михаил ПЕЧЕРСКИЙ.

СЛОЖНЕЙШЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ,
МОГУЧАЯ ТЕХНИКА ПОСЛУШНЫ ТЕМ,
КТО ОСВОИЛ ИХ В СОВЕРШЕНСТВЕ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

МОЛОДЫЕ, ВПЕРЕД!

Александр РОГИНСКИЙ

РИСК ПО РАСЧЕТУ

Рассказ о строителях Гребенковской
газокомпрессорной станции

Испытание

В поселке встают в шесть. Столовая работает с семи до восьми, надо успеть позавтракать, а потом еще добраться до площадки, которая в полукилометре от пионерной базы. Ровно в восемь начало работы. Таков железный распорядок стройки, установленный еще в самом начале.

Марченко тихонько подкрался к Костенко и рявкнул над ухом:

— Протегол!

Костенко будто подкинуло с кровати. Этим словом сегодня можно было кого угодно наругать в комсомольско-молодежной бригаде Марченко.

— Черный цвет — цвет траура. — говорили на стройке. — Траура по бригаде Марченко.

Их управление — механомонтажное. Устанавливали оборудование, прокладывали технологические трубопроводы. В паспорте СУ-14 значились такие объекты: как Сумское машиностроительное производственное объединение имени Фрунзе, в этом же городе химкомбинат, насосный завод... Но вот компрессорных станций для газопроводов они пока не строили. Поэтому и начали подготовку задолго до первого колышка. Все шло нормально, и ни у кого не было сомнений в успехе. Тем более что начало работ здесь было обнадеживающим. Бригада Марченко неоднократно становилась победителем соревнований, на монтаже холодильников и газоочистке создала запас времени в полтора месяца. И все шло отлично, пока им не поручили изолировать стыки специальной «па-

стой» — протеголом... Они этого раньше не делали, но решили: неужели асы-монтажники не смогут справиться с такой пустяковой задачкой? Подумаешь, изоляция — мажь себе и мажь.

Не учли одного. Компрессорная — не обычный объект: высокое давление, температура. Очень строг технический надзор. Изоляция прозванивалась, а не только визуалью проверялась, малейшую пробоину в ней находили тут же.

Шеф-монтажник ходил по трубам и только и делал, что писал на полированных смоляных поверхностях отрицательные заключения.

В первые дни ребята думали, что их просто-напросто разыгрывают. Быть такого не может, ведь все делали по технологии. И два миллиметра толщины выдерживали, и пять часов сох у них протегол. Но была какая-то злая загадка в этом протеголе: отверстия с игольчатый укол появлялись постоянно...

Марченко переживал больше всех: он отвечал за бригаду. Ночью вдруг проснулся и начал лихорадочно думать, что делать дальше. Может быть, он ошибся, поручив это дело Костенко? Но кто же тогда лучше его сделает? Знал он Евгения отлично: характер — железный. «Пасты задних», как говорят у них на Украине, он не умел и не любил. Нет, не мог он ошибиться в Евгении.

После завтрака они пешком отправились на площадку.

Быстро переоделись в бытовку. По несколько нервным движениям Костенко бригадир видел: не терпится ему на

станцию. Похоже, что-то Женя придумал... Сам бригадир работал сейчас на другом конце компрессорной, и времени не хватало даже голову поднять, не то чтобы контролировать других. Хотя как бригадир он, конечно, обязан был проверять каждый шаг своих подопечных. Но есть у них в комсомольско-молодежной такой закон: каждый отвечает за качество.

Так когда-то учил его Павел Иванович Еременко, так он с первых дней поставил и у себя в бригаде.

Вспомнил о Еременко. Его бригада работала сейчас рядом — на установке турбогенератора. Приехал Павел Иванович со своим отрядом попозже и сразу в гости пришел.

— Хорошо живете, — обвел взглядом бытовку. — Ну, а как работаете?

А на ту пору была другая загвоздка — шел сплошной брак на стыках. Сварщики высококвалифицированные, а вот, поди ж ты, брак. История, очень похожая на нынешнюю историю с протеголом. Никто не мог понять, в чем дело. Возили электроды специалистам; те даже смотреть не захотели: очень уж солидная фирма поставляла электроды. Дело зашло в тупик. Выручил сварщик. Случайно переломил электрод, а внутри, за высококачественной обмазкой, — ржавчина. Вот к чему привело небрежное хранение; видимо, ящики с электродами стояли где-то в сыром месте, а сколько из-за этого нервов потеряли монтажники, пока выяснили причину брака!..

Про это и рассказал Марченко Павлу Ивановичу. Внимательно слушал Еременко, приятно было ему сознавать, что ученик помнит его советы и наставления.

А учил Еременко главному на монтаже — точности и качеству. Первый урок он преподал Марченко, когда строили Сумской молокозавод. Для быстроты на одном отрезке Марченко хотел смонтировать трубы наискосок. Еременко тогда сказал: «Некрасиво будет. Переделай. Час потеряешь, но сделаешь лучше». С тех пор не сокращал, не спешил Марченко, хотя не любил да и просто физически не мог работать медленно.

...Костенко спешил, ему не терпелось проверить свои новые расчеты. Когда он понял, что одним наскоком задачу не решить, приступил к длительной «осаде». Приказывал себе: не торопись, присмотришься, на чем спотыкаешься.

Раньше над Костенко шутили: ты, мол, из монтажников да в трубочку попал. И он обижался, даже просил бригадира убрать с этого участка. Но потом незаметно для себя въелся в эту работу, задела она его профессиональную гордость. Кто кого: или протегол его, или он протегол?

А сейчас уже не обращал внимания и на грязь, и на шуточки, и на жаркое солнце. Да и не привыкать было к трудностям. Летом, если вспомнить, тут похуже было. Для фундаментальной проварки коренного шва надо было лезть в трубу и зачищать стык. А трубы разные — и метровые и полуметровые. А жара за 30 градусов, и еще подогрев на стыках, внутри ад — и только. И лезли в трубы, дышали огнем, вылезали, хохот на площадке стоял: вылитые черти. Так что сейчас еще по-божески.

Солнце напекало затылок. И как только шпатель прикоснулся к поверхности трубы, Костенко про все забыл. Перед ним теперь была только гладкая металлическая поверхность, банки с протеголом и шов. Руки двигались в автоматическом режиме по вычерченной в мозгу параболу, пальцы правой сжимали шпатель, а левая уже тянулась за следующей банкой.

За спиной своей угадал шеф-монтажника — тот шаркал ногой по трубе и поспалывал, — и Евгений заработал новым шпателем еще азартней. И вдруг Костенко услышал то, чего слышать ему здесь еще не приходилось:

— Браво, браво!..

Он обернулся и увидел улыбающегося шеф-монтажника...

Подъем

Каждый вторник на компрессорную из Сум приезжал начальник управления Беленец. В этот день на комплексе проводилась большая оперативка с участием строителей, заказчиков, руководства, проектировщиков. Решались стратегические задачи стройки, разговор шел по самому крупному счету.

Молодой начальник участка Александр Герашенко заметно нервничал. Был он одним из лучших руководителей участков, и уже не раз намекали ему: мол, засиделся ты на линии. Герашенко отмалчивался, а когда уж совсем допекали, отвечал: «Мне бы в бригады, а не в контору».

Но сейчас на его участке обстановка сложилась непростая. То держала бригада Марченко, а тут еще другой прорыв намечился — на монтаже компрессоров. Проектировщики представили прекрасный проект — и бетонное основание под краны и простор для техники... Но генподрядчик бетонное основание полностью не сделал, все перерыл, оставил после себя горы труб, конструкций, и получилось — кран для монтажа оборудования поставить негде...

— Выносим на повестку дня компрессоры, — сказал начальник управления.

Герашенко и Николай Панченко, бригадир комсомольско-молодежной бригады, которой предстояло вести монтаж компрессоров, переглянулись — теперь их будут склонять на всех оперативках...

Всякий раз, начиная новое дело, Панченко рисовал, как он сам выразился, «карандашом воображения» будущую схему монтажа. Побывав накануне на площадке, Панченко убедился — вести монтаж по проекту невозможно... Что же это значит?.. Он вспомнил, как ездили в Ленинград посмотреть на компрессоры еще до начала монтажа. Увидели компрессор на стенде, и почему-то напомнил он им ракету перед перевозкой на ракетодом. Главный инженер управления Огородников сказал тогда Панченко: «Сей огурец кушать вам, твоей бригаде».

«Скушать» его теперь можно было только лишь составив новый проект монтажа. И Панченко принялся за его составление.

Исходные данные: у заказчика имеется мощный 130-тонный кран, им одним можно посадить блоки на фундаменты. Главное — подогнать трайлер с компрессором поближе к месту монтажа, тогда и кран приблизится и, значит, обеспечит надежный подъем. Блоки предстояло поднимать приличные — один турбогенератор весит 70 тонн. Если учесть ползущий грунт, то этого достаточно для неприятностей...

Когда Панченко рассказал о своих соображениях, его отговаривали: может, лучше затянуть монтаж, но делать все по проекту?.. Настаивать на своем предложении, не посоветовавшись с бригадой, со специалистами, Панченко себя вправе не считал...

Бригада своего бригадира поддерживала. «Возьмем ответственность на себя». Были подготовлены и новые расчеты. Готовность людей взять ответственность на себя основывалась на богатейшем опыте монтажников, их мастерстве, надежных знаниях и умениях в деле выкладываться без остатка. Потому Панченко и пошел на риск, что был он совсем не слепым. После разговора в бригаде, советов со специалистами, зная обстановку на стройке, он считал себя вправе пойти на изменение проекта. И вот настал этот день.

Трайлер, тяжело вдавливая колеса в грунт, гусеницей вполз на площадку. Дело шло к вечеру, и поглазеть на диво-монтаж собралась приличная толпа.

Кран готов был взять телескопической «рукой» блок, монтажники — принять его и тут же закрепить. Но что-то тормозило Николая, что-то он хотел изменить, но пока не мог понять что. Это было предчувствие, и оно не обмануло его.

— Вира, — все же показал крановщику.

Дрогнул трос, скрипнула плита под лапой крана. «Вот оно где», — сразу понял Николай. Теперь он смотрел только на лапы, упирающиеся в бетонную плиту. Чем выше поднимался блок, тем глубже уходили лапы в бетон. И вот уже не скрип, а треск — плита раскололась на две части и лапы резко ушли в грунт. Крановщик тут же посадил блок обратно на трайлер.

Переглянулись, собрались в кучу монтажники. «Что делать?» — читал в их глазах Панченко.

Можно прекратить подъем, и никто ничего плохого не скажет. Но Панченко уже не помышлял об этом. Теперь его душа очистилась от всяких предчувствий, он был уверен в успехе.

— Трайлер еще ближе к фундаменту, а под колеса — шпалы.

У крана была низкая посадка, долго возились с прокладкой пути из шпал.

— Вира, — снова командовал Панченко.

Теперь дело пошло.

На следующий день много разговоров было на стройке об этом подъеме. На компрессор ходили смотреть, как на инопланетный корабль. Еще бы, ведь это был первый отечественный компрессор, который монтировался на украинском участке газопровода Уренгой — Ужгород.

Ключ на «пуск»

В трудовой книжке бригадира Николая Вернигора указано всего два места работы: электрик Сумского машиностроительного производственного объединения имени Фрунзе и киповец на Сумском участке треста «Промэнергоавтоматика».

Вот уже четырнадцать лет руководит Вернигора молодежной бригадой. Работу свою любит. За что? Ответ предельно ясен: за большую ответственность, за видность (то есть у всех она на виду), за точность. Потом кратчайшее пояснение: ответственность подстегивает, видность воспитывает, точность образовывает. Формулировки отточены, продуманы, сомнениям уже не подлежат.

Человек Вернигора неразговорчивый, уважающий в людях четкость, аккуратность. Любит порядок и чистоту. Вокруг одно время изумлялись, когда он, придя на смену в операторскую, первым делом брал веник и подметал пол. Он никому ничего не демонстрировал, не навязывал, просто иначе не мог работать. Похож на него и ближайший помощник, Николай Кривицкий. Впрочем, все, кто работал с Вернигорой, чем-то становятся на него похожими. Прежде всего любовью к делу, серьезнейшим к нему отношением.

Не зря говорят, что КИП и А (контрольно-измерительные приборы и автоматика) — глаза, уши, сердце и мозг предприятия. Повысилась температура в трубах — об этом должны сообщить датчики, увеличилось давление в «нулевой зоне» на узле подключения — снова сигнал приборов. Охранные краны в случае пожара перекроют газопровод. Появится чрезмерная вибрация на компрессоре — и опять же в дело вступит автоматический контроль.

Коротко говоря, производство напиговано КИП и А. Километры кабелей, импульсных труб, лотков. Один пульт управления вобрал в себя 27 щитов. Вот они, красавцы, стоят, тесно прислонившись друг к другу. Газообнаружение, противопожарный, общестанционный... 200 000 подключений проводов (каждый имеет свой номер). Запутаться — легче легкого.

Все начинается с технологии монтажа. Бригада Николая — творческая. По уставу в творческой бригаде должны

работать рационализаторы, которые внедряют свои или заимствованные предложения. Этот устав в его коллективе неукоснительно выполняется. Что предложила бригада на компрессорной? Ну, начать с того, что разработали стратегию ведения работ: надо по возможности быстрее уйти с улицы, закрыться в каналах. Пойдут дожди, а это самое скверное.

Теперь — «чистое» творчество. Коробка и утепленный шкаф стоят на двух металлоконструкциях. Но нельзя ли сэкономить время и металл? И вот решение: можно «посадить» шкаф и коробку на одну раму. А здесь шкафы стоят далеко от оборудования, не очень-то проектировщики задумывались об экономии материалов. А мы задумаемся! И вот уже шкафы приближены к оборудованию. А это что за недоразумение такое, прокладывать провода в трубах? Сколько же это металла идет? Сотни килограммов. Для киповцев и тут ларчик просто открывается — положить провода в короба. И в эксплуатации проще (есть съёмная часть) и монтировать легче.

Вот так, по метру, по килограмму, и идет экономия. Потом подсчитают, внушительная цифра получится. Ну, а экономия рабочего времени? Тут счет уже покрупнее будет, ведь они, киповцы, заканчивают строительство. Дальше — только пусконаладка и сигнал «Ключ на «пуск»».

Работают качественно. Переделывать не привыкли, все сдается с первого предъявления. У других бывают задержки по «объективным» причинам: нет сварщика или электрика, у них каждый владеет смежными специальностями. Дали бригаде в помощь (не столько в помощь, а чтобы знал, что и где находится, все пощупал своими руками) паренюка из эксплуатации — Сережу Иванова. Старательный, любознательный. Только головой качает и восторгается:

— Вот это класс!

Киповцы улыбаются. Приятно, конечно. Но рановато сказано. Вот когда закрутятся компрессорная, тогда это слово в награду можно будет произнести. А пока — обычная работа.

Работа на опережение

...Все короче дни, все сильнее пусковое напряжение.

Затемно подъем, затемно отбой.

А на щитах сверкают «молнии» в честь ударников. Высчитывается количество оставшихся до пуска дней. Группа рабочих у огромного транспаранта — как идет соревнование со строителями из ГДР, сооружающими Барскую компрессорную. Много работы у художников, поваров, водителей... У всех много работы.

Так было всегда. Пусковое напряжение началось с первых же дней ударной стройки. Со всех концов ехала сюда молодежь. И ветераны не отставали. Возвращается с пенсии заслуженный строитель УССР И. Т. Лукаш и возглавляет бригаду, в которой много молодежи.

Стройка входит в зиму. Обледенелые машины, металлоконструкции, промерзшая земля. Злой степной ветер. А бригады работают на опережение.

Весна, распутица. А строители в рекордно короткий срок — всего за 9 часов — укладывают 120 кубических метров бетона в фундаменты компрессоров.

Шумные оперативки, страстно выступают бригады: стройке нужны рабочие самоуправление и «рабочая эстафета».

Первые именины. Победа в республиканском соцсоревновании. Комсомольский штаб ищет и находит инициативную молодежь.

Стройка растет, распрямляет плечи. Есть городок строителей, есть городок эксплуатационников. Сдаются узлы компрессорной. Круче накал борьбы. Плотнее черед радостных событий. Пусковое напряжение возрастает.

Николай ВЕЛИКАНОВ,
комсорг
комсомольско-молодежной
бригады сварщиков
петрозаводского
судоостроительного завода
«Авангард»

ИЗ ОДНОГО КОТЛА

О бригадной форме организации труда сегодня порой говорят как о новом методе работы в промышленности. А вот на нашем заводе бригадный метод принят издавна.

Индивидуальной сдельщины я хлебнул, когда пришел на завод после армии. Цех тогда осваивал новую продукцию — рыболовный трайлер типа «Паланга». Бригады задержались на сборке судов старой модели, отрядив на «Палангу» по одному человеку. Сюда же направили и меня, чтобы набирался ума-разума. Потому единого коллектива у нас не было.

Не скажу, что без дела слонялись. Дел-то всем хватало. Не хватало порядка.

Поэтому, как только появилась возможность, с радостью согласился перейти в бригаду.

Ну, во-первых, артельно, с близкими тебе по духу людьми всегда работает веселее, интереснее.

Атмосферу взаимопомощи и товарищеской принципиальности в бригаде определяют не только отвлеченные духовные категории, но и реальные экономические условия. И прежде всего единый наряд, общая заинтересованность всех членов бригады в коллективном конечном результате, от которого зависит и размер заработка каждого. Это во-вторых.

Ведь раз интерес у нас общий, мы и стоим за него вместе, горой. Чуть что не так — углекислого газа, например, не подали или сварочной проволоки не хватает, — совет бригады сразу обращается к мастеру или к цеховой администрации. Не с просьбой уже — с требованием: обеспечить. Нет нам нынче резона протановать либо временно переходить на другие операции, коли платят бригаде от ее «урожая».

Работа наша ответственная. И оплата ее соответственная. В бригаде я стал зарабатывать больше. Вот третья преимущественно.

И, наконец, чисто профессиональная выгода. В бригаде я постоянно занят на операциях, требующих высокой квалификации, сам чувствую, как прибавил в мастерстве, да и по отношению ребят это вижу. Сейчас я уже работаю на их уровне.

Помню, как мы сначала фальшборт на «Паланге» заваривали. Не знали тогда, в каком скоростном режиме делать это лучше. Подумали: чем быстрее, тем больше сделаем. «Завели-

свои полуавтоматы на всю катушку, сварили, а фальшборт изогнулся пропеллером. Так, что сборщики взмокли его рихтовать — кувадами выправляли по нагретому газорезкой металлу.

Будь ты один, запорол фальшборт — с кем не случается? А ну как теперь он к твоей же бригаде вернется, и ты сам его к корпусу будешь приваривать? Вот когда намучаешься: зазоры большие, варить неудобно, наверняка задержишься. Задержишься — бригаду подведешь. Бригаду подведешь — себя же рублем и накажешь.

Нет, так дело не пойдет, решили мы и сообща обмозговали, как улучшить технологию сварки. Скорость снизили, изменили последовательность операций... Глядь, получилось. Брак исчез.

У каждой профессии есть такие вот хитрости, которые постигаются только на практике. И лучшей практической школой остается именно бригада.

С нами полгода работали недавно два парня после ПТУ. Ребята хорошие, старательные, но поначалу пришлось снижать им коэффициент трудового участия: не набавывали на третий разряд. А месяца за три до ухода в армию мы уже твердо стали выводить новичкам «единицу».

Кстати, тогда мы пробовали применять КТУ впервые. Система эта в принципе справедливая. Только пользоваться ею надо осторожно. Да и распространяется она пока лишь на сдельный заработок. Вот если премиальные пополнят «общий котел» бригады, появится больше возможностей поощрять передовиков или наказывать нерадивых.

Правда, это возможно лишь в полностью хозрасчетной бригаде, а мы еще находимся на пути к подряду.

Значительным шагом вперед стало, например, внедрение в прошлом году месячных план-заданий бригадам.

В этих заданиях четко определяются номенклатура, трудоемкость и плановая последовательность выполнения операций. Для нас каждая такая операция является промежуточным конечным результатом, за который нам закрывается единый наряд. Если хоть одна из операций выполнена с опозданием по вине бригады или требует не предусмотренной нормативами переделки, коллектив теряет заметную часть премиальных.

Ритмичность производства, которую мы нынче постоянно ощущаем, для подряда условие немаловажное. Да и то, что бригадный метод утвердился у нас издавна, наверняка в новом деле поможет. Коллективы, работающие на единый наряд с оплатой труда по конечному результату, объединяют сейчас почти три четверти рабочих завода. В нашем цехе их процент еще выше. Надеюсь, что именно у нас появятся и первые бригады-подрядчики. Реальные условия для этого есть.

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

ПОТОМСТВЕННЫЙ МЕТАЛЛУРГ. О СЕБЕ ОН ГОВОРИТ КОРОТКО: «ПРОФЕССИЯ НАША ТРУДНАЯ, СЛОЖНАЯ. РАБОТА У НАС В ЦЕХЕ — НАСТОЯЩАЯ МУЖСКАЯ РАБОТА, РАССЧИТАННАЯ НА ЛЮДЕЙ СИЛЬНЫХ И МУЖЕСТВЕННЫХ И ОЧЕНЬ НУЖНАЯ». О МОЛОДОМ ВАЛЬЦОВЩИКЕ ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ» АЛЕКСАНДРЕ МОИСЕЕВЕ ГОВОРЯТ УВАЖИТЕЛЬНО: «НА ТАКИХ ДЕРЖИТСЯ РАБОТА И ПОРЯДОК». ТАКИЕ ЛЮДИ НУЖНЫ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ.

СЕЙЧАС НА «СЕРПЕ И МОЛОТЕ» ОСОБЕННО СЛОЖНЫЙ И ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПЕРИОД — ПРОДОЛЖАЕТСЯ КОРЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ. ВЕДЕТСЯ ОНА БЕЗ ОСТАНОВКИ ПРОИЗВОДСТВА, И В ЭТИХ УСЛОВИЯХ ВДВОЙНЕ НЕОБХОДИМА МАКСИМАЛЬНАЯ ОТДАЧА КАЖДОГО РАБОТНИКА НА КАЖДОМ РАБОЧЕМ МЕСТЕ. ВДВОЙНЕ НУЖЕН ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ, ХОЗЯЙСКИЙ ПОДХОД К ДЕЛУ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОБРАННОСТЬ. НО НЕ ТОЛЬКО ЗАВОДСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕСПОКОЯТ АЛЕКСАНДРА. ОН ДЕПУТАТ МОССОВЕТА, ЧЛЕН ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ ПО ПРОМЫШЛЕННОСТИ. БЫВАЕТ С РЕЙДАМИ-ПРОВЕРКАМИ И НА ДРУГИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ. МОИСЕЕВ СЧИТАЕТ, ЧТО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОРЯДОК НЕ ТОЛЬКО НА СВОЕМ ЗАВОДЕ. НО И ТАМ, ГДЕ РАБОТАЮТ ЕГО ИЗБИРАТЕЛИ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

После выступлений «Смены»

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИТОГ

Сообщаем, что вопрос, поднятый журналом «Смена» (№ 7, 1984 г.) в очерке «Света выходит в свет», обсужден на аппаратных совещаниях обкома, горкомов, райкомов комсомола, на совещаниях секретарей первичных комсомольских организаций, на собраниях членов

оперативных комсомольских отрядов дружинников.

Запорожским горкомом комсомола разработаны конкретные меры по улучшению работы с несовершеннолетними, стоящими на учете в органах внутренних дел как в Орджоникидзевском, так и во всех районах города Запорожья.

Состоялось расширенное совместное заседание бюро Запорожского горкома ЛКСМ Украины и постоянного совещания при начальнике УВД горисполкома, на котором намечены меры по оказанию практической помощи Орджоникидзевскому райкому ЛКСМ Украины. За отсутствие должной требовательности к работникам аппарата райкома комсомола, ослабление личной ответственности за порученное дело первому секретарю Орджоникидзевского райкома ЛКСМ Украины Л. Залужному объявлен строгий выговор.

За серьезные упущения в организации индивидуальной профилактической, шефской работы с подростками, стоящими на учете в районной инспекции по делам несовершеннолетних, объявлен выговор с занесением в учетную карточку второму секретарю райкома комсомола Ю. Жуйкову и строгий выговор О. Андреевой — секретарю, зав. отделом райкома комсомола.

Строго указано заведующему отделом спортивной и оборонно-массовой работы горкома комсомола В. Калинину на слабый контроль за работой райкомов комсомола по шефству над трудными подростками.

За серьезные упущения в работе участкового инспектора Орджоникидзевского РОВД Л. В. Джигурде объявлен выговор.

В настоящее время налажено взаимо-

действие в проведении индивидуальной профилактической работы Орджоникидзевского райкома комсомола с районной инспекцией по делам несовершеннолетних.

Проведена проверка состояния индивидуальной воспитательной работы с подростками, стоящими на учете в органах внутренних дел. По итогам проверки за подростками закреплены шефы и общественные воспитатели.

Все комсомольцы-шефы и общественные воспитатели объединены в специальные шефские группы.

Шефы и общественные воспитатели из числа членов ВЛКСМ закрепляются за подростками на заседании бюро райкома комсомола, организована их учеба-

Александр БЕРЕЖНОЙ,
секретарь Запорожского
обкома ЛКСМ Украины

Даже накануне экзамена, когда знаешь всего один билет, мы волновались бы меньше... В тот февральский вечер переулком блуждающих по темным переулкам мы наконец нашли большой дом и увидели на его стене: «Школа-интернат № 16 Железнодорожного района». Отворили тяжелые, неподатливые двери...

С тех пор мы открываем их каждый четверг. И слышим, как летят навстречу нам голоса наших маленьких друзей. Мы — это студенты факультета журналистики Уральского университета, а наши друзья — это мальчишки и девочки, оставшиеся без родителей и потому живущие здесь, в интернате.

Прошло уже два года со дня нашего знакомства. У кого-то из нас появились свои дети, другой стал работать по вечерам, третий почувствовал, что не хватает душевных сил... Так постепенно к пятому курсу наша группа поредела. Но это совсем не значит, что по четвергам в интернат стало приходить меньше шефов. К нам присоединились ребята со второго курса, а над двумя младшими классами шефствуют третькурсники и первокурсники.

Встречи в интернате, нетерпеливое их ожидание, открытие для себя педагогических истин, давно уже открытых, но еще неведомых нам, общи праздники, наши «педагогические» на обратном пути, ночные раздумья, споры, озарения — все это стало так много значить в моей жизни... Сам не заметил, как обыкновенный мой дневник стал дневником нашей дружбы с детдомовцами.

Два года назад мы колебались, раздумывали и даже боялись ехать в интернат. Нашу затею называли авантюризмом, самостоятельностью. Мы потеряли много драгоценного времени, прежде чем решились приехать. А надо было торопиться. Быть может, эти мои дневниковые записи помогут кому-то преодолеть сомнения, почувствовать себя нужным и прийти к детдомовцам. Им так нужны помощники, советчики, друзья. Ведь ребят таких в интернатах и детских домах много, а нас, шефов, к сожалению, пока во много раз меньше.

30 января 1982 года

...Когда же началось наше шефство? Наверно, в тот зимний вечер, когда мы почти всем курсом собрались в одной комнате общежития. На столе сиял самовар, мы читали свои и чужие стихи, коллективный юмористический роман, потом стали петь под гитару. Вдруг заметили, что на пороге комнаты кто-то стоит. Мальчишка лет десяти внимательно разглядывал нас, растирая ладонями красные уши.

— Ты кто?

— Вовка...

Гостя усадили за стол, он не спеша съел кусок пирога и весь остальной вечер молчал. Только и сказал, что живет в интернате. Мы не знали, что привело Вовку к нам, но увидели его глаза, грустные и не по возрасту серьезные, и очень скоро притихла гитара. Стало немного неловко перед этим мальчишкой, а за что, почему — не сразу и поняли. Понимание это пришло потом, когда мы уже стали буквально своими людьми в интернате.

Вовка быстро заснул под наш негромкий разговор. А мы думали и говорили об одном: вот сейчас, когда нам весело и хорошо, детдомовцам, быть может, очень нужна наша помощь. И даже просто вот этот самовар, наши песни и дружеские руки...

Утром Вовка незаметно исчез, убежал, пока все еще спали. Мы ждали, что как-нибудь вечером он снова объявится. Но он больше не приходил. Через две недели, захватив тот самый самовар, а еще коробку игрушек и гитару, мы сами отправились в интернат.

16 февраля

Вот и койчился наш первый четверг, когда мы познакомилась с ребятами...

Собираемся уходить, складываем диафильмы, надеваем куртки и пальто. Весь второй «А» сидит в столовой и жует булочки с повидлом, а мы еще здесь, в пустой игровой. Вроде можно уходить, а мы почему-то стоим у двери и улыбаемся друг другу. А потом все хором начинаем говорить, спорить, смеяться, вспоминая то, что пять минут назад отшумело в этой комнате. Неужели когда-нибудь можно забыть эти минуты? Забыть, как шли со мной рядом по снегу однокурсники, как отглянулись на повороте и помахали теплым детдомовским огнем? Андрей Карликов, Лена Горун, Лариса Кулуева, Ира Березовская, Тania Семенова, Наташа Петрашова, Лена Осинцева...

Когда шли к выходу, к нам подбежал Валерка Телепов. Он бросил недопитое какао и взялся проводить нас до порога.

— А куда вы сейчас пойдете? Вы все вместе живете?

— Нет, мы по отдельности...

— Значит, ты один живешь?

— Да нет же...

— А как?

Трудно на ходу рассказать Валерке, что есть на свете такие замечательные вещи, как семья, родители, дом. Не решаюсь говорить «живу с папой и мамой», но ведь надо как-то ответить, чтобы и не соврать и не причинить вдруг боль...

— С сестренкой живу.

— И у меня есть сестренка! — Валерка подпрыгивает от такого радостного совпадения. — Маринка, она тоже в интернате, только в седьмом классе.

11 марта

Сегодня играли в челюскинцев. Горка, что стоит во дворе, стала кораблем, старый сундук — самолетом, а сам двор — льдиной. Мальчишки с гиканьем толкают сундук, я вместе с ними. Вызвать в «самолете» бедствующих пассажиров Челюскина оказалось непросто. Девчонки устроили давку и подняли отчаянный визг при посадке, но все равно больше двух пассажиров в сундук не входило. «Пилоты» пытели и с трудом пробивались к «Большой земле» через коварные сугробы. Часть мальчишек пыхтеть не хотела, они просто бежали между «самолетом» и «Челюскинцем», мешали эвакуации, барахтались в снегу, махали руками, изображая не то чаек, не то пингинов. Гам стоял необычайный, через забор заглядывали любопытные прохожие. Нам казалось, что все дети разбегутся, потеряются или наставят друг другу синяков... Но нет, все живые и здоровые вернулись в игровую. Устроили «Что? Где? Когда?» по сказкам. Ребята знают все сказки, тишины не признают и нас, как старших, тоже. Анна Васильевна, воспитатель наших второклашек, куда-то ушла, и мальчишки, пользуясь моментом, забрались на подоконники и сидят среди горшков с цветами.

Пока играли, понял, на кого похожа Марина Чемоданова и почему мне казалось, что я видел ее когда-то давно. Маринка, самая маленькая из девочек, похожа на принцессу из сказки, что рассказывали мне в детстве. Я и сейчас часто вспоминаю Маринку, и мне очень хочется написать о ней сказку. И чтобы поверил в эту сказку весь второй «А», а прежде всего Антон Рыбаков, который, по-моему, абсолютно ни во что не верит.

...Когда есть сказка, в которую ты веришь, то можно не горовать о том, что не умеешь творить чудеса. Ты сумеешь, потому что сказка-то есть! Только бы в нее поверили взрослые люди или хотя бы не мешали верить в сказку детям. Чтобы возили детвору на санках и носили на руках, поднимали до неба и качали в колясках, чтобы росли добрые люди, добрые взрослые люди — и это будет чудо. Чудо жизни, чудо сказки. И тогда все принцессы будут жить с папами и мамами, как и положено юным принцессам. Как написал в своем сочинении Юра Бай: «Я хочу, чтобы волшебники были по всей стране. Чтобы у всех были хорошие мамы и папы. Нам бы папа купил коньки. И мы бы стали кататься на катке. А вечером мы все вместе смотрели бы телевизор. И ходили бы в гости...»

Если бы дело было в сказках!

18 марта

Сегодня в интернат приезжала Елена Евгеньевна Хоринская — детский поэт, делегат самого первого съезда советских писателей. Мы давно мечтали пригласить к детям настоящего писателя, но когда просили о встрече Елену Евгеньевну, не очень надеялись, что она согласится. Все-таки человеку за семьдесят, плохо с глазами и ехать надо на другой конец города. Но приехала и выступала целых полчаса — молодым голосом читала стихи, рассказывала о своей дружбе со знаменитыми детскими писателями. Переполненный зал долго не отпускал ее, оглушительно хлопал, требовал читать еще и еще, а наши второклашки забрались на сцену и стали читать наизусть все подряд от Пушкина до Барто. «Где мне еще найти таких слушателей!» — воскликнула Хоринская.

У всех детдомовцев есть талант чутко слушать, внимать каждому слову, принимать его близко к сердцу. Откуда он? Может, оттого, что самый большой дефицит в детском доме — дефицит общения? Сопереживающего, заинтересованного, познавательного... а главное — нового. Учитель и воспитатель — вот и весь круг общения со взрослыми. Но никакой, даже самый талантливый учитель или воспитатель не успеет за свой рабочий день поговорить с каждым из двадцати пяти или тридцати подопечных. Сколько вопросов остается без ответа, сколько способностей не может вовремя раскрыться из-за того, что некому взглянуть в рисунок, послушать стихи и сказки, посмотреть танец, подсказать, научить! Как нужны в интернате музыканты, художники, хореографы, а еще умелые руки плотников, кулинару, сапожников!... Как нужны просто старшие друзья — помощники и защитники! Человеческое общение — это такая штука, что директору не достать ее на складе, не выбить, не

купить, не выпросить, хоть и помогает интернату десяток шефов-предприятий. Заводских комсомольцев мы в интернате еще не встречали. А живут они рядом — общежитие завода гипсовых изделий стоит бок о бок с интернатом. Воспитатели уже не рады этому соседству. Недавно мы выпроваживали со двора детдома двух пьяных парней. Многих ребятшек привезли в детдом, спасая от наглядных уроков пьянства, а они преследуют их даже здесь...

25 марта

Скачут, исчезают и снова мигают за стеклом автобуса огни вечернего города. Сегодня всю обратную дорогу мы рассуждали и спорили о профессии воспитателя детдома. Резко и вроде бы справедливо осуждали некоторых воспитателей за то, что они поминутно кого-то наказывают, за крик и «черные тетради», за то, что многие из них вообще недалекие люди и в воспитатели не годятся. Ведь говорил же Макаренко: «Лучше совсем не иметь воспитателя, чем иметь воспитателя, который сам не воспитан». Трудно сдерживаться, когда слышишь, как воспитательница мимолетом кричит на плачущую первоклашку: «Заткнись, нервичка!» — не ведая того, что эта малышка пережила потрясение, горе...

Детский дом — теплый дом

У
Д
Т
В
Ш
Ю

Дмитрий ШЕВАРОВ,
студент
факультета
журналистики
Уральского
государственного
университета
имени Горького

Осуждаем таких педагогов и тут же спрашиваем себя: а имеем ли мы право на это? Приезжаем раз в неделю на два-три часа и уже считаем себя что-то понимающими в педагогике. А многие воспитатели работают в интернате не один год, некоторые даже по двадцать лет, есть и заслуженные учителя. Сейчас пытался немного «подковыряться» в теории и вот наткнулся на слова К. Ушинского — они будто про нас сказаны: «Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным». Правда, это уже не совсем про нас — мы, конечно, судим старших с непростительной легкостью, но сейчас и мы увидели, сколь нелегок труд воспитателей.

6 мая

Сегодня первый раз играли в футбол... Когда шли от игровой до спортплощадки, Марина Чемоданова успела мне сказать: «А у меня теперь новые родители!» Сказала так просто и весело, что я даже опешил. Обрадовался и огорчился сразу. Какие же они, интересно, теперь, эти «новые родители»? А Света Дерюгина тут же сказала: «А мне не дали, и в субботу очень скучно».

Когда вернулись со двора, читали «Маугли». Принес сегодня чудесное издание с иллюстрациями. Чтобы картинка было видно всем, сели тесно-тесно. Читали по очереди, и вдруг совсем не вовремя подкатило к горлу одно детское воспоминание... Больница, чахлые березки, повалившийся забор и заросшая травой веранда. Моя кровать в коридоре, неприемный день, я читаю «Маугли». Ко мне, семилетнему, пришел отец. Прижавшись носом к холодному стеклу, смотрю вниз, а папа мой глядит вверх и машет мне рукой. Мне кажется, что он говорит что-то. Я ничего не слышу, давлось от слез, но стараюсь изобразить что-то задорное, рисую пальцем на стекле какие-то необъяснимые знаки. Отец стоит уже долго, засунув руки в карманы и подняв воротник. Накрапывает дождь, капли срываются и бегут по стеклу. Вижу, что папа замерз, и машу рукой — мол, иди. А он все смотрит на меня...

...Начинал брезжить рассвет, когда Маугли спустился с холма в долину, навстречу тем таинственным существам, которые зовутся людьми... На

этом месте наших позвали ужинать. Юрка Бай соскочил с моих коленей и вдруг изо всех сил прижался ко мне. И убежал.

Вернувшись домой, я почувствовал себя несказанно богатым — дверь открыла мама, а из комнаты вышел отец и спросил: «Как дела?». Выходит, это огромное счастье, то мое детское воспоминание о больнице, а не самое горькое, как мне казалось раньше...

28 мая

Последний раз перед практикой ездили к нашим. Было очень весело, было очень грустно... Притащили столы из столовой и составили их вместе. Получился один длинный стол — такие были в рыцарских замках. Сели все вместе, как одна семья. Нас, студентов, четверо, и двадцать девять малышей, и еще Анна Васильевна. Она все время улыбалась, ходила от одного конца стола к другому, следила, чтобы всем досталось поровну зефира и конфет. Пронграватель вертел потертую пластинку с песенкой Винни-Пуха и «Голубым вагоном»: «Медленно минуты уплывают вдаль, встречи с ними ты уже не жди...» Анна Васильевна сказала короткую «речь» и призвала нас тоже сказать что-нибудь напутственное. Мы попросили наших жить дружно и писать нам письма. Дали адреса своих летних практик — Челябинск, Барнаул, Красноярск, Хаба-

ОБЕШО РОГА

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

ровск, Вологда. Раздали конверты, открытки, и тут оказалось, что наши дети писем никогда не писали, не знают, что такое индекс и куда его писать.

4 октября

Еще никто из студентов не появлялся на факультете, а я не утерпел и поехал в интернат один. Как увидел вдали серый четырехэтажный дом, так и припустил быстрее. Иду к воротам, вперед не смотрю, больше под ноги — кругом ямы и колдобины. Потом как глянул: стоят наши за забором, на горке, увидели меня, узнали издали. Услышал: «Дима, Дима идет». Побегал навстречу, тут и они в воротах налетели на меня, повисли, потащили за собой. Каждый хотел нести рулон с газетой ко Дню учителя или фотоаппарат. Повели в игровую, она еще закрыта, сели в коридоре. Засыпали друг друга вопросами: «Трудно вам было в лагере?», «А мы тоже ездили в колхоз — пропальывали морковку...». Рассказывали мне о своих вояжах, о том, как много уже пятерок получили, о том, как новенький убежал вчера домой, а сегодня вернулся.

Потом вместе бродили по двору, где пахнет дымом, сырм лесом — это от заболоченного пустыря, что за школой. Местные пацаны жгут там костры и пекут картошку. Скоро на пустыре начнется стройка, уже роют котлован и мимо интерната снуют самосвалы... Рассказал нашим о том, что такое журналистика, как делают газету, и мы тут же решили создать газету третьего «А» и назвать ее «Веселый барабанщик». Они очень любят эту песню Окуджавы.

Шефство... Мне кажется, это слово неточно отражает суть наших отношений с детдомовцами. Под шефством ведь понимают что-то одностороннее: от шефа — к подшефному. А нам более подходят слова «дружба», «товарищество», «братство». Да-да, именно братство, ведь они наши младшие братья и сестренки. Они не дарят нам подарков, но они делают несравненно большее — помогают нам укреплять в себе какие-то новые качества. Для меня, например, это вера в свои силы — она не даст опустить руки. Выходя из интерната, каждый из нас становится крепче, не физически, конечно, а в своих принципах, идеалах, мечтах. Это тоже дорого стоит...

18 декабря

Вчера у нас было факультетское комсомольское собрание. На нем секретарь комитета ВЛКСМ университета сказал, что шефство над интернатом — это неплохо, но «интернат не из нашего района». И к тому же каждому факультету «положено шефствовать над школой». Потом предложил: «Поменяйтесь детьми с лесотехническим институтом. Они вам школу из нашего района, а вы им — интернат из их района. Им не надо будет далеко ходить и вам тоже. Я думаю, вы это быстро уладите...»

Мы даже сначала опешили. Ведь это же все равно, что одна семья будет меняться с другой своими близкими. Но секретарь, по-моему, так и не понял, отчего мы такие упрямые.

А шефствовать над благополучными школьниками — это смешно. Старшеклассники сами могут взять на себя заботу о ветеранах, фронтовиках своего района да и о тех же детдомовцах. Такие примеры есть уже у нас в Свердловске.

30 декабря

Сегодня встречаем Новый год! Утром сдал два зачета и сразу к ребятам. Они уже заканчивали декорации и пятый номер «Веселого барабанщика». В четыре часа приехали остальные наши ребята, человек тридцать с трех курсов, ведь Новый год — для всех младших классов. Пусть же никто из малышей не останется в обиде...

В пионеркомнате устроили примерную. К детям я выбежал первый. Первоклассники стояли как на торжественной линейке — в белых рубашках. А вот и мой третий «А», зашептались, узнали, видно, меня в белом кафтане. По сценарию я играл гнома и стал рассказывать об ужасной судьбе Снегурочки, попавшей в лапы Бабы Яги. Тут из-за угла, путаясь в своем красном халате, вылез Миша Нахшкарян, то есть Дед Мороз. И началось! От стройных и притихших рядов не осталось и следа, все понеслись искать Снегурочку, без которой никак нельзя встречать Новый год. Воспитатели бежали в хвосте этой кавалькады и уже не пытались навести порядок...

После спектакля все разбежались по своим игровым. Мы с третьим «А» общими усилиями повесили газету — она переплюнула нашу факультетскую стенгазету «Журналист» по всем статьям: и по длине — заняла почти две стены, и по содержанию, по-моему, тоже. Зажгли лампочки на елке, сели рядом, все вместе, минутой молча глядели на лесную красавицу. Кто-то забрался ко мне на колени, кто-то прижался слева и справа. Юрка Чудинов прочитал мне шепотом стихи, которые сам сочинил: «Сделаю так, чтобы все старички стали молодыми. И самое главное: чтобы не было войны. Чтоб все сохранили учебники до лета. Чтоб не ломали ручки и не ломали линейки...» После сегодняшнего дня хочется верить в разные чудеса, в то, что вихрастый Юрка сделает много доброго на нашей земле...

24 февраля 1983 года

«...То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит, то, как пунтик запоздалый, к нам в окошко застучит...» — поэт с пластинки Козловский. Сегодня у нас был пушкинский вечер. Со стены смотрел улыбочивый, даже веселый Александр Сергеевич. А мы сидели на полу и читали «Зимнюю дорожку», «У лукоморья дуб зеленый...», «Зимний вечер». Рассказал ребятам о роковой дуэли Пушкина...

Потом открыли «фотоателье» — надо же наконец снять каждого в отдельности. Варя Прошина помогала мне, включала вспышку, каждый раз забираясь на стол — не доросла еще до розетки. После каждого очередного «сеанса» я уговаривал Варю: «Ну, теперь давай тебя снимем».

— Нет, я после всех.

...Как жалко, что в интернате нет молодых воспитателей. Были бы они, может, меньше было казенности в этих стенах, меньше криков и слез. Почему мне так кажется? Просто многие воспитатели за долгие годы работы с детьми порастеряли ту детскость, что была в них с юности. Они стали мудры и строги и уже не могут понимать детские шалости и желания. «Детскость», может, не очень удачное слово, но смысл понятен: в учителе и воспитателе должен жить вечный, неутомимый ребенок. Все-гда были и есть люди, что обрели мудрость, но сохранили в себе и того непослушного ребенка. Мне кажется, таким был Юрий Олеся. Ему было уже лет сорок, когда он сказал: «До сих пор я ни разу не почувствовал себя взрослым». Мало таких людей, и надо их очень беречь. Чтобы такие взрослые чаще встречались детям, чтобы страна взрослых лучше понимала страну детства.

14 апреля

Подошли сегодня к дверям игровой — за ними непривычно тихо. Вошли — все сидят на ковре и смотрят телевизор, на нас почти не обратили внима-

ния. Взглянули на экран и все поняли — «Подранки».

Мы пришли как раз в тот момент, когда Алеша Бартевев сидел на подоконнике и сочинял свое первое стихотворение. Ребята смотрели и понимали: происходит нечто таинственное и важное, что случится скоро и с ними. Потом Валя Гандин пробирался к зоне военнопленных, рассыпался плохо связанные толковые шашки. Многие девчонки отворачивались от экрана, чувствуя, что должно произойти что-то страшное. Валя Прошина закрыла глаза ладонями, а Алеша Неустров с досадой взмахнул кулаком: «Эх, что же он...» До конца фильма все сидели не шелохнувшись, да и после титра «конец» многие остались сидеть. Наверное, пусть не совсем осознанно, но они поняли, что есть какое-то родство между ними и этими серьезными, такими непохожими на них детдомовцами сорок девятого года.

Наши тоже подранки. Не глобальными катаклизмами, а чем-то невидимым постороннему взгляду, злом заурядным и для кого-то даже обидным. Таким, например, как пьянство. Все чаще видишь на улицах детей с пьяными отцами. У многих из наших тоже были такие родители. Но никогда не слышали мы от детей ни одного плохого слова о родителях, даже намека. Они всей душой хотят помнить только доброе, даже если этого доброго в их коротких жизнях не было вовсе. Они вспоминают хорошее, и может показаться, что слова из их детских биографий «родители лишены родительских прав», «отец осужден», «мать бродяжничает» — все это чья-то чудовищная выдумка. Что это совсем не о родителях наших маленьких друзей. Тогда мы вдруг пугаемся толпой глубины взрослости, что прорывается в наших третьеклассках. «Они хотят быть детьми, но многим уже трудно быть ими...» — как-то сказала нам Галина Андреевна, их учительница, и добавила: «Они боятся разочаровать вас».

21 апреля

Сегодня мы торжественно повесили в игровой первый листок «Календаря дней рождений» и «Почтовый ящик очень мудрого скворца». Ящик для почемучек, а календарь, понятно, для именинников. Поздравили с юбилеем Юру Бай — десять лет человеку стукнуло! Пожал его тонкую руку и вручил книжку о фантастических путешествиях в космос. Он смущенно опустил свои глаза и улыбочился — рот до ушей. Все окружили его хороводом: «Как на Юрины именины испекли мы каравай...» Каждому нужно, чтобы у него был свой день рождения. Этот праздник человек помнит и ждет, сколько бы ему лет ни исполнилось. Он знает, что в этот день произойдет что-то новое в его жизни, что он проснется утром не таким, как обычно, что до позднего вечера будет окружен улыбками, цветами, подарками. Как в детстве.

Первый день рождения мы решили отпраздновать общий — для тех, кто родился в декабре, январе и феврале. Привезли шесть тортов и чемодан с игрушками. Помню, как в коридоре под лестницей я торопился поставить на торт маленькие свечки, потом зажигал их и бежал к игровой. Свечки задувал неведомо откуда налетающий ветер, и я снова мучился с ними... Но зато как здорово было заносить в темноту игровой эти сказочные огоньки!

31 мая

Два дня назад были в интернате, вроде расстались до осени, а сегодня вдруг решили съездить еще раз. Купили на вокзале тридцать порций мороженого, прямо в коробке, и побежали на остановку.

У дверей высится стопка матрасов. Прислонившись к ним, весь вечер сидела на корточках Оля Малышева. Глядела то в пол, то куда-то в окно и дальше, за город, на облака. Света Дерюгина сказала: «У Оли умерла бабушка. Каждый вечер Оля плачет».

...Почему, когда вечером возвращаешься домой и идешь к автобусной остановке, всегда хочется оглянуться на интернат, что через секунду скроется за поворотом? И почему, даже когда мы уходим веселые, так грустно видеть в вечернем теплом воздухе этот дом? Может, потому, что в нем остается какая-то частица самого тебя, что-то родное и близкое, ждущее твоей заботы и внимания?..

Мы вернемся к твоему порогу, дорогой наш дом! Совсем скоро, вот только пройдет лето...

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя эти заметки из дневника студента-журналиста Дмитрия Шеварова, в которых, как нам представляется, подняты важные вопросы шефства над воспитанниками детских домов и интернатов, мы надеемся, что читатели поделятся своими мыслями и предложениями о том, что нужно сделать, чтобы это шефство не было формальным и приносило обоюдную пользу и детям и взрослым.

Вячеслав
ЕЖЕЧЕНКО,
участник
VIII Всесоюзного
совещания
молодых писателей

Скромность и сомнение едва ли не лучшие качества человека творческого. Молодой писатель, учитель физики, Вячеслав Ежеченко, безусловно, обладает скромностью, сомнения же мучают его всякий раз, когда он берется за перо: так ли, верно ли, живо ли живая жизнь. Я знаю это, потому что много лет общался с ним в Литературном институте, где он занимался в семинаре прозы, которым я руковожу. Есть в рассказе В. Ежеченко не только пылкий взгляд на жизнь, не только поиски наилучшего слова, но и сочувствие к тем людям, о которых он пишет, сочувствие это, на мой взгляд, он умеет передать и читателю. Но пока читателя у этого способного автора почти нет: он редко печатается. Пишет, складывает в стол, сомневаясь: достойно ли то, что им написано, увидит ли свет. Да, конечно, сомнение — качество, необходимое молодому писателю, но дарованию необходима и уверенность в своих силах. Вот этого — большей уверенности в себе, большей работоспособности — ведь годы идут, уходящее время крадет ненаписанное, невысказанное — я и хочу пожелать Вячеславу Ежеченко.

Сегодня журнал «Смена» представляет участника VIII Всесоюзного совещания молодых писателей В. Ежеченко рассказом «Маленький».

Николай ЕВДОКИМОВ

РАССКАЗ

МАЛЕНЬКИЙ

Рост Пинчука был под стать его характеру — маленький, неприметный, необидный, покладистый рост. Ходил Пинчук быстро, мелко, вздернув голову, с задиристым как бы выражением на лице. Но во всем ОТК, даже цехе, был человек самый смиренный.

Другом и товарищем Пинчука был Трикуло. Тридцати двух лет, ростом видный, Трикуло заслонял как-то Пинчука речистостью, представительностью. Рядом с ним Пинчук никакого значения не имел, и, хотя был специалистом не хуже, начальство с ним всерьез не считалось. Так уж шло, что, когда Пинчук и дело говорил, все равно мямлил, терялся, тогда как Трикуло умел найтись, подхватив мысль, сказать ее ясно. Пинчук только удивлялся и, глядя на Трикуло с обожанием, гордился своей с ним дружбой. Но более всего завидовал Пинчук умению Трикуло настоять на своем, показать характер, потому что собственная покладистость всегда Пинчуку мешала. И хоть каждый раз обещал он себе быть твердым, но проходил день, другой — оставался все тем же бесхарактерным Пинчуком. Не мог наказать за брак, не мог отказать в сверхурочной работе и только с завистью смотрел на Трикуло: тот и наказывал, и отручивал, и в пять часов всегда уходил домой.

То, что мягкость Пинчука наделала ему бед, было в цехе известно. Давно уж пересказали и говорили об этом. Но года три назад над ним смеялись — Пинчук в ту пору развелся со второй женой, и какая-нибудь девчонка с конвейера, еще пацанка, подмигивала ему, сдавая очередной блок:

— Очень ты, Пинчук, переборчивый. Этак всех нас переберешь.

На что Пинчук отмахивался, мямлил что-то. Радости от этого не было, был один грех. И он только потому не отчаивался, что не умел. Как не умел обижаться или задумываться над устройством собственной жизни.

Пинчук жил в общежитии. С первой женой у него была двухкомнатная квартира, небольшая, удобная; жена его была под стать квартире — небольшая, выюная. Пинчук любил ее, ревновал; не верил, что крутит она, как поговаривали, с мясником из ближнего магазина. И она смеялась: мол, никого, кроме своего дурачка, не любит. И поводила глазами и показывала зубы при этом. Так что Пинчук терялся в сомнениях. А через месяц сказала: ошиблась, нужен ей другой муж. И ушла. Квартиру разделили: Пинчук ушел в коммуналку, ей досталась однокомнатная. То есть лишился, конечно, Пинчук своей потом выстрадавшей квартиры, как лишился и большей части имущества и жены.

Второй раз Пинчук женился разумно. Бабенка сама была хоть куда, свежая, пышная, с густым черным волосом, с блеском подвижных глаз. Съехались квартирами. Пинчук ходил, как никогда: костюм бостонский старого кроя, нейлоновые рубашки, галстук. Квартира опять двухкомнатная. Всюду блеск, всюду в ней порядок: мебель, вешалка, в горке хрусталь, цветы пластиковые в вазах. Жизнь ладилась. Пинчук веселел — копался по дому, клал кафель, сделал навес на балкон, под конец даже слезил из балкона комнату: достал рамы, щели проложил стекловатой, и в самом деле не балкон — комната.

Все было хорошо, всего ему в жизни хватало.

Но печаль все же была, одна печаль их с Клашкой печалила: дети не получались. Три года жили — и ничего. И на курорты ездили и к врачам обращались — нет проку. Так что на третий год решили сироток взять из детского дома. Думали-гадали: мальчика брать, девочку ли... да надумали двоих: мальчика с девочкой. И взяли. Полным сразу стал дом, веселым. Как ни хорошо, ни покойно вдвоем, а все ж пуста без детей квартира.

Но не довелось Пинчуку долго при детишках в отцах ходить. Хоть он и любил их, и ходил, и глядел за ними, как за своими кровными, но такая уж планета выпала Пинчуку — не давалось ему в руки счастье. Через три года после женитьбы объявился первый муж Клаши. Вернулся с Севера с тыщами и загудел, загулял парень. Приют во всем городе один — Клашка. Друзей же, друзей, разопьем-приятелей — тьмища. Клашка привечала, не отказывала, стала обходительной, любезной; даже разуваться не заставляла, не жалела гостям дорогого ковра. И Пинчук гулял с ними: пел, плясал... Но к двенадцатому часу уставал и уходил на балкон, на раскладушку. Мгновенно засыпал.

Но и эта жизнь кончилась. Какой веселой ни была — кончилась. Пришел Пинчук однажды домой — дом заперт. Как ни ковырял — ничего; ключ поломал — заперта квартира. Соседи записочку подают. В записочке: решила вернуться к Мише — мужу первому. А в квартиру пока ходу нет, потому что твоего там вроде как мало, ничего, почитай, не найдешь. Что же касается площади, то площадь после поделим. Выдали соседи чехоманчик, и пошел Пинчук ночевать к Трикуло. Кончилась его семейная жизнь. Ни детей, ни жены...

Но как бы там ни было: разошелся, нет — а жить надо. Горевал, конечно, Пинчук, ливал даже иногда. Но в последний год переменялся: стал ходить трезвым, выбритым, крепко налег на работу. Так что Трикуло, который перед тем с Пинчуком не ладил (именно из-за рюмки) и даже партгору на него жаловался, ходил довольный и всем говорил, что это его, Трикулы, влияние. И, дескать, если раньше пинчукову работу можно было по запаху узнавать, по желанию возле нее закутить, то теперь дело совсем другое: теперь за эту работу хочется налить ему. При этом смотрел так, что все понимали: Трикулы влияние, не шутит, дескать, Трикуло. А на внешности Трикулы читалось, что сам он еще лучше работает, ему не в стыд хвалить Пинчука. Хотя, если честно, Пинчука он уважал не очень — за заискивающую общительность, безответность, несообраз-

ность, за бесхарактерность; не уважал за привычку Пинчука обязательно тянуть руку первым. Но было одно, в чем пасовал Трикуло, в чем не мог Пинчуку отказать, — это шахматы. Как Трикуло ни старался, как ни хитрил, ни злился, как ни казалось ему, что выигрывает, обязательно проигрывал Пинчуку. Трикуло уж и не хотел играть. Но когда видел внушительные фигуры шахмат и рядом нескладного Пинчука, что-то просто подмигивало: садился. Одно время даже решил играть так, как играют гроссмейстеры: брал партию из газеты, делал указанные там ходы. Но Пинчук, который не знал партий и делал свои ходы, выигрывал еще быстрее. Пинчук выигрывал, выигрывал и тогда, когда все, казалось, шло к поражению Пинчука...

Недавно их цех перешел на новую продукцию. Перестали гнать ширпотреб, перестали гнать электронные блоки стереоусилителей, стали осваивать продукцию сложную — блоки для телепередающих станций и ретрансляторов. Трикуло с Пинчуком по-прежнему работали в ОТК, но теперь это была не та работа, теперь работы им так прибавилось, что по восемь часов не разгибался и еще сверх прихватавали. Приходилось не только принимать блоки, в которых тысячи проводов и сотни деталей, приходилось осваивать документацию, технологические описания, схемы на эти блоки. Требования по приемке были жесткие, а тут еще рекламации: продукция новая — жалобы от заказчиков; потребовалось выезжать, зачастили командировки. Так что, когда вспоминали прежнюю пору, вставала она как тихое житье. В теперешней всегдашней горячке о таком житье и помечтать было некогда.

Так прошло некоторое время. И вот однажды пришла на завод телеграмма. В далеком городке, куда поставлялись блоки, где шла окончательная сборка аппаратуры, случилась беда. Дорогой, уникальный, бесценный блок попал под пробойное напряжение: нерадивый сборщик, стьюкая его с комплектом, ткнул неисправным паяльником. Нагреватель паяльника выходил на корпус, и ток сети прошел через узлы схемы. Неприятность состояла в том, что полупроводниковые детали блока, не рассчитанные на такой большой ток, могли сгореть. «Срочно!» — звывала телеграмма. — Необходимо проверить блок! Зарегистрировать его пригодность. Срываю сроки!» Но какие сроки и сроки чего, телеграмма не сообщала. Да никто и не интересовался этим. Будут сорваны. Все!

В ОТК задумались: кого послать. Трикуло был самый надежный. Трикуло? — раздумывал начальник бюро ОТК. Смущало, что неохоч до поездок Трикуло, заартачиться может, заершиться. А в последний месяц и с премией обошли. Это ж как пить дать скажет, что на нет и работы нет, пусть, скажет, едут мои премиальные. Или еще что выдумает.

Так что начальник заранее был озадачен, понимая, что не согласится Трикуло, и не удивился, когда так и вышло. В мыслях он держал Пинчука, специалиста не хуже, а Пинчук — известно, всегда безотказный.

Так и поехал Пинчук.

В городке этом он перед тем был два раза в командировке. Первый раз выезжал по рекламации — в блоках кожухи были помятые, упаковка неудачная; второй — резьба кабельных разъемов битая, тоже рекламация. И этот второй раз вспоминал с смягчающим душу самодовольством. Тогда удалось доказать, что претензия неосновательна, что разъемы, может, биты и по их вине, но что и заказчики правилам хранения не следуют. Он подошел с представителем к сборочному столу и ткнул в разъем: тот лежал без накрупки. Предохранительная же накрупка, похожая на пробку к шампанскому, валялась у ножки стола.

Мелкие случаи эти, конечно, рядом с сегодняшней командировкой не могли идти в счет. Тем не менее, вспоминая о них сейчас, Пинчук пытался от довольства, старался идти уверенно — солиднее, медленнее, — разводил плечи, надувал живот и казался себе значительным, важным, высоким. Но, пройдя квартал, уставал и снова бежал мелкой поступью, сутуловатый, небольшой, задиристо вертя головой и походя на дворняжку, что бегае туда-сюда, одинаково охотно все обнюхивает и до себя которой нет никакого дела.

С аэродрома Пинчук сразу направился на завод, показал командировочное, заказал пропуск. А пока выписывали, заглядывал через стекло проходной, осматривал асфальтированный двор, особенно то место под навесом, где обычно гудел компрессор и работницы с краскопультами покрывали эмалью кожухи блоков. Там на одну Пинчук в прошлые приезды сильно засматривался. Но теперь ничего не увидел; компрессор не гудел, под навесом было пусто. Даже у красного ящика с песком под шитом пожарки никого не было. Хотя обычно там стояли, курили. А Пинчуку зудело прямо-таки увидеть кого-нибудь из знакомых.

Но и его ждали. Появился технолог цеха, пожал руку, повел его за собой и по дороге рассказывал, в чем здесь дело. Технолог был высокий, жилистый, с квадратным нависшим лбом и, рассказывая, то и дело энергично взмахивал рукой и сжимал пальцы в костистый и угловатый, как и его лоб, кулак. Пинчук же только поддакивал и, мелко вертя головой, искал знакомых. Но неожиданно прислушался. Технолог говорил о каких-то сроках, о том, что неисправность срывает их, о том, что сроки эти заданы и согласованы, что перенесены они быть не могут и что дело чуть ли не в ведомственном престиже.

«Ишь ты, — подумал Пинчук, — дело серьезное». Но промолчал, чихнул в руку и тайком вытер пальцы о пиджак. Лифт поднял их в цех.

В цехе, равномерно освещенном плафонами дневного света, было чисто и ярко.

Возле отдельно стоящих столов сидели сборщики на высоких стульях. Тишина, жужжание вентиляторов. Со стороны—так играют в лото. Спокойно, по-домашнему.

— А,—поднялся грузный, с красным, в прожилках, лицом человек из-за стола.—Пинчук?!.. Рад, рад!.. Глинка вам объяснил?—посмотрел на технолога Глинку. Угловатый лоб чуть подался вперед.—И хорошо. Пойдемте.—Начальник цеха подал Пинчуку свободный халат, засмеялся, сетуя, что не по размеру, помог завернуть рукава.

— Надо сказать,—полуоборотился он к Глинке,—чтобы выдали халат для товарища Пинчука. Пусть висит в кабинете.

Появился и знакомый представитель заказчика, которому Пинчук с радостью пожал руку. Представитель был в строгом бостоне, при галстукке, и Пинчуку показалось, что он еще более похудел, поседел, стал суше, четче, и еще жарче, угольные палили черные запавшие его глаза.

Вчетвером сразу пошли в другой зал, квадратный проем которого контрастно светился рядом со стальной дверью. Шли в молчании. И молчание это показалось Пинчуку тягостным.

Второй зал был столь же ярко, равномерно освещен, но людей здесь было меньше, всего несколько человек, каждый перед столиком с вращающейся столешницей, а на каждой столешнице довольно крупные блоки.

Пинчук бросил невнимательный взгляд на всю эту такую знакомую картину и искал глазами свой блок.

— Сюда,—показал рукой Глинка. И Пинчук мгновенно увидел: за проволочной выгородкой в углу цеха на таком же низком столе стоял их блок в окружении подсобных приборов; отдельно, в стороне, в виде небольшого шкафа—окончательный комплект. Видно было, что здесь все так и оставлено, как было, потому что змеи кабелей не лежали свободно, имея начало и конец, а охватывали собой один и другой ящик, и присоски разъемов были притянуты тайками к своим гнездам так, как если б были собраны уже окончательно, навсегда.

— А-а...—издал звук Пинчук, что означало: я вижу. И, зайдя внутрь выгородки, положил руку на кожух. Представитель, начальник цеха и Глинка стояли на расстоянии.

— В общем,—прервал тишину начальник, видя, что Пинчук как положил руку на кожух, так и стоит,—включайте сразу. Все измерительные приборы здесь есть,—махнул рукой в направлении передвижного стенда с приборами.

— Желательно сегодня же узнать,—поддержал представитель.

Но Пинчук только кивнул и, не снимая руки с блока, любовно оглядывал кабели, пайку, видную в приоткрытую дверцу, разноцветное плетение проводов. Ему было не по себе, что на него смотрят, ему было неприятно внимание—его, невидного человека, тяготило оно. И Пинчуку хотелось сказать: «Идите все»,—но сказать он стеснялся, не мог. И потому покорно снял руку, отсоединил кабели, запитал блок от УИПа (универсального источника питания) и подсоединил осциллограф. Затем, глядя на режимную карту, стал проверять.

Блок работал.

— Работает,—пробормотал Пинчук. Он выключил УИП, встал со стула; лицо его было красным, лоб в испарине, пот струйкой стекал на висок из-под желтоватых, мочалисто спутанных волос.

— Узнать бы еще, какие токи,—пробормотал нерешительно.—Гарантию надо ведь давать.

И увидев, что Глинка и представитель оглянулись на начальника, пояснил:

— Токи!.. Потому что транзисторы, может, подпортились, ток, может, большой слишком был. Пусть конструкторы подсчитают...—И виновато посмотрел на носы своих туфель, подумал: «Опять почистить забыл». И еще подумал: «Пока рассчитают, может, ту девушку найду».

— Мы уже давали конструкторам,—неохотно, с усилием и потому как-то раздраженно выговорил начальник.—Вот результат.—И вытащил из нагрудного кармана свернутый вчетверо лист. Развернул.

— Да,—покивал Пинчук, не взглядывая,—да...

Потом взял бумагу... И мгновенно забыл и начальника, и девушку, и зачем он приехал сюда. Токи были такими, что все полупроводники в блоке обязаны были сразу, в тот же миг, как сборщик ошибся, выйти из строя, попросту говоря, сгореть.

Он только и смог выговорить: «К-как?» Машинально вернул бумагу и, включив УИП, снова стал проверять.

— Р-работает...—растерянно проговорил он.—Чудеса.

— Ну, тогда подписывайте,—засуетился начальник.—Командировку закроем будущей неделей, так что заедете в Москву, отдохнете.

— Я-то подпишу,—мучаясь, начал Пинчук.—Только как же...—Он неуверенно посмотрел на блок.—Гарантию как на него давать? Сейчас работает, а через час сгорит. Такие токи.—И покраснел, вспотел, не знал, куда скрыться из-за того, что приходится противиться, проявлять волю. В этот момент он чувствовал себя так, как если б не знал, что он взрослый и вокруг взрослые, бросил бы все по-мальчишески, убежал.

— Ну, а мы разве не берем на себя ответственность?—повысил голос начальник.—Что, у нас образование ниже, мы не понимаем?! Есть случаи, когда допустим риск. А в данном случае он допустим в превосходной степени. Ведь участки схемы работают по режимам. То есть элементы блока в полном порядке?

Пинчук замаялся. Чего, в самом деле: люди ведь понимают. Блок в порядке. Поставят в комплект, а там дальше, на станцию. Даже если что и не так, никто не узнает, кто виноват. По крайней мере ему, Пинчуку, меньше всех от этого горя. Но неожиданно подумал: «Ну, а люди что скажут?» И, раздражившись на тех, кто подsunул ему заведомо некондиционный блок, прокричал:

— А раз «элементы» — так те, кто эти элементы поставляет, пусть и подписывают! Тогда и я распишусь.—Резко поотключал приборы, сбросил халат и пошел.

— Постой,—догнал его Глинка.—Ты же знаешь, что сроки. Не валяй дурака! Они же в разных концах! Как же они подпишут?

— А мне что!—закричал Пинчук, чуть не плача.—Мне-то что! Чего я должен отвечать? Пусть они... телеграммы дай... отвечают.

И, расстроенный, пошел с завода. Под навес даже не посмотрел. Там уже зачихал компрессор, и девушки, спустив марлевые маски под подбородок, пересмеивались, сидя на кабельном барабане.

По дороге свернул в буфет, выпил пива, поел, но расстроился еще больше. И, почти отчаявшись, готовый улететь, уехать, пошел звонить в ОТК. Пусть Трикулу присылают. Уеду. Нашли дурака,—остановился и приготовил трешку.—Посылают—не откажись, нажимают—не откажись, а потом Пинчук, все на Пинчука сыплется.

— На три рубля мне,—попросил он.

— Минут сколько?

— Знаю я, сколько этих минут?!—крикнул расходившийся Пинчук.—Я даю три рубля... Десять минут, понятно?! Десять. Мало? Еще дам.—И, дернув

головой—ну, дескать, и народ!—отошел, уселся на диване. Раж в нем постепенно спадал, вспомнил, что забыл в камере на проходной портфель, вспомнил девушку, на мгновение задумался и задремал. И вдруг вздрогнул.

— Гражданин!—вещал динамик.—Вас вызывают!

И заметался, не зная, к телефонистке, в кабину или в кассу бежать.

— Первая кабина, пер-вая!..

Пинчук торопливо ухватил трубку и, боясь, что уходят минуты, даже не закрыв дверь, закричал:

— Але! Трикуло! Але! Пинчук это!

Телефонистки с улыбкой переглянулись.

— Трикуло!..—И, почему-то решив, что о конфликте на заводе по телефону говорить нельзя, вспотел всем телом, беспомощно отглядывая, потянул к себе дверь... Но слова, какими можно было бы объяснить, на ум не шли.

— Але! Трикуло! Але! Слушай сюда! Ты меня понял? Слушай сюда!—значительно повторил он, хосаясь на зал.—Ты понял? Крыша не течет. Так и передняя крыша не течет. Что? Какая крыша? Ну,—напряженно смотрел в трубку Пинчук,—не понимаешь ты, что ли? Крыша? Что на нашем заводе делают?

Протекала которая. Ну прибор, черт бы его знает! Прибор! Понял? Прибор! Есть крыша. Просто я говорю «крыша», чтобы знали, что это прибор. В общем, подписать надо. Что? Да! Подписать, что не протекает. А красить нельзя. Нет!

Рисунок
Вячеслава ВИНОГРАДОВА.

Что подписать? «Подпиши?!» — Пинчук перехватил трубку в другую руку, изо всех сил вживаясь, вслушиваясь в то, что за много километров говорил Трикуло. Но не понял ничего, бросил трубку и сел здесь же, в кабине, на табурет. Посидел, подумал, тяжело вздохнул и, выйдя из кабины, не глядя ни на кого, устало побрел за портфелем на проходную, а оттуда знакомым, много раз езженным путем в общежитие, где были комнаты и для командированных.

На другой день Пинчук пришел на завод к первой смене. Перемен не было, начальство встретило сухо; один только Глинка поинтересовался, не передумал ли он, и, увидев, что Пинчук отмахнул «нет», миролюбиво добавил:

— Телеграммы мы дали. Ждем ответ. Токи не такие большие. Реле поврежденные быть не могут. К обеду будут и от остальных.

Пинчук походил по цеху, поглазлел, снова проверил блок — проверил в форсированном режиме, включил, дал поработать, фиксируя каждые полчаса параметры. Потом выключил, пошел со всеми обедать. Но ел торопливо, невнимательно, думая то о телеграммах, то о девушке, которую мельком заметил утром, то о разговоре с Трикуло. И старался представить товарища на месте себя.

«Конечно, — думал, — Трикуло не подписал бы. На Трикуло, может, и кричать не стали бы. Трикуло такое бы сказал! Д-да. Смех будет, если токи нормальные. — И, вздыхая, сомневаясь, прав он или не прав, заключил горестно: — Не тяну еще в этих блоках, чего таить, не тяну.»

Потом вытер салфеткой рот, составил стопкой тарелки и, сказав «ладно», отшел производственные заботы, решил сходить под навес. «Увижу? — гадала душа. — Не увижу?» Но сходить не удалось. В дверях показался Глинка. Глаза его кого-то искали; он шел по проходу, вертя головой, шел на Пинчука, хотя, кажется, его не видел. Потом взгляд его словно споткнулся, попал, и Пинчук сразу понял: не удастся свидание и в этот раз.

— Директор требует, — сказал Глинка.

Пинчук потряс головой. Все правильно. Обреченно побрел за Глинкой. И глядел на носы своих нечищенных туфель, исполненный самого подлого, трогливого отчаяния. И только когда Глинка перешагнул порог приемной и, оглянувшись, пригласил рукой Пинчука, отчаяние его сменялось решимостью. «Ах вы ж, — подумал, — образования у меня нет! Нет, не спрашивайте! Зачем призвали сюда?!» Вмиг вспомнил житейские свои обиды, и словно что-то крикнуло в нем: «До каких пор?!» И в следующий миг оглянул приемную. Дверь в кабинет была раскрыта, Глинка опять показал рукой — сюда; и вслед за тем негромкие голоса, доносившиеся оттуда, прервались.

— А, — проговорил человек у раскрытого настежь окна, взглядывая на Пинчука. — Вот и прекрасно!

Это был еще довольно молодой полный человек, высокого роста, но кажущийся коренастым, в желтой рубашке с короткими рукавами и в серых брюках. Голова его сидела на мощной шее, все в нем было волевым, мощным; и раздвоенный подбородок, и черные брови, и волосы — густые, рыжие с сединой.

— Так это и есть Пинчук? — Директор сжал его руку. — Наслышан уже.

Он усадил Пинчука, и только теперь заметил Пинчук, что здесь и начальник цеха, и представитель заказчика, и еще один человек с густыми, седыми, как у Буденного, усами. Усатый был в сером пиджаке, на котором выделялась короткая орденская планка.

— Зачем вас, товарищ Пинчук, прислали? — сразу взял было быка за рога директор. — Вам надо было проверить блок, с которым произошла случайность, и дать заключение, не так ли? А чем вы занимаетесь? Что за правила вы здесь устанавливаете? Вы не хотите подписать акт?

— Я... — начал было Пинчук, но язык во рту был огромный, косный и какой-то сухой. Решимости Пинчука как не бывало.

— Что «я»? Что «я»? — безжалостно повторил директор. — Что это вы — мне ясно. Но мы потеряли день. Покажите, Парасочка, телеграммы.

Начальник цеха встал, и только теперь заметил Пинчук на коленях Парасочки лохматую кипу. Парасочка подержал перед глазами Пинчука один лист, второй... Терпеливо дал прочитать Пинчуку все телеграммы. На каждой было: «Токи, указанные вами, для данного вида изделия не являются критическими».

— Что скажете, товарищ Пинчук? Мы тоже кое-что понимаем. Вы думаете, мы хотим избавиться от ответственности, переложить на вас? Так что подписывайте и в следующий раз ведите себя умнее. — Он подставил красную папку и вынул из нее акт. — Здесь вот и подпишите. — протянул ручку. Прямо ткнул ее Пинчуку. Так что растерянный, сбитый с толку, напуганный Пинчук сжал ее не теми пальцами, но, потянувшись писать, остановился.

— Но ведь они не дают гарантии. — неожиданно для самого себя удивленно произнес Пинчук. — В телеграммах не сказано о гарантии. Как же я могу дать, если они ее не дают? — И, сутулясь еще больше, готовый провалиться сквозь землю под взглядами директора и остальных, вышел из кабинета.

— Уеду! — пробормотал. — Пусть оно все горит! — Рассеянно дошел до навеса, рассеянно поглядывая на работниц. В шуме шипящего беспрестанно компрессора не было слышно, о чем они перекрикиваются. Самая молодая из них, та, что нравилась Пинчуку, вдруг оглянулась — блеснули глаза между спущенной на лоб косынкой и закрытым низом лица. И в тот же миг другая, видимо, старшая, закричала: кожих оказался в подтеках.

Пинчук посмотрел, как она отставивала распылитель и избыток эмали снимала ветошкой, и грустно решил, что слишком молода. Ясное дело, не для него. Он уже насквозь старый, за тридцатку с гаком.

Утром следующего дня пришли новые телеграммы. Во всех было: гарантии не даем. И Пинчук только виновато пожал плечами. Парасочка с Глинкой хмурились, представитель пристально смотрел. А Пинчук, непривычный к пристальности, жался под его взглядом и думал: ну и вид, верно, у меня.

Он закрыл командировку. Поезд был очень поздно. Чтобы скоротать время, сходил под навес. Женщины красили, по сторонам не смотрели. Мешковатые чешуйчато-блестящие от молотковой эмали комбинезоны серебрились на солнце. Но той, которую он искал, под навесом не было.

«Подождать разве на проходной?» — подумал Пинчук. Предположение, что в городской одежде не сможет ее узнать, он отгнал.

И когда в пять часов люди шли из проходной, Пинчука можно было видеть стоящим на остановке. Торжественный, хотя и в потрепанном пиджаке, он держал в руке цветы и портфель. А узкая голова с мочалистыми волосами, по-летнему обветренное задиристое лицо были все в том же беспокойном, птичьим движении. Он отчаянно вертел головой, тянул шею, перебежал с лица на лицо — и не мог решить: она или не она.

Показалось, что узнал. Бросился, но тут же остановился. С куртки незнакомки хмуро покосился припеволенный лев. Высокие каблук цокали отчуждающе.

И Пинчук остался. Стоял и ждал. Ждал и ждал все уже вышли. И даже решившись уйти, все не верил: останавливался, оглядывался. И, отыскивая напряженным взглядом вдали незнакомку на каблуках, бормотал: «Маленький... Что поделает... Маленький... Не вышел».

ПАМЯТИ

Вазих ИСХАКОВ

РАССКАЗ

Сейчас меня не назовешь особенно доверчивым, годы и люди сделали свое дело. Я, например, верю только своим глазам, своему жизненному опыту.

А что делать, когда опыта нет?..

В то время у меня, несмышленного мальчишки, как раз никакого опыта не было, я верил во все, что мне говорили взрослые, которые пытались учить меня, наставлять. Моя мать до сих пор вспоминает об одной истории: «Как ты изволил меня, сынок. Помнишь соседку Бибикамал, как она, негугуева, науськивала тебя, словно щенка...»

Я не забыл своих соседей. Как мне не помнить долгие годы войны, когда мы, живя в далеком селе, с нетерпением ждали победы, ждали своих отцов и братьев.

Дед мой тяжело болел. Вернее, он ослаб от старости и невзгод.

Бибикамал-апай была нашей ближайшей соседкой, или, как у нас говорят, «соседкой по огню». Обычно такое соседство ко многому обязывает, люди помогают друг другу, одалживают ближним не только огонь, а все, что бог послал.

Бибикамал с мужем жили в достатке. Детей у них не было. Почти каждую неделю над их домом поднимался ароматный дым, от которого у нас, мальчишек, кружилась голова. Это соседка пекла хлеб. Наша же многочисленная семья радовалась затирке и картошке. Да мы и не роптали, и даже самые маленькие понимали: идет война...

Бибикамал-апай была женщиной приветливой, весь ее добродушный вид располагал к откровенности. Когда к ней ни зайдешь, она всегда встретит улыбкой, ласковым словом. Посмотреть со стороны, лучше соседки и быть не может.

Но у нее были свои заботы и невзгоды, которым мы помочь не могли.

— Жизнь прожила, любясь чужими детьми, — жаловалась она односельчанам, тяжело дыша от ходьбы. Дородная, толстая, Бибикамал-апай горой возвышалась над своим тщедушным и болезненным мужем, работавшим бригадиром в колхозе.

Помню, как она часто издевалась над ним: «Что поделаешь, бог дал в мужья этого теленка. Путные мужчины вон все на войне, фашистов бьют...»

Добродушная и приветливая у себя дома, когда ей никто не мешал, Бибикамал-апай становилась неприступной и замкнутой, если речь заходила о работе в колхозе. «Вы не глядите, что я с виду такая здоровая, — жаловалась женщина, — у меня внутри все больное, еле ноги таскаю».

Мы, детвора, особенно не задумывались над сложными житейскими проблемами. Если видели, что Бибикамал-апай приветлива к нам, заходили к ней. Чаще всего женщина сама приглашала нас, увидев на улице, чтобы угостить чем-нибудь вкусным.

— Дед-то все болеет? — участливо спрашивала она. Ее интересовало все, что происходило в нашем доме.

— Болеет дед, сильно стонет, — отвечал я.

— Как не стонать, восьмой десяток разменял. Даст же бог человеку такую долгую жизнь, под девяносто старик подкатил!..

Девяносто — по моим понятиям страшно много. У меня в уме не укладывалось, как можно так долго жить.

Бибикамал-апай, немного поморщившись, узнав новости, которые я ей откровенно рассказывал, начинала ругать мою мать.

— Гатифа тоже хороша. Просто удивляюсь, что она за тобой, за таким парнем-красавцем, совсем не ухаживает. Растешь, как дичок, а все заработанное уходит на содержание этого старика. Другое дело, если б муж, а то свекор!

— Мы все вместе едим...

— Господи, боже мой! С больным стариком за одним столом сидеть! А если он заразный какой?

— Доктор приходил, говорил, что хворь незаразная, просто состарился, износился дед...

— Не верь тутощним духторам, небось болеет чем-то ваш дед и вас заразит.

Мне, двенадцати-тринадцатилетнему мальчишке, этих слов было достаточно, чтобы, прибежав домой, начать требовать от матери готовить мне отдельно. Я не сомневался, что наша соседка хочет только добра, ведь она всегда улыбается мне, жалеет, поэтому и твердит одно и то же: «До сих пор едите вместе со стариком, который помереть не может? Вот несуразные! А на твоём месте я и близко бы не подходила к нему. Посмотри на себя в зеркало, красавцем растешь, скоро, поди, девушки по тебе с ума будут сходить, а ты...»

Видимо, я вконец допек мать своими требованиями. Однажды, оказавшись у нашей родственницы, которая жила в верхнем конце улицы, она посетовала: «Ах, Мусавалая, сын-то совсем меня доконал, проходу не дает. Это Бибикамал, бесстыжая, все время подговаривает его».

У нас в селе было несколько родных тетушек. Но Мусавалая отличалась сметливостью. Она быстро оценила ситуацию.

— Что делать, Гатифа-анга, — начала она утешать мою мать. — Бибикамал всю жизнь находила удовольствие в том, чтобы сеять раздор между людьми, бессовестная. Теперь, видимо, принялась детей против родителей восстанавливать. Зачем ей все это, не знаю.

Поговорив с подругой, мать немного успокоилась. Тетушка сказала ей на прощание:

— Ты пошли сынка к моим ребятам, а я с ним потолкую ладком.

У тетушки было двое сыновей, старший — мой ровесник. Я дружил с ними, ходил на рыбалку.

В ту пору, когда мы росли, двоюродные тетушки на селе играли исключительную роль в жизни молодежи. Молодые люди обращались к ним за помощью, за советом. Свидание ли устроить девушке с парнем, найти способ кому следует первое любовное письмо парня передать — здесь им не было замены.

ЫЙ РАЗГОВОР

Рисунок Юрия ИВАНОВА

Но на этот раз благоденствие тетушки было иного рода. Она сумела помочь мне, ребенку, разобраться в людях, сберегла от людской подлости и гнусности, которые я по простоте душевной принимал за искренность. Такое не забывается!..

Вскоре, зайдя к ней, я не застал ее сыновей, однако тетушка встретила меня как долгожданного гостя.

— Поди, проголодался?—спросила она и поставила на стол целую миску катыка¹. Мусавая никогда не была жадной, сейчас же она встретила меня особенно приветливо и щедро: вручила мне толстенный ломоть хлеба.—Ешь, миленький, ешь.

Для мальчишки, ходившего вечно полуголодным, эта еда — пара пустяков. За несколько минут все было вылизано. Пока я жадно поглощал еду, тетушка молча сидела передо мной и грустно смотрела на мои худые плечи, потрепанную одежду. Затем она осторожно начала расспрашивать меня о семье.

— Как у вас дома, все в порядке?

— Да, все в порядке...

— Я слышала, дедушка все болеет, сердечный...

— Да, болеет,—я тут же перебил ее,—болеет, а сам все не помирает...

— Что ты говоришь, дите мое? Язык отсохнет у того, кто говорит о старом-то человеке такое...—Она поднялась с места, подошла ко мне, положила руку на плечо.—О старых людях так не говорят, они без того болеют и мучаются. К тому же он твой дедушка, отец твоего папы. Ведь он очень болен...

Точно не помню теперь, но, по-моему, я начал возражать ей. Ведь Бибикамал-апай говорила совсем другое...

Стараясь как-то оправдаться и уйти от неприятного разговора, я недовольно буркнул:

— Он уже давно болеет.

Тетушка не стала меня стыдить и ругать. Напротив, она мягко и ласково заметила:

— Никто из нас не рожден навеки. А дедушке совсем недолго осталось жить, можно ли его обижать? Задумайся, ведь ты еще раскаиваться будешь, когда он умрет. Он же тебя любит.

—И в самом деле.—подумал я,—с дедушкой раньше мы были самыми большими друзьями, он повсюду брал меня с собой. А сколько историй я узнал от него!

Тут я представил лежавшего в постели дедушку, и мне стало жаль его. Тетушка расстроилась, вытерла глаза кончиком платка.

— Вот у моих ребят нет дедушки, а с дедушкой им было бы веселее. Представляешь? Когда в доме старый человек, о нем нужно заботиться, это же очень хорошо — жить рядом с добрым и мудрым человеком.

Никто лучше моей тети не смог бы мне сказать о дедушке. Какой тонкой и светлой душой обладала эта женщина! Потому-то и тянулись к ней все обиженные, сироты в надежде услышать теплые, доходчивые слова, предназначенные только для него одного. Эти слова доходили до сердца, до глубины души, заставляя вновь обрести веру в людей, если она была утрачена, противостоять всем невзгодам.

—Никто из нас не родился на свет навеки»,—повторял я про себя ее слова, поразившие меня глубоким смыслом, открывшимся мне только после откровенного разговора. Казалось, что я будто бы прозрел, мне открылась истина, о которой я даже не подозревал. Хотя, если вдуматься, ничего особенного сказано не было, дело было, видимо, в проникновенной интонации, искренности, в нашем душевном настрое.

Я даже не заметил, как домчался до дома. Бежал и плакал на ходу: «Был бы жив дедушка, только бы он жил»...

Почему же я до сих пор слушал Бибикамал-апай, слепо верил ей? Ведь мой дедушка — замечательный человек! Вон и тетушка говорит: «Старые люди все болеют».

Прибежал я домой, поднялся на крыльцо и крикнул:

— Мама, теперь я буду есть картошку вместе с дедушкой.

Но никто мне не ответил. В доме почему-то было много народу. Я остановился в недоумении.

— Дедушка твой умер, дитя мое,—сказала старая женщина, жена соседа Хасана, нарушив тягостное молчание. Она крепко обняла мои худенькие плечи.—Иди попрощайся...

Тут только до меня наконец дошло: значит, дедушка умер, значит...

Мой взгляд упал на соседку Бибикамал-апай. Она тоже была здесь, тихо стояла в углу, вытирая платочком глаза. Не помню, что на меня нашло. В каком-то диком иступлении я набросился на нее.

— Ты, ты не любила моего дедушку, убирайся, зачем пришла!

...Через много лет я пронес светлые воспоминания о моей тетушке. И сейчас я словно чувствую ее мягкие руки, слышу ласковые слова, проникающие до сердца.

В жизни так и бывает: зло не проходит бесследно. Но в моей душе ростки зла не взойшли, хотя кто знает, как бы все сложилось, не оказался рядом со мной близкого, чуткого человека.

Спустя годы я не теряю веру в добро, веру в душевную щедрость людей даже тогда, когда меня временами окружает зло. Нет выше благодарности моей тетушке, которая открыла мне глаза на мир, научила отличать светлое от черного, благородное и возвышенное от подлого и низменного. В трудную минуту я говорю себе: «Я помню твои слова, тетя Мусавая».

Перевел с башкирского
Владимир ГРИБОВ.

¹ Катык — разновидность варенца, простокваша.

Войны!
Вот пришел час, кото-
рый решил судьбу отече-
ства. И так же должны вы по-
мыслить, что сражаетесь за Пет-
ра, но за государство. Петру вруче-
ны за отечество. Не должна вас
также смущать слаба неприятель. Это-
то вы неизбежного, который лишь вы
сами своими победами над ним неиз-
менно доказывали. А о Петре
ведать, что ему жизнь его де-
лорок только на жиде России
в благоденствие и славу для
благосостояния вашего.

ПЕТР I
1709

Не прежние времена, эти шапок перед господами не ломали. Шутка ли—государевы гонцы! Мундира не оправят—сразу в главную залу, велят квасу, а то и водки. Шлют дворовых будить воеводу или коменданта. И не заикайся, что барин ночью вставать не любит, кулаки у царевых посланцев—не приведи бог. Но коменданты уже ученые—указы Петра читать велено в тот же миг, где они кого застанут,—запалив свечи, разбирали государевы строки.

—Надлежит вам как во укрепление города, таже и в провианте трудиться. Того же смотреть и в воинской амуниции. Ежели неприятель будет ваш город атаковать, то... боронитца до последнего человека и ни на какой аккорд с неприятелем никогда не вступать...

Таже, ежели коменданта убьют, то надлежит первому под ним офицеру комендантом быть, и так последовать и прочим (сколько побитых не будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить.

Но дело и не стояло. Вся Левобережная Украина полькала огнем и ненавистью к шведам. На неприятеля поднимались как на бешеного зверя, целыми селами. Казаки жгли свои хутора и хлебные запасы, угоняли скот в леса и балки, сами шли прославлять отомщен-

еся от главных сил шведские отряды и провиантские команды. Города украинские спали русскому командованию выборных людей с клятвой в верности и готовности биться с врагом не щадя живота. Государю Петру Алексевичу доносили, что шведы дошли до крайности, «от голода и болезни тако опухли, что едва маршировать могут».

Подъезжая к дымившимся пепелищам, где рыскали в поисках обгорелого зерна голодные гренадеры, Карл прищоривал вислозодого коня, косил свирепым взглядом на гетмана. Тот прятал лицо в воротник, отворачивался. Карл мог бы спросить у Мазепы, где обещанное им пятидесятитысячное войско, где лопающиеся от припасов провиантские магазины и амуниция, где ключи от городов и крепостей. Почему вместо хлеба-соли из-за частоколов сыплот по «освободителям» картечью? Но что толку спрашивать, и так ясно, что Украина не пошла за изменником и никакие его посулы не вернут ему покорности малороссов.

Была надежда на Батурин, гетманскую резиденцию, куда навез Мазепа, давно склонившийся к измене, вдоволь продовольствия, фуража, пороха и артиллерийские припасы.

РЯДОМ С МУЗЕЕМ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ УСТАНОВЛЕН ПАМЯТНИК ПЕТРУ I.

«НО БЛИЗОК, БЛИЗОК МИГ ПОБЕДЫ. УРА! МЫ ДОМИМ, ГНУТСЯ ШВЕДЫ...» БЕССМЕРТНЫЕ ПУШКИНСКИЕ СТРОКИ ОЖИВАЮТ В ДИОРАМЕ «ПОЛТАВСКАЯ БИТВА».

К СВИДЕТЕЛЯМ ДАЛЕКОЙ ЭПОХИ.

Отечество

Владислав ЯНЕЛИС,
Фото
Владимира ЧЕИШВИЛИ,
Специальные
корреспонденты «Смены»

ПОЛТАВСКАЯ ВИКТОРИЯ

Но быстрый Меншиков с драгунами и здесь опередил — неожиданным налетом ворвался в крепость, разогнал гарнизон, что не успел вывезти — предал огню. Шведы застали одни головешки.

Но Карл упрям. Ему, королю шведов, второму «Македонскому», в пятнадцать лет надевшему корону, нелегко смириться с мыслью о неудаче предпринятого вторжения в Россию. Просчеты нынешнего похода он загораживал воспоминаниями о нарвской баталии: ах, какая блистательная была атака, как бежали тогда москвиты от его лихих солдат, бросая обозы и артиллерию, с сегодняшним царевым фельдмаршалом во главе. Было, бежали. Но следовало бы помнить Карлу, что сбросили тогда шведы в стылую воду Наровы не регулярное войско, а тех же, по сути, ополченцев, дворянскую конницу, худо обученных, «неискусных сыскать викторию», голодных, ведомых в бой иностранными офицерами. Два же гвардейских и Лейфортовский полки противостояли неприятелю достойно, и немало шведов легло у их рогозок. Объективный летописец мог бы напомнить

ПОЛЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

королю шведов, что со времени нарвской баталии минуло 9 лет, что после Нарвы были Эрестфер и Гумельсгоф, где виктории остались за Петром, что взяты штурмом уже Нотебург, Ниеншанц, Дерпт, что была, наконец, вторая Нарва, сражения под Добрым и Лесным, весьма несчастливые для короля.

...Карл придержал коня, дожидаясь, когда с ним поравняется низкий крытый возок, из щели которого торчала медвежья полость. Нагнувшись, рванул на себя дверцу, из возка выглянуло седоусое с хрящевидным носом лицо гетмана. Карл молчал, ждал.

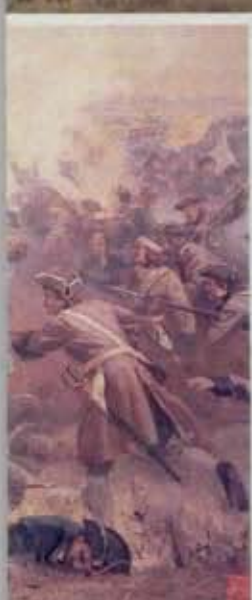
— Ваше величество, — гетман попытался встать, но медвежья полость мешала. — в Полтаве войско найдет все, что ему нужно: припасы, верных сподвижников, отдых. Полтава богата. Взяв ее, ваше величество убедит казаков в своей силе. Они оставят сомнения, встанут в ряды доблестной шведской армии и пойдут на Москву. Помимо того, султан и крымские татары только ждут вашего сигнала. — Латинская речь гетмана была почти безукоризненной.

Карл отвернулся, ударил ботфортами по заиндевшим бокам коня: — Ладно, пусть будет Полтава.

Оставим пока короля шведского среди приднепровских пустошей. Вернемся в век наш, вобравший в себя немало военных событий, куда масштабнее тех, о которых мы повествуем. Многие, даже не ключевые операции Великой Отечественной превосходят по задействованным в ней средствам, силам и драматизму самые значительные сражения далекой Северной войны. Но мы вспоминаем о тех временах и будем вспоминать еще. Только ли затем, чтобы отдать должное красным числам истории нашей?

Никто уже не скажет, нарочно ли Петр медлил с решающим сражением, дожидаясь девятимесячного срока со дня битвы при Лесной. Вернее всего, это было простое совпадение — решение искать победы над неприятелем именно в конце июня 1709 года. Как бы там ни было, позднее под его диктовку будет записано, что сражение у Лесной он считал матерью Полтавской битвы. «...Ибо по девятимесячному времени оно младенца счастье принесла, егда совершенного ради любопытства кто желает исчислить от 28 сентября 1708 до 27 июня 1709 года».

Что ж, царь любил каламбуры. Но справедливость требует относиться со всей серьезностью к иным из них. И если смотреть шире, то полтавская баталия, в свою очередь, была матерью побед других. Вспомним Очаков, Измаил, Бородино, оборону Севастополя... Из прошлых военных опытов черпаем мы национальную гордость, ратное мастерство, стойкость и свободолюбие. И ведь именно под Полтавой Россия сокрушила впервые одну из лучших европейских армий. Полтава стала

БОРЖАВА-РЕКА...

КАК И ПРЕЖДЕ
БЕРЕЖУТ
ПОКОЙ ОТЧИЗНЫ
МОЛОДЫЕ
ЕЕ СЫНЫ.

перекрестием истории российской, счастливым для нее и памятным для ее врагов. Так поклонился же пращуром нашим, кровью своей вернувшим Отчизне исконные ее земли, добывшим себе воинскую славу, древо которой дало столь могучие и обильные плоды.

...Весной 1709 года Карл XII с почти сорокатысячной армией подошел к Полтаве. Ближайшей целью шведов было взятие крепости, дальнейшей — поход на Москву. При европейских дворах уже шепотом произносили имя генерала Шпарра, назначенного комендантом русской столицы. Полтава нужна была Карлу не только как долгожданный отдых, но и как доказательство шведской силы перед лицом колеблющегося турецкого султана. Порта выжидала, слишком крупная шла игра, чтобы ошибаться в ставках. Велел доносить о всех действиях и передвижениях русского царя, султан отдал тайный приказ готовить армию.

Опасения восточного владыки не лишены оснований. Воля и ум Петра пронизывали все клетки государственного организма, напрягавшегося изо всех сил от возложенной на него ноши. И хотя сопротавлялась старая Россия, бунтовала, но все-таки подчинялась твердой руке царя — мастерового, драчуна и солдата. Петр видел дальше других, потому и пошел на эту войну, тяжкую, долгую и кровавую, что не мыслит себе будущего великого государства без прямых путей в Европу.

Не в пример Карлу он понимал войну не как цель, а лишь как неизбежное и горькое средство. Закрепившись в устье Невы, Россия не желала большего и готова была заключить мир. К тому вынуждали веские причины — волнения калмыков, Запорожской Сечи, военные приготовления Константинополя, необходимость сосредоточить усилия на проведении внутренних реформ.

Петр разрывался на части. Легко Карлу, занятому лишь войной. А у него заботам несть числа: рекрутские наборы, соляные пошлыны и хлебные сборы, строительство флота, провиант для войска, закладка железодельных заводов и ткацких мануфактур, учреждение сената, работа над воинским уставом... Дела лезли со всех сторон...

Однако ясным умом понимал Петр, что главная на сегодня беда — шведы; пока не вышибет он из рук короля шлягу, не волен заниматься мирным устройством государства.

Велел Шереметеву и Меншикову изнурять шведов беспрестанными набегами, Петр весной едет в Азов. Там и получил царь известие, что шведы всем войском осадили Полтаву. Последнее предложение о мире, сделанное царем незадолго до того, было отвергнуто, Карл высокомерно ответил, что условия мира он будет диктовать в Москве, предварительное получение от России 30 миллионов ефимков контрибуции за военные издержки. Выход был один — сражение. Отложив все дела, Петр заспешил к армии.

...Взбираясь на холм, Карл видел низкие, крытые соломой хаты, церкви и гарнизонные казармы; видел сноujące к крепостным валам и обратно маленькие фигурки, одетые в простое, невоенное платье. Труба, с которой не расставался, помогла ему разглядеть, что фигурки эти — женщины и совсем еще дети, и все они тащат к валам кто камни, кто кули с песком, кто дровя. Король не любил в батальи иметь дело с мирным населением, удел горожан — чествовать победителей. Что ж, полтавчане своим упрямством сами выбрали себе участь.

Петр отлично знал, кому вручить командование гарнизоном. Тут нужна была трезвая голова, воин испытанный, не заласканный наградами, стойкий и неподкупный. Таков был Алексей Степанович Келин, добывший полковничий чин верною службой, командир сердцем и умом. Петр помнил его еще по соловьевскому делу, когда Келин храбро вел осаду бунтующего монастыря. Сын стрелцкого майора, внук царского сокольничего, Келин принял правду Петра безоговорочно, и быть бы ему на видных постах, да не умел и не любил выставлять свои заслуги.

Многие хроники того времени не сохранились, и до нас не дошло сколько-нибудь подробного рассказа о ходе осады. Но и по тем отрывочным сведениям, что попали к историкам, можно судить о беспримерном мужестве защитников крепости, три месяца отбивавших все натиски неприятеля.

Один за другим бросал Карл на приступ грендерские батальоны. Но все напрасно, рвы только полнились трупами его солдат. Однако силы гарнизона не беспредельны...

2 июня к Келину в восьмой раз явился парламентар с предложением сдать город на аккорд. Карл обещал гарнизону самые почетные условия. Славный полковник отказался вступать в переговоры. Известен его ответ, переданный королю:

— Знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступе более 3 тысяч человек при валах полтавских головы положили. И так тщетна ваша похвальба: побить всех не в вашей воле состоит...

Спустя два дня в русский лагерь приехал Петр. Не отдохнув, поскакал осматривать позиции. Тем временем подходили последние из полков, что были назначены в полтавскую баталию. 7 июня царь пишет Апраксину: «Сошлись близко с соседями, с помощью божию, будем, конечно, в сем месяце главное дело с оными иметь».

Опуская подробности, скажем о главных событиях, предшествовавших битве. В пустых ядрах кидали в Полтаву приказы Петра — держаться до последнего, верить в скорое от неприятеля избавление. 12 июня велено было Келину совершить вылазку в момент, когда русские войска будут атаковать шведов с целью деблокады крепости. Но атака не состоялась; страшный ливень поднял воды Ворсклы настолько, что навести переправу было невозможно. Едва спала вода, Петр приказал войску переправиться на другой берег и подойти на возможно близкое расстояние к шведскому лагерю. 20 июня русские войска по трем бродам преодолели быструю Ворсклу у села Семеновка (ныне Кротенково) и стали лагерем в четверти мили от передовых застав шведов.

21 и 22 июня Карл делает последнюю отчаянную попытку овладеть крепостью. Неведомо откуда брались силы у осажденных, но они отбили и эти, самые страшные приступы. Последний штурм обошелся шведам сверх меры дорого — у валов и палисадов Полтавы осталось одних убитых 1670 человек. Всего же у стен крепости защитники ее положили пятую часть шведской армии, то есть шесть с лишним тысяч солдат и офицеров неприятеля! И еще один важный штрих.

Осмотрев местность — широкую открытую равнину, казалось, предназначенную самой природою для сражения, Петр внезапно принимает решение переменить расположение русского лагеря. Зачем искать судьбу, предоставляя шведам идеальные условия для маневров конницей и сражения в линейных боевых порядках, чем сильна армия короля? Петр выбирает для битвы неширокое поле близ села Яковцы, зажатое балками и густыми лесами.

В час пополудни 26 июня драгуны привели к Петру перебежчика. Глядя в лицо дрожащего от страха поляка, царь старался угадать, не обманывает ли тот.

А сведения перебежчик сообщал наиважнейшие. Преступив договор — сойтись в сражении 29 июня, Карл намерен атаковать русский лагерь ближайшей ночью. Еще поляк извещал, что к шведам от русских ушел какой-то унтер-офицер, и Карл имел с ним беседу. В заключение перебежчик поведал, что короля зело добивает рана и передаётся Карл только в качалке, меж лошадей подвешенной. Петр задумался. Предатель унтер, как сказывали, скандинавского рода, мог известить короля о позициях русских войска. Это погубило. Мог донести и что полк новобранцев одет в серые мундиры, стало быть, по нему в первую очередь ударят шведы. Остальное же — ладно, слава богу не Нарва, воевать научились. А что ранен Карл, так не суяся, брат, в авантюру, не королевское дело на караулы кидаться.

В последние, оставшиеся до сражения часы велел царь построить десять редутов, чтобы рассечь ими на две половины и без того узкое пространство поля будущей битвы, еще более затруднив маневр неприятеля. Только спустя многие десятилетия редуты станут в Европе каноном военной инженерии. Оставив в редутах гарнизоны, основные силы Петр расположил в укрепленном лагере. Главной подпорой редутов стали 17 драгунских полков Меншикова. Вечером Петр объезжал батальоны. Вот они, кого учил, одевал, испытывал походами, русские солдаты, грозная сила, надежда государства. Дорогие сердцу преображенцы, семеновцы, нижегородцы, нарвцы, псковичи, азовцы, казанцы... сыновья, товарищи, соратники. Армия. Он останавливался у биваков, подходил к притихшим солдатам, не приказывал, просил порадеть за Россию, не выдать

матушку... Понимал, что порыв войска есть искра, но не бое, заряд же, который зажмет та искра, колется годами. Труден путь к сражению, само оно — мгновение.

Поляк не обманул. Еще не развиднелось, как шведские колонны, подойдя к редутам, молча полезли через рвы. Сибились на валах, соя, кололи штыками друг друга, зло, с остервенением, хрипя, тихо охая, не видя лиц. Первые два редута, что были недостроены, пришлось уступить грендерам Росса. Но едва генерал, обнадеженный успехом, повел колонны к следующим, как в упор загремели выстрелы, в несколько минут росная трава окрасилась синими мундирами. Ошеломленных грендер атаковали драгуны. Рубили тяжелыми длинными палашами, сшибали лошадей, топтали. Неприятель побежал к Яковчанскому лесу. Тут не выдержала шведская конница — кинулась наперерез драгунам.

На каждого из драгун — двое шведов. Меншиков, разгоряченный, презирающий опасность, врвался в самую гущу, ободрял товарищей личным примером. Едва видна стала цель, ударил по шведам русская артиллерия, каждым выстрелом неся урон врагу. Немало усилий стоило шведскому фельдмаршалу Реншильду привести войска в порядок, послать кавалерию в обход редутов, тесняя к самому лесу. Но Меншиков со своими драгунами и здесь успел. Сменив убитую под ним лошадь, прошелся со своими эскадронами по рядам шведским, как косой по жнивью, опрокинул, прижал к лесу. А потом отошел, подводя преследовавших его шведов к укрытиям в лагере пушкам Брюса; те ударили картечью почти в упор, отогнали шведов к лесу.

Первая кровавая чаша битвы была испита. Но она не утолила жажду короля. Его не остановили вести ни о попавших в руки русских 14 шведских штандартах, ни о потере четверти армии. Он надеялся на свою фортуна. Поставив батальоны в одну линию, Карл велел атаковать позиции русских. Было начало девятого утра.

В отличие от Карла Петр меньше всего уповал на фортуна, надеясь лишь на армию и самого себя. Явившись перед войском в офицерском темно-зеленого сукна мундире Преображенского полка, в треугольной шляпе без украшений, со шлягой, он зачитал и велел объявить всем приказ, слова которого дошли до глубин солдатских сердец: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество...»

Невиданный душевный подъем овладел армией, все просились скорее в дело. Царя останавливали солдаты, назначенные в резерв, со слезами просили допустить их в бой, вспоминали пройденную ими азбучную баталию, упрекали Петра, который, оставя их в лагере, горькую обиду им наносит. Он убеждал, что считаться вышшими в деле будут все, что никого не обойдет наградами. Но наград ли искали воины, равнявшиеся в бой! Сдав командование армией Шереметеву, Петр принял под начало дивизию в центре. Увидя серые мундиры новобранцев, Карл приказал своим драбантам сомкнуть фронт и атаковать их в надежде сразу разорвать линию русской пехоты. Но Петр предусмотрел и это. Велел опытному Новгородскому подку заранее поменяться с новобранцами мундирами. Драбантов встретили стойкие в штыковом бою новгородцы. И все же двойные силы шведской гвардии потеснили русский батальон. Он подался назад. Петр, приняв полковое знамя, взмахнул им над головой, увлек за собой второй батальон новгородцев, стоявший чуть позади первого.

Нет, это был уже не тот Петр, что за день до сражения у Нарвы трясся, откинув бледное лицо, в возке, уносившем его от позора. Это был другой Петр, муж храбрый и решительный. Одна пуля пробила его шляпу, другая ударила в грудь... Но проведение берегло царя. Пуля расплюскалась о нателный крест, не причинив вреда. Третья найдена была потом в конском седле. Встречный натиск новгородцев остановил драбантов, заставил их отдать успех. Отчаянная рубка разгорелась на флангах, где сошлись шведская и русская конницы. Помогла наша артиллерия, пробивая огромные бреши в рядах врага. Вот что пишет один из очевидцев битвы: «Первый залп учинен от войска царского величества так сильно что в неприятельском войске от

падших тел на землю и ружья из руки убитых громкий звук учинился, который внушал, якобы огромные здания рушились».

Величайшая битва той эпохи, столь много значившая для России, завершилась, заняв всего два с половиной часа. Победа была полной. Более 9 тысяч шведов навечно остались под Полтавой. Остатки армии Карла уходили к Днепру, где спустя два дня их настигнет кавалерия Меншикова. Потрясение шведов было так велико, что шестнадцать тысяч солдат и офицеров 30 июня сложат оружие без боя перед девятыо тысячами русских. Уйдет за реку лишь Карл с Мазепой и небольшим числом слуг.

Среди убитых опознали историка Карла XII тихого Адлерфельда, найденного неподалеку от разбитой вдребезги качалки короля. В этом виден был знак, что история Карла-победителя кончилась под Полтавой и началась другая — короля-изгнанника. А следующим днем хоронили своих, русских, насчитав 1345 человек. Положили всех в одну могилу, первую горсть бросил Петр.

...У нее и стоим мы — высокого насыпного холма, увенчанного бронзовым семи с половиной метров крестом, нетленного символа памяти благодарных потомков, грозного предупреждения врагам Отечества о бесплодности их усилий покорить великую державу. 275 лет минуло со дня «прославленной виктории», более четверти тысячелетия. Река Ворскла сменила русло и обмелела, исчезли леса, но бережно хранятся как в самой Полтаве, так и вокруг нее дошедшие до нас рукотворные реликвии. В центре города высится памятник Славы, символизирующий негибимость русского ратного духа, — жерло орудия, основанием упирающееся в землю. Рассказывают, что не однажды пытались свалить чудный памятник потомки воинствующих тевтонов — фашисты, оккупировавшие Полтаву. Пригоняли на площадь танки, обвязывали колонну тросами, тянули. Но тросы рвались, захлебывались от натуги двигатели машин, а памятник стоял недвижимо, словно держала его не частичка земной тверди, а плоть всей нашей Отчизны.

Осенью сорок третьего года вся Полтава лежала в руинах, а по улицам ветром носило тучи пепла. Как трудно это представить нынче, глядя на цветущий, шумящий потоками машин светлый город! Но ведь было же, было. Отступая, фашистские вандалы жгли все, что могло гореть, и разрушали все, что можно было разрушить. Сожгли и музей истории Полтавской битвы, чтобы хоть в чем-то ущемить национальную гордость России. Но возможно ли перечеркнуть историю народа, пусть даже уничтожить символы ее! История эта в нас, в нашем кровном родстве с пращуром нашим, в творениях целых поколений.

Спустя несколько лет музей открылся вновь. Еще город не был очищен от развалин, а люди отдавали последнее для восстановления памятников! Это был не жест, а истинное движение души народа, хранящего свою историю наравне с честью своей.

А ныне создается уже целый государственный историко-культурный заповедник «Поле Полтавской битвы», включающий и музей, и уже восстановленные редуты, и близлежащие рощи и пашни.

...На высокий берег Ворсклы близ села Кротенково приехали с Михаилом Васильевичем Семиволосом, бывшим командиром роты гвардейской 95-й четырёхрядной орденосной дивизии. Полки ее освобождали Полтаву, а одной из первых вошла в город рота капитана Семиволоса, полтавчанина, впоследствии ректора пединститута. Многими военными дорогами прошел он, прежде чем фронтовая судьба привела Семиволоса в сентябре 1943-го на берег Ворсклы, к порогу родного города. Воевал под Сталинградом и Курском, был ранен восемью осколками, торопился вернуться в строй, догнал дивизию под Харьковом. В ночь на 23 сентября повел Семиволос гвардейцев через реку отбивать Полтаву у фашистов. Потом уже узнал, что шли они теми самыми бродами, что и войска Петра. И встал чуть ниже памятника петровской переправе памятник переправе советских солдат Великой Отечественной.

История повторяется в тех главах, что пишутся ненавистью к захватчикам. Таков закон ее. Забывшим уроки Полтавы, Березины и Севастополя напомнили о них в Сталинграде, Курске, Варшаве, Берлине потомки славных воинов российских.

ЛЕТОПИСЬ ДОБЛЕСТИ

Воспитание подрастающего поколения на героических примерах истории страны ставит своей целью библиотека «История Отечества» в романах, повестях, документах», выходящая в издательстве «Молодая гвардия». Об этой серии рассказывает главный редактор издательства по художественной литературе Николай Машовцев.

— Размышляя об уровне исторического образования молодежи, мы в издательстве пришли к выводу, что юношество нуждается в такой книжной серии, которая бы в увлекательной форме рассказывала о многовековой истории Родины с древнейших времен до наших дней.

Перспектив будущей серии для нас составили библиотечные работники, ведущие писатели, историки. Так формировалась библиотека «История Отечества» в романах, повестях, документах», поддержанная в Отчетном докладе XIX съезда комсомола.

Вот структура некоторых томов. Основа каждого тома библиотеки — крупное художественное произведение, посвященное определенному периоду истории нашего Отечества. Мы считаем, что именно литературное произведение помогает осязательно и масштабно дышать и масштаб исторической эпохи, нагляднее представить и время и место действия.

Но в то же время мы понимали, что

художественный текст все-таки не охватывает достаточно широко описываемые события. Ведь, как правило, содержание романа сконцентрировано вокруг судеб отдельных героев. Поэтому каждый том дополняется публицистическим разделом. Сюда включаются подлинные исторические документы, мемуары современников, отрывки из работ крупнейших историков прошлого и современности.

Порой авторы художественных произведений в силу различных причин давали не всегда точную оценку историческим событиям и персонажам. Чтобы правильно сориентировать юного читателя, помочь ему разобраться в сути описываемых событий, расширить его исторический кругозор, каждый том снабжен развернутыми комментариями. В предисловии дается историко-литературная оценка того периода, объясняется, почему составители выбрали именно это литературное произведение, рассказывается о разных точках зрения специалистов на те или иные проблемы.

Каждый том заканчивается списком рекомендательной литературы, в который включены и публицистические, и литературные первоисточники, работы историков, художественные тексты. Так что читатель, всерьез заинтересовавшийся историей, легко сможет раздвинуть рамки своих познаний. Собственно, расширение интереса к истории своей страны и является одной из важнейших целей книжной серии «История Отечества» в романах, повестях, документах».

На сегодняшний день в нашей библиотеке вышло семь томов. Открыли мы ее томом «Союз нерушимый», который поступил к читателям в декабре 1982 года, в канун празднования 60-летия СССР. Он снабжен обращением к читателям — своеобразным введением к нашей серии, которое объясняет основной принцип нашей

библиотеки. Он выражен в строках Гимна СССР: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь».

В первый том включены работы В. И. Ленина, партийные документы, рассказывающие об образовании СССР, завоеваниях социализма, художественно-публицистические произведения М. Горького, М. Алексеева, А. Лауринчука, В. Большака.

В книге «За землю русскую» опубликован роман Алексея Югова «Александр Невский». В публицистическом разделе помещены литературные памятники и свидетельства очевидцев того времени, много любопытного о Руси XIII века можно узнать из записок иностранцев-путешественников.

Вышел в свет том «Седой Урал», посвященный зарождению уральской промышленности. Здесь рассказывается о таланте русских мастеров, о бурном развитии заводов, о борьбе горнозаводских рабочих с угнетателями. Интересны документальные материалы «Выписка о горных делах» и «Описание уральских и сибирских заводов».

В томе «Бунташный век» мы впервые в советское время опубликовали (с некоторыми сокращениями) сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» — уникальнейший документ XVII века. Рядом с романом Василия Шукшина «Я пришел дать вам волю» записки Г. Котошихина дают объемную картину быта и государственно-политической жизни русского общества в канун востания Степана Разина.

Период «смутного времени», XVII век, востание Ивана Болотникова отражены в томе «Стоять заодно». Там же опубликован роман М. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году».

С большой любовью мы работали над томом «Обновление земли». Еще при жизни

Михаила Шолохова было получено согласие автора на включение в сборник «Поднятая целина». Это исторически достоверное и неповторимое в художественном отношении произведение дополняется подборкой документов того времени — решениями партии и правительства, журналистскими материалами, воспоминаниями коммунистов, принимавших непосредственное участие в организации первых колхозов.

Скоро читатели получат тома «На крутом переломе» (о событиях Февральской революции 1917 года), «Наука побеждать» (о России восемнадцатого столетия, о ее внешней политике, о крупнейшем полководце А. В. Суворове).

К 40-летию Победы над фашистской Германией мы готовим книгу «Священная война», в которой будет рассказано о победоносном завершении нашей армией второй мировой войны, о той роли, которую она сыграла в освобождении Европы от фашизма, о последних, победных днях Великой Отечественной.

В работе том, который расскажет о зарождении коммунистического молодежного движения в России, о становлении комсомола. Он будет называться «Коммуны будущей творцы». В основе его роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Сейчас составители заняты подборкой материалов для публицистического раздела, подготовкой комментариев к роману: читатель должен узнать о протоколах романа, о реальных событиях жизни самого Николая Островского, о его друзьях и соратниках, о великой эпохе Октября.

Встречи с читателями, библиотекарями, учителями всегда помогают нам, издателям, в определении перспектив нашей работы, выборе новых тем и типов изданий.

Беседу вел Е. ЖЕРНОВА

По праву любви

Книга о Пушкине — значит, интересна. Их так и спрашивают в библиотеках и магазинах: «Есть что-нибудь о Пушкине?». Читательское население прямо-таки накидывается на все сколько-нибудь новое, посвященное стихам и жизни любимого поэта, его семье, его трагической гибели. И нового, надо сказать, является в свет немало. Вводятся в оборот

новые документы, обдумываются новые доводы, скрепляются в неухающей полемике страсти.

Даже на этом ярком фоне нельзя не заметить, не выделить двух повестей Агнии Кузнецовой, выпущенных издательством «Советский писатель» и объединенных общим названием «Моя мадонна».

В основу первой повести «Под бурями судьбы жестокой» А. Кузнецова кладет свои семейные документы и предания. Один из ее предков, крепостной графов Строгановых, лекарь по призванию, Петр Кузнецов, однажды встречается с сестрами Гончаровыми, и легендарная красота Натальи Николаевны производит на него глубочайшее впечатление на всю жизнь.

Только смерть Пушкина обнаружил огромную любовь к нему «во втором обществе», как назвала эту среду городских разночинцев Софи Карамзина. Крепостным же крестьянам еще не пришло время узнать, понять и полюбить гениального поэта, так что духовный мир Петра Яковлевича — это лишь пред-

чувствие, предсказание всенародной любви к Пушкину.

Немногоими, но выразительными штрихами обрисовав во многом еще темный, неясный для нас духовный мир крепостного человека той («долитературной») эпохи, автор уже совсем иначе, чем это принято, рисует, вернее, набрасывает образ жены поэта. Мы не только видим ее красоту, но и чувствуем большую доброту и чистоту души этой женщины.

Но главное свидание с Натальей Николаевной — впереди, в повести «А душу твою люблю...». Чаще всего мы слышим об этой столь притягивающей наше внимание и все еще неизвестной нам женщине разрозненные толки.

В союзники своей своеобразной точке зрения А. Кузнецова привлекает поэта. «...С твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю я еще более твоего лица», «моя мадонна» — вот что говорит нам Александр Сергеевич.

Но любящий супруг ведь мог и ошибаться? И А. Кузнецова анализирует все известные на се-

годняшний день свидетельства о Наталье Николаевне.

Как ни странно, именно само наше страстное тяготение мешает нам разглядеть ее по настоящему. Мы все время воспринимаем ее только в свете непоправимой трагедии. Лицо еще можем представить себе хоть по портретам, но вот душу, о которой говорил поэт, практически не знаем совсем. А Кузнецова старается показать нам человека, как бы — пусть на мгновение — отвлекаясь от нашего знания о трагедии. Какой она была, Наталья Николаевна? У нее «была горячая, преданная своим близким душа».

«Положительно, мое призвание — быть директрисой детского приюта: бог посылает мне детей со всех сторон, а это мне несколько не мешает, их веселость меня отвлекает и забавляет». И действительно, кроме своих семи детей, около нее еще сын Павлицевой, сестры Александра Сергеевича, племянник П. П. Ланского, сын друга Пушкина П. В. Нащокина...

А. Кузнецова не упускает ни одного свидетельства, как бы

оно ни казалось незначительно. Слободской протоиерей И. В. Куртев, например, отмечает: «По отзыву архиепископа Елпидифора, дама умная, скромная и деликатная, в разговоре весьма находчивая». Однако, кроме архиепископа, в числе сторонников Натальи Николаевны выступают друзья Пушкина Вяземский, Нащокин и Плетнев. Духовный наследник поэта — Лермонтов. И сам, сам Александр Сергеевич, его письма...

Это важно еще и потому, что тем самым виднее истинные враги поэта, правые и косвенные виновники его гибели. Это те, кого на века заклеил Лермонтов, подружившийся с Натальей Николаевной.

Горячее, искреннее чувство, которое испытывает Агния Кузнецова к своей героине, помогает им обрести. Читатель помогает книгу с убеждением, что он только что познакомился с Натальей Николаевной, женщиной трагической судьбы, умным, честным, верным человеком. Согласимся, что так нам понятней и ближе любовь гения.

Павел ГУСЕВ

Дума о России...

Историческое повествование Валерия Ганичева «Росс непобедимый...» (журнал «Молодая гвардия» № 12, 1983 г.) обладает той идейно-художественной емкостью и глубиной, которая может появиться лишь тогда, когда в основе произведения лежит идея исторической правды. Здесь, к сожалению, нет возможности остановиться сколь-

ко-нибудь подробно на сюжетной основе сложного по композиции, многопланового произведения В. Ганичева, содержание которого, безусловно, не исчерпывается в его подзаголовке: «Историческое повествование, были и легенды о южном «окне» в Европу, о земле, поднятой трудом и разумом наших людей, и о создании Черноморского флота». Победы русского оружия в войнах с Турцией и окончательное освобождение юга России от крымско-турецкого владычества, первые походы российских кораблей вокруг Европы и установление прямых торговых отношений со многими европейскими странами, заселение и хозяйственное освоение обширных земель Новороссии, строительство новых городов, создание судостроительных верфей и портов на Черном — «Российском» море, изображение крупных политических и военных деятелей — такова «фактографическая» основа произведения В. Ганичева.

Но факты нужны автору не сами по себе. Его мысль имеет историко-материалистический

идейный фундамент, поэтому, основываясь на фактах, он прослеживает исторические закономерности развития страны, общества. Автор пользуется приемом сюжетной и композиционной «мозаики» (может быть, именно поэтому жанр своего произведения он и определил как «историческое повествование»). И из этой очень разнообразной, но далеко не случайной «мозаики» лиц, событий, фактов, былей и легенд складывается сложный и правдивый образ эпохи.

Несомненный эпический дар автора, проявляющийся в широте и многосторонности охвата действительности, в изобразительной, художественной силе слова. Осваивая глубокий социальный срез общества, автор создает полнокровные характеры героев — представителей разных общественных слоев. Это и старый запорожский казак Петр Щербань, и один из первых профессиональных русских архитекторов Сашенька Козодоев, и путешественник и ученый-этнограф «солдатский сын» Василий Зуев... Автор воссоздает и

облик многих выдающихся личностей: Ломоносов, и великий русский полководец Суворов, грозный «Ушак-паша» — замечательный флотоводец Ушаков, и светлейший князь Потемкин, императрица Екатерина II. Исторический взгляд нашего современника, владеющего им глубокая дума о России позволяют ему увидеть и в деятельности светлейшего князя, и в образе и поступках императрицы, осознающей насущные проблемы страны, те положительные составляющие, которые по новому освещают для нас их хрестоматийный облик.

Большой интерес вызывают страницы, изображающие и разоблачающие масонское братство, в которое был завлечен один из героев — моряк Егор Трубин. Будучи человеком неглубоким, он постепенно разоблачался в целях общества «строителей Храма Соломона» и понял, что представители верхушки этой тайной международной организации отнюдь не «бесстрашные рыцари, думающие о пользе всех людей». Он увидел, что они преследуют личные,

корпоративные, корыстные цели (естественно, не только и не столько цели материальные). Не желая быть орудием чужой воли, Егор порывает с масонами, когда убеждается, что многие из этих людей служат интересам иноземной политики и способны на измену Отечеству.

Повествование В. Ганичева, безусловно, далеко от идеализации изображаемой им российской действительности того времени, но оно как-то проникнуто историческим оптимизмом, верой в русский народ. И оптимизм этот, свою идею автор доносит до читателя, глубоко зная предмет, вызывая этим доверие к каждому сказанному им слову.

Думается, историческое повествование Валерия Ганичева «Росс непобедимый...» откроет молодому читателю новые страницы славной истории родного народа, поможет ему осмыслить себя в потоке времени и тем самым найти свое, достойное место в дне сегодняшнем.

Юрий ЧЕХОНАДСКИЙ

ПЯТЬ

Спорт
в нашей
жизни

Александр БОЙКО

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА
и Виктора ЯКОБСОНА

ПАМЯЩЕВ-

Да-да, то самое пятиборье, справедливо названное современным. И, пожалуйста, не говорите, что конь устал и его пора заменить мотоциклом, а средневековую шпагу — прыжками с парашютом. Нет! И еще раз нет!

Останемся верны старинной легенде. Вспомним офицера, с которого все началось. Он скакал верхом по лесным тропам, а когда напали враги, отстреливался, фехтовал, переплывал бурную реку и, уже изнемогая, бегом доставил вовремя важные сведения. И, может, старый генерал, восхищенный таким мужеством, даже наградил его.

Так или иначе, но знатоки утверждают: пятиборье началось с той легенды. Только не каждый, овладев современным пятиборьем, получит медаль. И не ради медалей идут в пятиборье эти мальчишки.

Стремительно, вполне современно проносятся наши годы. И городское дитя имеет возможность рассмотреть в небе живую звезду, названную «спутник». И вдруг дитя останавливается и восхищенно тербит отца: «Смотри-смотри, лошадь!» Где сегодня увидишь лошадь, неторопливо поцокивающую по асфальту? А кто из наших ребят может обрадованно войти в конюшню, заглянуть в грустные глаза коня, погладить по холке и вежливо спросить: «Ты отдохнул? Может, пойдём работать?»

Это пятиборцы придумали термин: удачная лошадь. И годами в среде пятиборцев бытуют имена лошадей (нет, не клички — имена!): тех, кто послушен поводу, и тех, кто артачится, встает на дыбы или шарахается от препятствия и даже самых именитых пятиборцев отбрасывает назад в турнирной таблице.

Только при чем здесь лошадь? Она ведь любит доброе слово и ласку. И, глянув на фасонистого мальчишку в жокейской шалочке, косит лиловый глаз на левую руку, где зажат хлыст, а по ее исхлестанным бокам рябью пробегает нервная дрожь...

Двадцать минут! 1200 секунд выдано пятиборцу, чтобы познакомиться с конем. И каждая из секунд или сближает двоих, или разделяет. А после простятся они друзьями или швырнет он по воду, и презрительная кличка «кляча» неслышно ударит коня по губам? Не верь кличкам, оставленным нетерпеливыми, иногда жестокими. Учись за двадцать минут рассказать о себе все. Не пожалей ласковых слов незнакомому труде. И каждый раз ищи новые слова, конь не бессловесный мотоцикл, это конь научит тебя важному качеству современности — доброте. А если не поймет он тебя в твоей торопливости, если заупрямится, шарахнется от барьера, понесет в сторону, не казни его ударом хлыста, ищи причину в себе.

Не хлыст, а ясность мышления, не слава добренького коня под любым всадником, жаждущим тысячу очков, а желание постичь самого трудного, но покорного тебе и, значит, согласного разделить ответственность — вот путь постижения первого вида.

А на следующий день сброшены элегантные фраки. На плечах белые куртки как символ неподкупности и чистоты помыслов.

поднять шпагу, приветствуя соперника, и каждый раз отблагодарить его за участие. И за урок тоже!

Разве не современна конфликтная борьба умов — пятиборное фехтование? И самостоятельность в бою тоже. И честность обязательно. Я видел, как сильный поднимал руку и говорил: «Укола не было!» Я слышал, как слабый бросался к судьям и, пороча электро-

Не спешите. Стрельба в пятиборье — это как современный знак качества. Ты мог неудачно выступить на предыдущих видах, и стрельба сразу покажет, как ты владеешь нервами. Имеешь ли право называть себя пятиборцем.

Стрельба для многих граница. Прошел тир, можешь просчитать: я плыву так-то, зато он бежит вот так!..

Может ли тонуть пятиборец? Я видел, как один из них, имея результат, близкий к норме мастера спорта по плаванию, тонул, оставив все силы в ласковой воде бассейна...

Плавание, снимающее напряжение, когда за плечами три вида, требующие нервной перегрузки, — удовольствие.

Плавание, расслабляющее донельзя, когда впереди последний вид, требующий всех сил, — испытание.

ТРЕНИРОВКА В ЛЕСУ
ПОЛЕЗНА И ПРИЯТНА.

Один укол! Не два, не три, не пять. Ни спорных, ни добавочных, ни утешительных. Только один укол. На глазах у всех. Подтвержденный трелью электроразвонка. Один укол...

Лишь в фехтовальном зале пятиборцы становятся друг против друга. И кончики шпаг, словно щупальца живых радаров, настороженно ищут точки соприкосновения.

И в каждом бою торжествует один принцип: я выиграл, он проиграл. Нет, не один, с оговоркой: если оба пассивны — обоим поражение.

Вглядываясь в защитную клеточку маски, за ней настороженные глаза соперника. О чем он думает? Куда метит? Неумолимо просчитывая варианты, разрушай его оборону, строй свою атаку.

Три минуты на все.

Бой с первым. Ничего не ясно. И еще будет двадцать, тридцать, пятьдесят встреч. И каждому предназначен только один укол. Нет, не каждому, и тебе тоже. Думай. Строй. Разрушай.

А бои продолжают. И чем сильнее соперник, тем интереснее ход его мысли и замыслы белой перчатки.

Иногда фехтовальный турнир тянется по десять часов. И каждый раз надо

фиксаторы, вымалывал победу.

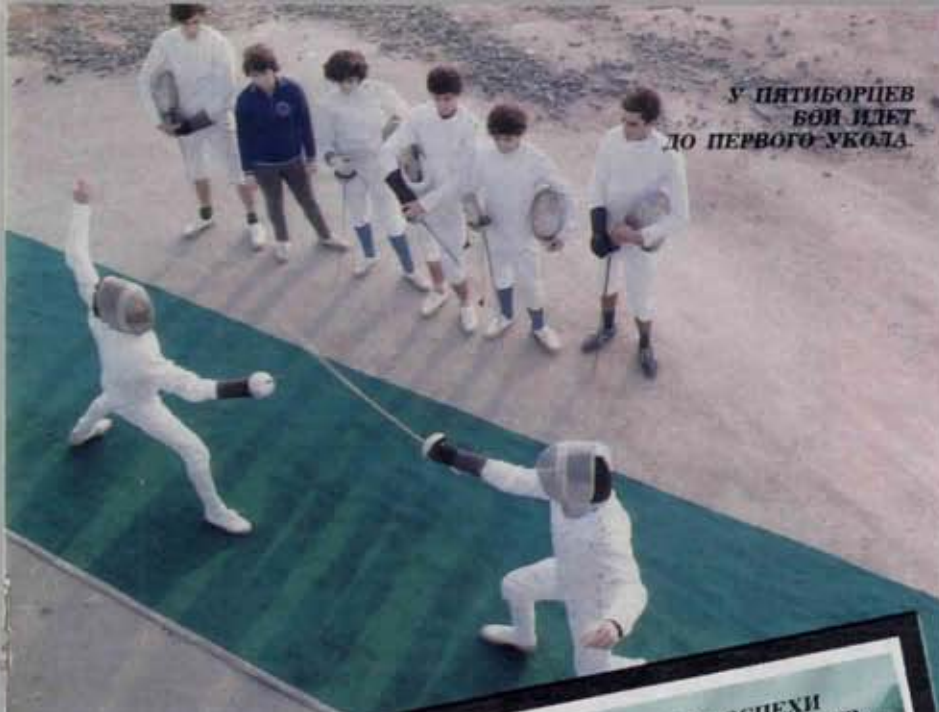
Каждый бой — это разряженная страсть. И нельзя расплескаться в раздражении, растеряться в разговорах. Нет! И десять, и двадцать, и тридцать раз надо снова уйти в себя. Нет, не принимай сочувствий, не спрашивай советов. Сам вдумчиво и решительно иди к своей победе.

А кто из нас не мечтал пострелять из пистолета? На, бери, стреляй!

Стоп! Да-да, не удивляйся. До патронов тебе еще далеко. А ну, вытяни руку. Погляди, как она трясется. Значит, еще рано. Научись медленно поднимать руку. Затаи дыхание. Когда нажмешь курок, выстрел подбросит твою руку. Что, устал? Не трогай патроны. Но и это стрельба!

Четыре серии по пять выстрелов. Сейчас мишень выбросит навстречу свой облик, хихикнет и станет боком. И полетели пули в пустоту, не оставляя следа. А если случится это на соревновании — минус десять очков. Еще мимо — минус двадцать. Еще мимо... После трех промахов ищи свое место в числе последних. Даже если ты семнадцать раз попадешь в «десятку», у тебя только 170 очков. Так стреляют новички.

**У ПЯТИБОРЦЕВ
БОЙ ИДЕТ
ДО ПЕРВОГО УКОЛА.**

Плавание — единственный вид, где пятиборец борется рядом с соперником. Он может видеть, как отстает, и, торопясь, может натворить ошибок. Или в мгновение, когда над бурлящим потоком воды возникает впадина рта, хватающая воздух, в тот единственный миг увидеть руку соперника и сказать самому себе: пора!

Мягкая прохладная вода бассейна размягчивает волю и расслабляет уверенность. Впереди кросс на четыре километра, а вода отбирает желание сопротивляться.

Как сопоставить последние два вида: лед и пламень? Ведь завтра надо бежать, отдавая все силы.

Бег! Пятый вид. И сумма четырех предыдущих уже не может ничего изменить. Неправда! Пятиборец должен пробежать так, чтобы изменить многое, потому что бег кует характер.

Длинная трасса, сложенная из спусков и подъемов. Нет, спуски никто не помнит. Подъемы! Где-то впереди по трассе, стартуя на пять минут раньше, к финишу приближается твой соперник. Но у тебя есть еще пять минут, и ты

обязан совершить невозможное. Всего лишь триста секунд. Но цена каждой — победные очки, если ты выиграешь... у самого себя.

А тренер кричит тебе издалека: «По нулям!» Это значит, что за восемь предыдущих минут ты не отыграл ничего. И за те триста секунд, что остались перед последними подъемами, тебе надо отыграть все, что упущено в четырех видах.

В пятиборье не должно быть любимых видов, пятиборье — это неустанная шлифовка пяти граней. А может, шести? Еще и шлифовка характера.

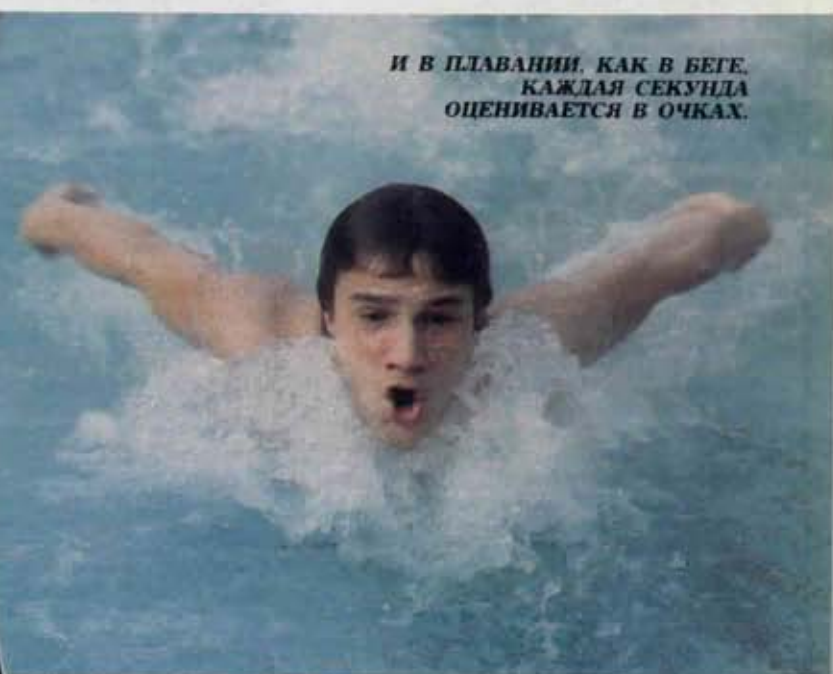
Сейчас пятиборье испытывает период реформ. Изменяется расстановка видов, вводится командный зачет. Это хорошо, только от перестановки слагаемых сумма не меняется. Объединение пяти современных видов спорта в одно целое — прекрасная возможность проверить себя. Где и в какой школе ты постигнешь столько истин?

Но кого же избрать образцом для подражания? Наше пятиборье знает много славных имен. Игорь Новиков, Константин Сальников, Иван Дерюгин, Николай Татаринов, Александр Тарасов, Эдуард Сдобников...

**СПОРТИВНЫЕ ДОСПЕХИ
«РЫЦАРЕЙ ПЯТИ КАЧЕСТВ».**

**И В ПЛАВАНИИ, КАК В БЕГЕ,
КАЖДАЯ СЕКУНДА
ОЦЕНИВАЕТСЯ В ОЧКАХ.**

Но для меня первым — и навсегда — остается Павел Леднев. Он прожил трудную спортивную жизнь, ни разу не став чемпионом Спартакиады народов СССР и чемпионом Олимпийских игр. А все остальные титулы не могут заменить права считаться сильнейшим в мире и в стране в тех соревнованиях, которые проводятся раз в четыре года и являются самыми почетными.

И все равно для меня Леднев остается первым.

Это он, имея репутацию пятиборца, который привозит нулевые оценки, переехал жить на конюшню, чтобы разгадать загадку коня.

Это он достиг в фехтовании высочайшего уровня и был приглашен в сборную страны по шпаге.

Это он выполнял тысячи щелчков, стоя перед мишенью, установленной в своей комнате.

Это он тонул после финиша дистанции триста метров.

Это он мог пробежать так, чтобы передвинуться на десяток мест выше.

Мы встретились ровно двадцать лет назад. Он в качестве студента, я — преподавателя института и тренера по бегу. Это у него я научился начинать рабочий день в пять утра и заканчивать поздно вечером. Двадцать лет назад он приходил в бассейн за час до открытия и уходил со стадиона затемно.

...Если сегодня к тебе, пятиборцу, подойдет старший тренер сборной молодежной команды страны Павел Серафимович Леднев, значит, ты из тех людей, кто современное качество — трудолюбие считает главным в жизни.

**«СИЛУЭТ» ПОВЕРНЕТСЯ
НА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД,
А НАДО ПОПАСТЬ
В «ДЕСЯТКУ».**

**ЛОШАДЬ ДОСТАЕТСЯ
ПЯТИБОРЦУ ПО ЖРЕБИЮ,
А ВЕДЬ У КАЖДОЙ
СВОЙ ХАРАКТЕР.**

КОРНИ

Глеб ГОРБОВСКИЙ

ПОЭМА

1

Тропа. Развилка. Камень древний.
Печаль высокая сосны...
Мы все отсюда—из деревни,
из тишины, из глубины.
Мы все отсюда,
как хвоинки,
что ветром в поле унесло...
Из глубины—не из глубинки—
возникло наше ремесло:
любить Отчизну,
молча верить
в святую жизнь... Добрый труд.
Мы все отсюда,
только ветры
нас подхватили—и метут!

2

Навстречу—пыльная старуха.
В глазах,
как в книге,—свет веков.
Бежит, двужильная, упруго,
как ручеек вдоль берегов.
— Дозволь,—кричу ей,—молвить слово!
Скажи мне: этой вот тропой
не попаду ли я в Горбово?
Ответила:—Господь с тобой...
Остановилась и, от ветру
глаза прикрыв, бормочет мне:
— Такой деревни... больше нету.
Ее спалили на войне.
— А где хоть это пепелище?
Туда ли, бабушка, иду?
— Дак ведь туда... Что люди ищут?!
Добро б грибы, а то—беду...
И смотрит хитренько сквозь воздух
назад—в преодоленный путь.
— Ступай, сынок... Всегда не поздно
добром могилы помянуть.
Старуха скрылась.
Дымом горьким
во мне качнулась память—мгла...
И там, где скрылась—
над пригорком,—
вдруг колоколенка взошла.
Спешит, морщинистая, к небу,
крестом щекает облака.
Прощай, старуха; вот и мне бы
твое терпенье на века.

3

Бежит тропа, пластает пашню,
рубцом проходит по бугру.
А на бугре—зеленой башней—
сосна не дрогнет на ветру!
Ствол—как гранитная колонна,
а ветви в синь небес ушли.
Но корни... Корни оскорбленно
торчат наружу из земли.
Дожди подгрызли это диво
иль изнемогшие снега?
Не скажут корни...
В их извилах
журчит смертельная тоска.
Казалось, топни о суглинок
ногой—и рухнет красота...
Но что-то держит. Корень, клином
ушедший вглубь, или мечта?
Но что-то держит!
Никудышный,
ничтожный веры волосок,
перекуси который мышка,
и ляжет ствол наискосок?
Но что-то держит...

Жизни правда
или еще какая мощь?..
...Неужто рухнет эта радость?
А может, можно ей помочь?
И вот стыдливо, воровато
вонзая пальцы в желтизну,
ладонью ржавой, как лопатой,
швырнул я глины под сосну.
Вдруг позади меня—от пашни,—
зверь наших дней, взревел мотор!
И кто-то весело: «Папаша!
Садись, подброшу за бугор!»
Парнишка... Светлый, как рожденье,
порхнул из трактора ко мне.
— Да-а,—кашлянул.—

Хана растенью.

И щелкнул ногтем по сосне.
— А ты бы, пахарь, ей землицы
сюда подкинул—кузовок!
Стоим, рассматриваем лица
друг друга... Вот уже зевок
на паренке зацвел, фальшивый:
— А кто заплатит? Может, бог?
И каблукком, как в бочку, в шину!
И вскользь посматривает вбок...
Достал я красную десятку,
сую с размаху, от души!
— Бери, сынок... Билет в порядке.
Бери, сынок. Держи... Держи!
Мальчонка вздрогнул.
Синим гневом
глаза набрякли... Ликом бел.
...Он устоял. Как это древо.
Не взял. Не принял. Уцелел!
Рывком—в кабину. Рывком дерзким
потряс унылые края!
...Нет, что-то держит,
держит, держит
ствол нерушимый Бытия!

4

Тропа. Развилка. Камень древний.
Печаль высокая сосны.
Бугор. А за бугром—деревня,
оглохшая от... тишины.
Трава на улице ржавеет.
На лавке жаба спит. В садах
от диких яблок стужей веет,
плоды погасли на ветвях.
Изда. Пуста. На окнах доски.
Чертополох и тишина.
И вдруг какой-то сжатый, плоский,
скрипящий голос: «Со-то-на!
Куды тебя?! Червяк компостный?!»
Смотрю: впритык к другой избе—
телега дров и дед... «невзрослый»
лошадку гладит по губе.
Не бьет, но—гладит. Пальцем. Нежно.
Костит беззлобно, как поет.
А старый конь по кличке Леший
храпит, копытом землю бьет.
— Привет!—кричу им.—Эй, папаша,
водички дашь? Не откажи...
...Так мне явился Миколаша—
душа живая в той глуши.
Потом пришла собака. Молча
нюхнула в ногу. Прочь ушла.
Потом петух что было мочи
пропел! И в воздух жизнь вошла.
— А я-то,—дед скрипит,—а я-то,
рехнулся, думаю, Лешак!
А он, гляди-ко, это ж надо!
Людей учуял... натошшак.
Нагнись-ко, демон, разнуздаю,—
грызи! С травой у нас прогресс!
Так вам... Горбово? Как же, знаю...

Туда...—махнул рукой на лес,—
туда, за Лютые болота...
Мы завтра с Лешиком туда
по дровы... Ежели охота—
свезу. Грибные, страсть, места!
Но—грустные... Ведь там—могилы.
Дружков. Побитых партизан.
Там, под Горбовом, слышь-ко, милый,
был я зарытый в землю сам!
Да, да... Не смейся. В этих землях
я—самый что ни есть земной,
земельный... Вот и наши семьи
все там, в суглинке, до одной!

5

...Здесь печь, остывшая, как вера,
здесь пол надгробьем—
в щелях мох,
здесь стол пустынный, как поляна,
здесь скоро все пойдет на слом.
Здесь одиноко, окаянно
сидим мы с дедом за столом.
Стакашек брякнет о стакашек,
душистый хрустнет огурец...
— Скажи, скажи мне, Миколаша:
деревне, стало быть, конец?
— Деревне?!—
Дед затрясся гневно.—
Деревня—хлеб! Она—живот!
Да затолкай хоть в гроб деревню—
она и в гробе оживет!
Наружу выпрет правды вроде,
под небо колосом взойдет.
Деревня старая уходит,
деревня новая грядет!
Вон трактора по-над рекою,
как танки шпартят—пыль дугой!
Деревня старая—с клюкою,
деревня новая—с мозгой!
Все раскорчуют! Мать честная...
Все наизнанку—до корней!
Деревня будет! Но иная:
какая городу нужней.
Ты не гляди, что здесь притихло:
придут, разбудят аппетит...
Земля отдышится от лиха,
и ласку примет, и родит!
...Легли. Но перед сном-покоем
я запустил вопрос во тьму:
— А там, в поселке за рекою,
вы не живете почему?
Дед заворочался на лавке,
шурша коробкой сигарет
(прощай, кисет!).

— А я в отставке.

Мне, парень, скоро двести лет.
И так покряхтывает мило,
как будто в членах—смех!
— не боль.
— К тому же, парень, здесь могилы...
Не отпускают. Вот в чем соль.

6

Заутро в путь. Охапку сена
под бок. Колеса на мази!
О дар неожиданный, дар бесценный—
езда в телеге по Руси!
Пусть колея неразличима,
во мхах истаяла... Но вот
ликует сердце! Есть причина:
дорога к пращурам ведет...
Не просто край, но край быллинный!
Пусть в городах возникли мы,
но манят отчие долины,
священной памяти холмы.
...Дед, прикурив от закигалки,

дымок отбросил за плечо.
— В таку-то даль и... ног не жалко!
И сплюнул наземь горячо.
Кнут разматал, махнул со свистом!
Ввысь извернулся—чего хочу я?
— Людей нема! Одне туристы...
А кто пахать? А сеять кто?!
Пошто в Горбово? К бесу в гости?
Там нет домов—ни одного...
— Там, Миколаша, на погосте
мой дед и все, кто до него...
— Как объяснить—чего хочу я?
Нет, не страхнуть с души вину,—
хочу понять, хочу учуять,
чем люди жили в старину?
...Отмяк дедок. Добра примета:
улыбка скачет по губе.
— А жили как? И так и этак...
По совести и по себе.
Но чаще все же по закону:
не оммани, не укукошь, но возлюби!
Да чтоб без звону...
Чужого, стало быть, не трожь.
Но всех святых святей работа!
Ядреней бани, слаще сна...
Чем солоней рубаха по́том,
тем шире радость! И... спина.
Чем жили? Житом...
(Не соврать бы,
с тех пор немало утекло...)
А как, чудак, играли свадьбы!
Гуляли как...
— А как?
— Светло!

Не стану врать: случались драки.
Соревновались, кто ловчей.
Но на свету, а не во мраке,
не уводя во тьму очей.
Чем жили? Вешней красотою:
рекою, травкой луговой,
небесным громом, и звездой,
и лесом... Лес, ведь он живой!
Любое дерево—фигура.
Посмотришь: памятник стоит!
Пусть нету в нем костей под шкурой,
но в нем—душа... Душа шумит!
Остановились.
Лес обряжен,
раскрашен сонным сентябрем.
Тут я и выдал Миколаше
про ту сосну—над тем бугром.
Дед заюлил. Сверчка проворней
с телеги слез и—юрк!—за куст.
— Так, говоришь, подмыло корни?
Кабы подмыло... Есть тут хлюст,
шустряк один... Медвежьи лапы!
Там, под сосной, песок, как снег,
светлей воды... Вот он и хлянул
оттуда, глупый человек.

7

Поляна круглая. Как дырка,
заросшая в плече земли.
Трава, линияя от стирки,
в дождях и росах... Журавли
танцуют в воздухе болотном,
готовят к рейду молодняк,
Ручей, изгибами измотан,
петляет в травах кое-как.
И вдруг—подобно вспышке слова!—
надгробье! Каменный зубец.
И рошица цветов... Садовых.
Живых. Обряженных в багрец.
...И сразу наземь Миколаша.
Коня пустил гулять в траву.
А сам—к могиле... «Это... наши».
И на колени. «Здесь, во рву—
моя Анюта чернобровая...
Здесь Коля-друг, лиха душа!
Здесь кум Евлампий из Горбова.
Здесь—я, зарытый...»
Дед, дрожа всем костяком,
бородкой сникнув,
полол траву. В руках трясца.
И вспышки слез, едва возникнув,
старели в трещинах лица.
— Скажите... Может, я некстати,
но тот Евлампий—не родня,
не брат ли Проклу?
— Знамо, братья!
Тут Миколаша на меня
воззрился, шепот с губ роняя:
— Ты, что же, друг, выходит—свой?
Земелька-а,—всхлипнул
дед,—родна-ая!
Мы все из тьмы твоей живой,

мы все оттуда! —
и в могилу
корявым пальцем, как гвоздем!
...Затем: — Прости, земляк. Затмило...
Давай помянем их путем.
Оно, без жидкого негоже,
так я хоть той слезы глотну...
А на Евлашку ты похожий:
такой же прыткий был... в длину.
Когда стреляли, он за спину
меня пихнул к себе, чудак...
Ведь я росточком с половиной
Евлашки был... И ныне так:
что карла...
Помнится, отчаясь,
кричали мы, убийц кляня,
и пуля сквозь него вначале
прошла и стукнула меня
уже нешибко... После дерном
прикрыли нашу смерть во рву.
А ночью я оттуда дернул!
Червем наружу... И — живую.

8

Потом в дурмане трав и пота
земли, созревшей в летний зной,
пошли огромные болота...
Мы их минули стороной.
Дорога,
ткнувшись в воздух горклый
дугою выгнулась! А там —
взошли холмы, горбы, пригорки.
Зайчишка прыснул по кустам.
Лес, как бы бегать заленившись,
с горушек сполз, отхлынул лес.
И сразу радостью давнишней
повеяло от этих мест...
Здесь все для глаз как будто ново.
и все как будто детства сон...
— Ну, брат, крестись: твое Горбово!
Возвеселиться есть резон.
Ужо отметим:
там, в низине,
водица в озере на ять!
Там тех трещоток на бензине

покуда вовсе не слышать.
...И вот с холма, легенды краше,
открылись
за туманной мглой
два озера, две светлых чаши,
в восторге сдвинутых землей!
(За что сей тост? За жизни пламя?
За праздник мысли? Резвость рук?)
Там, там, за этими холмами
возник мой род: раздался круг
на волнах жизни! Предков древо
зовет под благодатну сень...
...Но где же все-таки деревня?
И древо где? Хотя бы пень?
Стою сироткою казанской...
А Миколаша гнет свое:
— Была деревня партизанской,
вот и похерили ее.
Отсюда четверо в отряде.
Харчились летом и зимой.
Я сам сюда не Христа ради
ходил просить, но — как домой.
Потом нагрянули... Согнали.
Потом облили, подожгли.
Собак — и тех перестреляли,
а кошки сами в лес ушли...
Фашист — он кто? Бандит. Калека:
в нем сердца нет... А чья вина?
Забыли люди... Человека!
Как будто грош ему цена.
Старик умолк. Туман, как саван,
как дым из кратеров озер, —
печалью и знобящей славой
весь обволакивал простор...

9

Там, где озера ликом плоским
почти сошлись — щека к щеке, —
земли курчавилась полоска,
а в ней ручей, как кровь в руке.
Когда-то здесь умелец пришлый
построил мельницу... Вода
одной из чаш была чуть выше
другой... Механика проста:
вода давила на лопатки

маховика. А жернова зерно
в пушистую крупчатку
перетирали, как слова,
перетираясь в недрах мозга,
дают духовный хлеб умам.
...Сейчас в одну жердину мостик —
от всех трудов осталось там.
Туман, а сквозь туман дремотный
пахнуло дымом! И огни
костров туман проели плотный.
Вдруг Миколаша: — Из-ви-ни-и!
Чичас мы их пугнем маненько:
я, ежли надо, рыбадзор!
Беру не штрафом

(что им деньги!) —
стыдом-позором — за разор!
...Оставив Лешего в овраге,
где трава поздняя на дне,
готовые к словесной драке,
мы вышли к людям. На спине
у Миколаши — ствол берданки,
в стволе... паук завел гнездо.
...Костер. На жердочках портянки
пускают пар. В кустах — авто:
чумазый «козлик» — морда в тине.
И три субъекта у костра,
как у Перова на картине:
в очках — огонь, в речах — игра!
Увы, совсем не браконьеры:
начальство здешнее... И речь
у них совсем не о размерах язя,
но как мечту сбереж
от порчи? Как голодной почве
здоровье сытое вдохнуть?
Все трое молодые и прочны.
И мастера словечки гнуть.
Узнали мигом Миколашу —
его берданку, взгляды-иглу.
А старший приподнялся даже:
— Здорово, дед... Прошу к столу.
Не надоело жить в сторонке?
— А што? Или — фатеру дашь?
— Дадим...
— А мерина с Буренкой —
как я заброшу на этаж?!
— Смеетесь...

А в глазах волнушки!

Нельзя в отрыве, одному...
Деревня старая — в избушке,
деревня новая — в дому!
Сегодня — как? Лопату в руки,
но по науке! Чтоб расчет!
А дед: — Не токмо по науке,
но — и по совести еще...
Понятно: хлеб, земля, скотина.
Но эфта песня — для телес.
А для души? Ведь — не единым.
Поддай для сердца интерес!
Что «по науке» — с эфтим ясно.
Не с петухами жить встают!
А с телеком...
Одне соблазны.
А что в кине? Поют да пьют!
— Тут вы, отец, перехватили, —
сказал сидевший фляжки близ —
А в старину-то что — не пили?
Иль топорами не секлись?
— Да я не против...
Пей хоть ливнем!
Нет, я не против новизны...
Но бережливей... Бережливей!
Чтоб не порвать живой струны,
что нашим делом хороводит,
что в нашей музыке — гудет!
Деревня старая уходит,
согласен! Новая грядет...
Тут Миколаша дунул в чарку,
довольный тем, что речь толкнул,
что не напрасно, не насмарку
жил на земле,
что не уснул
на полдороге...
— Дайте слово!
Ну, — обратился дед ко мне, —
за мертвых! За твое Горбово,
за все, что сгнуло в огне,
но не задря, а чтоб дорогу
светлить!
Чтоб правнукам видней,
куда в горячке ставить ногу!
...И — за живых живым — больней...

10

Потом поднялись на пригорок,
где, трепеща, деревья горсть
торчала из земли и ворон

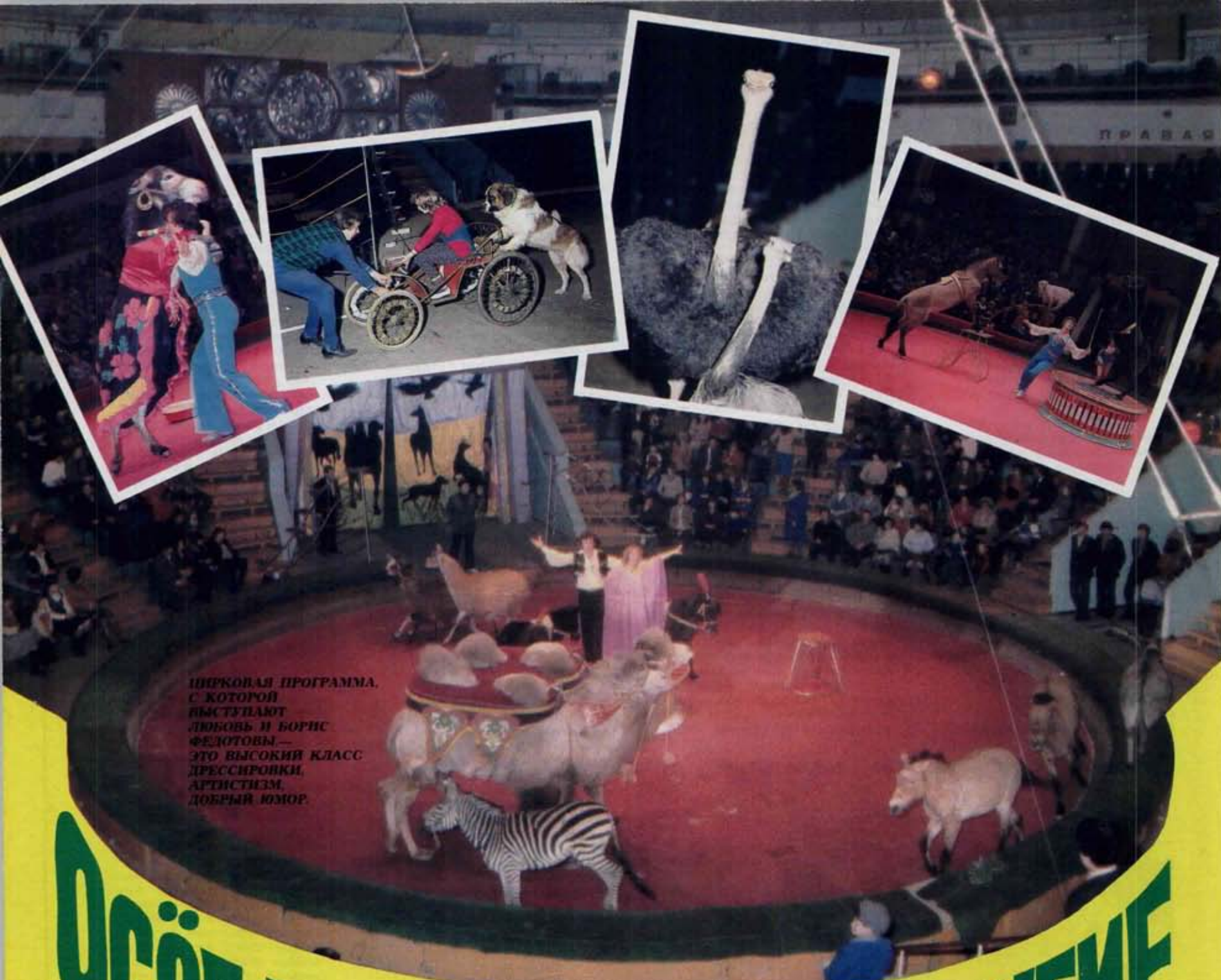
обозначал, что здесь погост,
кладбище сельское...
Деревни
давно уж нет, но скорбный сад
шумит над чьей-то плотью брэнной,
как век, как пять веков назад.
Стою, сомлев, в листе багряной,
как на костре, в толпе могил.
А под травкою, где-то рядом,
спят те, кто нас — до нас — любил.
Забыв себя, поклон глубокий
кладу... И — шляпа с головы!
И ощущаю вдруг, как ноги
уходят вглубь — под слой листы.
И корни, корни — мне навстречу!
Как руки — ввысь! — из глубины.
И где-то далеко-далече,
пронзая вековые сны, —
знакомый голос: «Эй, милаша!
Застудишь, говорю, сустав,
восстань с колен!» То Миколаша
зовет меня, ходить устав.
— Пора! — кричит. — Заходит туча:
измокнем! Да и дню конец.
Здесь хорошо, а дома лутше.
К тому же надобно дровец
сломить, охапку... сухоостою...
...Так завершился мой вояж
туда, где жизни за чертою
остался дух и корень наш,
где мог и я, случись иначе,
босой — по лужам луговым —
петлять! Пятнать любовь-удачу
в платочке ситцевом... Но дым
судьбы,
застлав зари сиянье,
меня увлек в иной удел,
в иные ввергнул расстоянья,
чтоб я в них правду разглядел!

11

Тропа. Развилка. Камень древний.
Печаль высокая сосны.
Мы все отсюда — из деревни,
из тишины, из глубины.
Мы все отсюда, как хвоинки,
что ветром в поле унесло...
Но память... Память — не поминки —
светлит поэту ремесло!
Она его надежд основа,
его ветвей с корнями связь,
тот ствол и то святое слово,
что я несу, не убоюсь
могил и времени...
Над пашней,
там, за рекой, клубится пыль...
— Зем-ля-я... — вздыхает Миколаша. —
А было что? Бурьян-ковиль.
Теперь землянка отдохнула...
Пора стянуть с нее тулуп!
...А трактора с ядреным гулом
скребют земле замшелый круп,
сдирают струпы, тешат жилы,
ярят слои — до глины вплоть.
И золотом лучей расшита
ее тоскующая плоть!
Блестят ножи, пластают пашню,
стекают плавно по бугру.
А на бугре — зеленой башней —
сосна не дрогнет на ветру!
Ствол, как гранитная колонна,
и парашютом небосклон
в ветвях запутался... И словно
я слышу сердцем дивный звон:
Россию слышу... Животворный
дух от земли, как свет зари.
— Смотри! — кричу я деду. — Корни!
Да не снаружи, а — внутри!
Перекрестился Миколаша
и пальцем крутит у виска:
— Ты што, сдурел?! Кольнуло ажно...
Эк, разобрало мужика.
Добро бы — мина! Окаянный...
Каки-то корни... Ну, шальной.
— Так ведь засыпал кто-то яму!
Песочек свежий под сосной!

...Потом о ствол шероховатый —
щечкой! В нагретую кору.
Потом, притихший, виноватый,
несу, как свечку на ветру,
восторг!
И выпрямилась стержнем
моя надежда, боль моя...
Нет, что-то держит, держит, держит
ствол нерушимый Бытия!

ШИРКОВАЯ ПРОГРАММА, С КОТОРОЙ ВЫСТУПАЮТ ЛЮБОВЬ И БОРИС ФЕДОТОВЫ — ЭТО ВЫСОКИЙ КЛАСС ДРЕССИРОВКИ, АРТИСТИЗМ, ДОБРЫЙ ЮМОР.

ОСЕЛ ИВАН СТЕПАНЬЧ И ДРУГИЕ

Михаил СЛУЦКИЙ

Фото
Анатолия ИОЛИСА

У пони по кличке Ветерок характер общительный. Да и артист он способный, схватывает все на лету. Однажды Ветерок захромал. Ни выступить, ни репетировать не мог. Ветеринар пробовал ставить и компрессы и примочки — ничего не помогало. Но как-то раз, очутившись на манеже в одиночестве, Ветерок как ни в чем не бывало поскакал во всю прыть и очень смутился, когда внезапно появился дрессировщик. Оказывается, хитрец симулировал хромоту, усвоив, что так жить будет легче. Правда, потом, будто осознав свой проступок, он работал на манеже особенно усердно...

Или вот такой пример. На гастрольях в Кемеровском цирке в момент выступления воздушных гимнастов случилось ЧП — свет за кулисами вдруг стал попеременно гаснуть и зажигаться. Прибежал разгневанный инспектор манежа: кто безобразничает?! Виновного сразу

не нашли и только потом заметили, что рядом с рубильником мирно расположился осел по кличке Иван Степаньч. Он-то и устроил иллюминацию. Когда об этом сообщили инспектору, он не поверил, с возмущением заявил, что работает в цирке четверть века и разыгрывать себя не позволит: осел не может быть электриком. Но, убедившись воочию, был настолько поражен, что каждый день вплоть до окончания гастрольей московских артистов приносил ослу морковку и обращался к нему «по имени-отчеству».

Борис Федотов может часами рассказывать о своих подопечных. О том, например, как страус Квил показывал фокусы. Или как черный дог Блэк следил за порядком. Или как лама Бяша снималась в кино...

История хранит немало имен замечательных мастеров дрессуры, этого древ-

нейшего циркового жанра. Но есть в работе с животными и непроторенные дорожки. Именно таким путем и решили пойти Любовь и Борис Федотовы. Правда, иные профессионалы поначалу настороженно относились к их экспериментам. Еще бы — выходить на арену с животными, которые испокон веков считались явено или вовсе не поддающимися дрессировке. Зебра? Она же близко к себе не подпустит — дикарка. Ламы? Пугливее их трудно найти, да и памяти никакой. Лошади Пржевальского? Ну, об этих и говорить нечего.

Однако скептики ошиблись. Сегодня Федотовы одни из ведущих мастеров дрессуры. Описания их трюков вошли в учебники по цирковому искусству, об их питомцах сняты фильмы, а специалисты знаменитого заповедника Аскания-Нова, откуда получено большинство животных, считают, что опыт этих дресси-

ровщиков имеет немалое научное значение.

Цирк интересен новизной. Поэтому Федотовым и не хотелось повторять найденное другими. Взять хотя бы африканских страусов. Они и раньше выводились на цирковые арены, но проехать по замкнутому кругу на страусе верхом, кажется, не удавалось в цирке никому. Впервые это сделала Любовь Федотова.

Не так давно в группе, которую дрессируют Борис и Любовь, появились два австралийских кенгуру. Раньше взрослых нашла общий язык с новиками дочь Федотовых Лена. Несмотря на свои 13 лет, она уже имеет опыт выступления на манеже. В детском цирковом представлении «Путешествие на сказколете» она сыграла одну из главных ролей. Девочка очень любит животных, причем некоторые из них — верблюд Гирей, зебра Грантик, обезьяна Чик — слушаются ее, как считает сама Лена, даже лучше, чем папу и маму.

ИЗ КОСТЮМЕРНОЙ

Лета

Молодежная мода

Егор ЗАЙЦЕВ,
художник-модельер.

Эскизы автора.

Фото
Сергея ВЕТРОВА

Мода переменчива, но обязательно ли в погоне за ней полностью обновлять свой гардероб, приобретая все новые и новые платья? Может, прежде попытаться свежим взглядом окинуть себя и свою одежду? Ведь только со вкусом подобранные вещи — пусть их у вас немного — смотрятся гармонично. Цвет, объемы, пропорции, материалы, дополнения — эти составляющие моды нельзя не учитывать при выборе костюма.

Начнем с цветовой гаммы. Для дневных нарядных платьев и вечерних ансамблей рекомендуется сочетание черного и белого цветов. Очень популярен в этом году красный цвет (куртки, демисезонные и зимние пальто). Популярна и серебристо-серая гамма (классические мужские и женские костюмы, плащи, пальто, деловые платья). По-новому прозвучит серый цвет, точнее, его пепельные оттенки, и в так понравившихся многим стеганых зимних вещах.

Объемы молодежной одежды остаются увеличенными: широкие плечи, глубокие проймы, свободные брюки различных форм. Основная нагрузка в костюме падает на плечевой пояс, подчеркивая его развернутость.

Что касается материалов, то почти все, что есть у вас под рукой, может пойти в употребление, кроме, пожалуй, тканей с набивным рисунком — слишком много говорящие сами по себе, в сегодняшнем геометризованном крое они выглядят неуместными.

Если женщины продолжают многолетнюю осаду мужского гардероба (в этом году они шьют платья из мужских костюмных тканей), то мужчины решили наконец использовать для сорочек и летних бесподкладочных костюмов женскую плательную ткань.

Теперь более конкретно о женском гардеробе.

Начнем с повседневной деловой одежды. Молодая женщина может «решить» свой деловой облик творческим варьированием минимальных

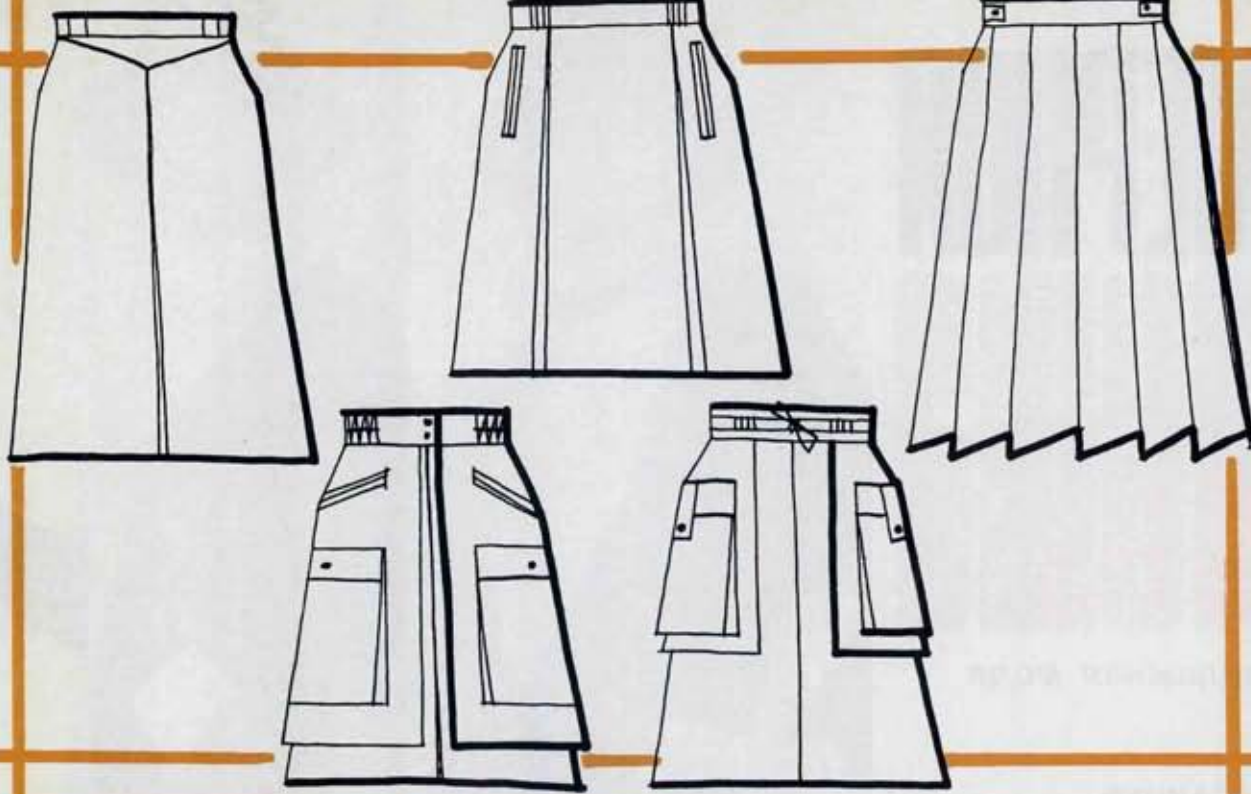
средств: платья, костюма, нескольких блузок или мужских сорочек. Даже единственное платье вы можете обыграть по-разному. Возьмем простейшее: прямого силуэта, свободное, с четкой линией плеча. Используем для него мужскую костюмную ткань — облегченную фланель или кастор. Необходимые детали платья — белые съёмные воротнички и манжеты. Нелишне иметь под рукой 3—4 шелковых шарфа-банта, в тон платью и контрастные. Контрастные более уместны для торжественных случаев, например, к серому платью пойдет красный, синий или зеленый бант. В качестве дополнения используйте мужскую шляпу с прямыми полями. На шею можно надеть нитку искусственного жемчуга или другие украшения, на руки — тонкие перчатки.

При желании у платья можно рас-

ширить линию плеч, укрепив их подплечиками, а талию перехватить ремешком — он может быть как узким, так и широким, с декоративной пряжкой. Такой приталенный силуэт дает возможность ввести в ансамбль широкополую шляпу. Важная деталь современного костюма — цветные чулки.

Еще большие возможности для творчества таит в себе классический костюм — жакет и юбка. Наденьте к нему шелковую блузку со сложным воротником, прикрепите на плечо букетик искусственных цветов — и вы современная деловая женщина. Мужская сорочка с воротником-стойкой и короткая стрижка придадут вашему облику черты авангардного стиля.

Об одежде для отдыха. Создать нарядный костюм вам помогут новые плащевые ткани пастельных тонов. Легкие, малосминаемые, на хлопчато-

Уважаемая редакция!
Порадовалась новой рубрике журнала. Она очень нужна, ведь не у всех молодых верное представление о моде. Многие мои ровесницы умеют шить сами. Может быть, новая рубрика ответит на интересующие нас вопросы: как сделать выкройку, как выбрать материал на платье? По-больше нужно печатать рисунков с моделями одежды.

Лариса МАТВЕЕВА, Тамбов

В редакционной почте «Смены» немало подобных писем. Выполняя пожелания читателей, публикуем эскизы, на которых представлены варианты молодежных юбок и брюк. Как видите, формы юбок разнообразны: от простых прямых до сложных двойных со множеством карманов и креплений. Что касается брюк, то даже на основе одной выкройки, варьируя детали, можно разработать совершенно отличные друг от друга модели (кстати, это не так уж и сложно, как кажется на первый взгляд). Так что вовсе не обязательно гнаться за количеством выкроек и лекал. Сегодняшняя мода требует творчества.

бумажной основе с химическими пропитками, они могут быть использованы для юбок, брюк, взаимозаменяемых комплектов, летних плащей и головных уборов.

Юбки разнообразны. Прямые и расклешенные, со складками и карманами различных вариантов юбки вполне сочетаются с цветными майками или мужскими сорочками (обязательно на размер-два больше привычного).

Еще более разнообразны модели молодежных брюк. Вчитайтесь в одни названия: бермуды, бананы, морковки, бриджи, галифе, шорты... Эти формы существуют не первый год, а некоторые вообще впервые появились в далекой истории, но сегодня они оживают, приобретая новые особенности. Нагруженность деталями: множество карманов, «молний», пуговиц и креплений — это дань времени, отклик на современный стиль. С приходом мини-юбок и брюк типа бермуд гардероб пополняется красочными гольфами и гетрами.

Все более популярными становятся однотонные бесподкладочные комплекты из плащевых, хлопчатобумажных и льняных тканей. В куртках могут использоваться накладные отлетные кокетки, втачанные в горлови-

ну, плечевые швы или линию реглана; жилеты, пристегивающиеся на кнопки; настрочные и втачанные в рельефы отвороты, имитирующие лацканы, как на полочке, так и на спинке. Прямые туники до колена с высокими боковыми разрезами и объемными накладными карманами можно носить с юбкой или брюками.

Если у вас есть остатки ярких хлопчатобумажных тканей, разноцветная тесьма, то вы можете «собрать» небольшой сарафан или юбку — нечто воздушное и жизнерадостное. В нынешнем сезоне возрождаются крепдешины в горох. Из таких тканей шьется прямое или полуприлегающее платье, костюм-юбка и бесподкладочный жакет с прямыми плечами. Крепдешин при всей лаконичности рисунка очень выразителен. Кстати, и в крепдешинных ансамблях желательны белые маленькие воротнички, цветные банты, бижутерия.

И последнее. Не забывайте, что секрет красоты и элегантности не в шумном манипулировании множеством ярких элементов туалета, а во вдумчивом подходе к вещам, основанном на вкусе, фантазии и знании современных тенденций развития искусства костюма.

Заслуженный успех. От него не наступит головокружение и не придет успокоение. Он выстрадан, и завоеван, и нужен, как дополнительное горячее для движения вперед, как оружие для осуществления творческих замыслов. И потому самое время ему быть, когда еще много сил, когда дорога жизни еще уходит вдаль...

Молодая, энергичная, сильная и эмоциональная. Такова Маргарита Шапошникова в момент широкого признания ее как исполнительницы классической и современной музыки на саксофоне.

Сверкает и струится в руках золотистый саксофон. Этот инструмент — одна из последних наград, полученных Маргаритой Шапошниковой. Это свое лучшее создание знаменитая французская фирма «Сельмер» вручила Маргарите Шапошниковой в знак признания ее мастерства и заслуг в развитии игры на этом инструменте. Он был преподнесен саксофонистке перед поездкой на международный конгресс саксофонистов в Нюрнберге. Каждые два года собираются композиторы, исполнители, критики из многих стран мира, чтобы обсудить различные вопросы развития саксофонной музыки и исполнительского мастерства. Каждый день работы конгресса в многочисленных залах города проходят концерты саксофонистов. В 1982 году Маргарита Шапошникова была признана «звездой» среди пятисот участников многодневного парада саксофонов.

Саксофон, идущий от губ к рукам исполнителя, жил вдыхаемой в него жизнью, вдыхаемой музыкантом, с такой свободной любовью и самоотдачей, что оба они на какой-то момент кажутся осиротевшими, когда игра кончилась, и Маргарита Шапошникова отстранила от себя инструмент. Конечно, слияние инструмента и исполнителя — характерный признак большого мастерства. Но в игре Маргариты Шапошниковой оно было по-особенному завораживающе ощущаемо. Такой высокий уровень игры ценен еще и потому, что достигнут именно на саксофоне. Этот инструмент появился сравнительно не так давно. Он не имеет, как многие другие музыкальные инструменты, многовековой школы игры и не прошел достаточно долгого пути развития и совершенствования. Для исполнения академической музыки в нашей стране он используется редко.

— У нас долгое время применение саксофона было ограничено эстрадной музыкой и джазом. Маргарита Шапошникова — инициатор и пропагандист использования саксофона в «серьезной» музыке. — рассказывает Георгий Гарянин, замечательный советский музыкант, бывший в свое время одним из наших ведущих саксофонистов-джазистов. — Исполнительское мастерство Шапошниковой служит образцом игры на саксофоне и у нас и за рубежом. У нее есть и совершенство техники и чистота интонаций, эмоциональность и эрудиция. К тому же красота, обаяние и женственность. Такое сочетание особенно приятно. Когда я слушаю ее, то удивляюсь, откуда у женщины берется такая хватка. Саксофон — трудный, «норовистый» инструмент, технически не очень совершенный. Но в ее руках он податлив, эластичен, качествен. Могут еще добавить, что многие мужчины-саксофонисты завидуют, как эта женщина владеет инструментом.

Для Маргариты Шапошниковой композиторы специально пишут саксофонную музыку, ей, единственной женщине-саксофонистке, предоставляются сольные концерты, ей первой удалось начать профессиональное обучение на этом инструменте в музыкальных учебных заведениях. А ведь саксофон Маргарита в юности осваивала самостоятельно, без всяких учителей. Не было тогда рядом даже профессиональных саксофонистов, которые могли бы ей открыть секреты мастерства.

В музыкальной школе и в училище города Саратова Маргарита Шапошникова занималась по классу кларнета, и

КЛУБ
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»

«ИЩИТЕ СВОЮ МЕЛОДИЮ», —
НЕ УСТАЕТ
ПОВТОРЯТЬ УЧЕНИКАМ
МАРГАРИТА ШАПОШНИКОВА

КОНЦЕРТ САКСОФОНА

Мария БОГДАНОВА
фото
Сергея Ветрова.

это, конечно, помогло ей. Но знакомство с игрой именно на саксофоне шло у нее по книгам и пластинкам с записями известных музыкантов.

Постепенно открывались Шапошниковой удивительные возможности саксофона. Он мог передать любые интонации, любое состояние — от безудержного веселья до самой глубокой тоски. Казалось, саксофон может все, надо только знать, как дать ему это выразить. И Маргарита Шапошниковая поставила себе цель доказать, что саксофон имеет все основания встать в один ряд с ведущими музыкальными инструментами не только в джазе, но и в академической музыке. Однако в институте имени Гнесиных она продолжала заниматься по классу кларнета. Нужны были годы настойчивой, неутомимой деятельности, чтобы ее цель начала осуществляться.

И вот в 1967 году саксофон введен как самостоятельная дисциплина в училище имени Гнесиных. Обучение ведет Маргарита Константиновна Шапошниковая. Затем открылся класс саксофона в Гнесинском институте, а в 1983 году — в специальной музыкальной школе. Учебные заведения имени Гнесиных стали первыми и ведущими в обучении игре на саксофоне у нас в стране.

Раннее утро. Из-за двери класса № 79, в котором ведет занятия Маргарита Константиновна, льется известная ме-

лодия из балета Хренникова «Любовью за любовь». До чего непривычно, но в то же время обаятельно, изысканно и как-то особенно театрально она звучит на саксофоне! Дождавшись конца урока, я вошла в класс. У окна отдыхал, промокая лоб платком, Игорь Федотов. Шла подготовка к его аспирантскому концерту. В программе переложения для саксофона произведений Баха, Хренникова и оригинальная саксофонная музыка Хиндемита.

Репетиция возобновляется. Все удаchi и неудачи в игре Игоря отражаются на выразительном лице преподавателя. И ловишь себя на том, что смотришь не на того, кто играет, а на того, кто слушает.

— Будь самим собой, не старайся пересилить себя и не иди на предел звучания. Предел звука не есть мастерство. Возникает жесткость, ощущение принужденности. Ты заставляешь играть инструмент, а не он у тебя играет. И еще смена дыхания... Владей струей воздуха, — делает замечания Маргарита Константиновна.

И снова звучит саксофон. Маргарита Шапошниковая вживается в заботы своего ученика, стараясь понять его и помочь ему выразиться в звуках музыки.

Игорь выходит после занятий, как после трудной спортивной тренировки. Я перехватываю его в коридоре.

— Вы закончили училище по классу кларнета. Почему же в институт пошли по саксофону?

— Этот инструмент у нас еще мало освоен. Он очень многогранен, а тембр его многолик и сложен, это, по-моему, единственный инструмент, звук которого до сих пор не смогли воспроизвести на синтезаторе. Теперь для саксофона у нас в стране открывается большое будущее. И ведущую роль сыграла в этом, конечно, Маргарита Константиновна. Вот почему я выбрал саксофон.

Среди учеников Маргариты Константиновны есть победители всесоюзных и всероссийских конкурсов. Один из них, Василий Касаткин, рассказывает:

— Маргарита Константиновна спасла меня как музыканта. Встречу с ней я считаю моей большой удачей в жизни. Меня исключали из училища как неперспективного. Учился я тогда на трубе, с губами стало плохо, может быть, переиграл. Стоим мы в коридоре с моим педагогом, обсуждаем это печальное событие, как вдруг появляется Маргарита Константиновна. И почему-то — наверное, судьба! — обращается к ней мой педагог и говорит: «Не знаю, что с ним делать! Может быть, вы его возьмете?» И Маргарита Константиновна взя-

ла. За два года в ее классе я смог переквалифицироваться на саксофон.

Занятия продолжают. Один из студентов только что закончил играть «Концертино» Пикуля, произведение, которое композитор посвятил Маргарите Шапошниковой.

Вечером будет репетиция. Студенты и преподаватель — на равных как участники ансамбля саксофонистов. Готовится первое концертное исполнение произведений саксофонной музыки, написанной советскими композиторами Сергеем Павленко, Николаем Кондорфом... Здесь на репетиции Маргарита Константиновна своим примером упорства, самокритичности и неутомимости будет продолжать учить своих питомцев.

Теперь появился целый ряд талантливых последователей Маргариты Шапошниковой, исполнителей академической музыки на саксофоне. Идет обоюдный процесс обогащения между инструментом и музыкантами. Саксофон открывает новое звучание старых, известных произведений, а современные композиторы в нашей стране открывают для себя как бы заново этот инструмент. Начался процесс формирования советской саксофонной музыки. Это в огромной степени — результат успеха исполнителя и педагога Маргариты Шапошниковой.

Лица во вр

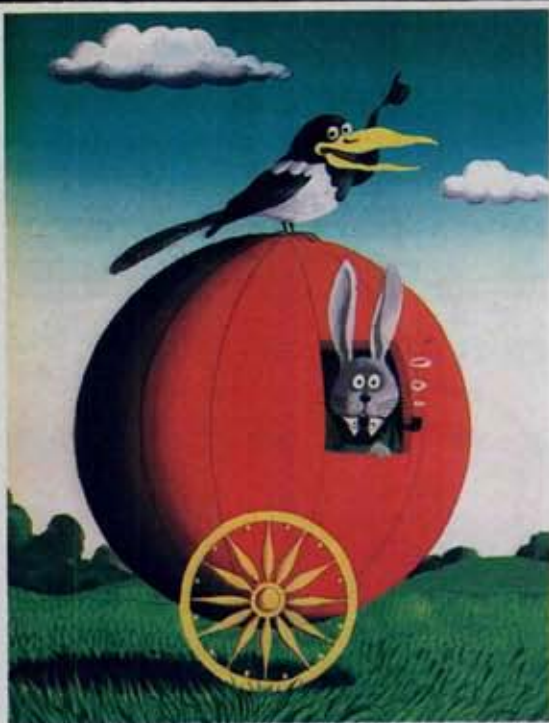
Сергей Алимов любит литературу с фантазмагори-ями. Сразу же проведем черту, отчуждающую от фантастики, к которой у художника влечения нет. По сравнению с Гоголем, Салтыковым-Щедриним и Булгаковым фантастика представляется ему пресноватой и вымученной. Алимов радуется лишь диковинным растениям, произрастающим на богатой земной почве. Жанр его иллюстраций можно определить как

трагическую сатиру или сатирическую трагедию. Уточним только, что художник почти не создает карикатур, но прежде всего стремится понять фило-софскую насыщенность образа.

В мастерской Алимова со стен таращатся гипсовые носы. Мы их, соотнося с рисунками, узнаем сразу—это гоголевские носы, а точнее, носы майора Ковалева.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКАМ ЮГОСЛАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «ДВЕНАДЦАТЬ СЛОНОВ».

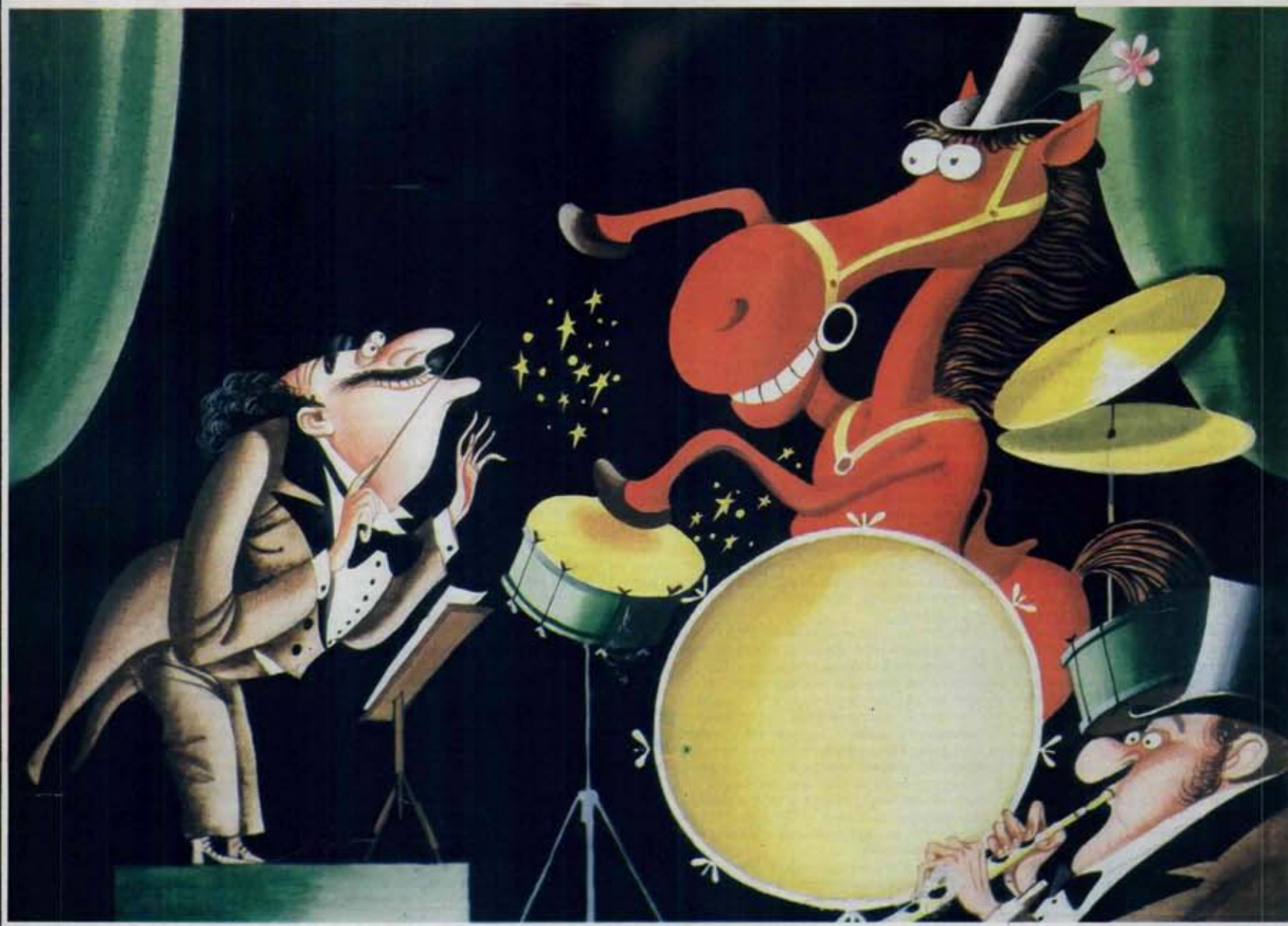
ЭСКИЗ К МУЛЬТФИЛЬМУ «КАНИКУЛЫ БОНИФАЦИЯ».

ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ

Виктор ЛИПАТОВ

ЕМЕНИ

Алимов рисует настоящий натуральный человеческий нос. Наверное, долго он к нему приглядывался, прежде чем осмелился отделить от майорского лица. Зато уж теперь нос, утвердившийся на небольшом плотном человеческом туловище, выглядит вполне естественным и самостоятельным. Художник добился полной иллюзии: нос заменяет собой все человеческое лицо. Он действительно статский советник Нос.

Ковалев без носа несуразен в обществе, сановнику Носу лицо не нужно.

Появляющийся вдруг из темного проулка Нос кажется недоброй силой, по чьей воле по проспектам Петербурга мечется майор Ковалев. Фигура майора, выбитого из обычно

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ».

накатанной колеи жизни, у Алимова несколько амебообразная, подлетающая, в буквальном смысле оторванная от земли. Ковалев исполняет диковинный танец человека без лица, танец отверженного. Он, конечно, фигляр, но и фигляр может быть несчастен. Перед нами некий графический знак стыда и отчаяния.

И Ивана Яковлевича, цирюльника, империи жалкого человека, также угнетает тот же ветер паники и неустойчивости. Когда смотришь рисунок Алимова, кажется, что бегущий по площади, жалко съезжившийся под накидкой цирюльник сметен туда откуда-то и крадучись пробирается по безмолвному и небезопасному пространству, ограниченному безжизненными громадами домов, бросающих резкие тени.

В другом рисунке Алимов воссоздает «момент, когда цирюльник решил идти к Исаакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть его (нос.—В.Л.) в Неву?». Мы не видим, как Иван Яковлевич швыряет нос, мы встречаемся с цирюльником, когда квартальный надзиратель допрашивает его, безлико отверзая рот. Можно было бы упрекнуть художника, столпообразно воздвигнувшего среди геометричности Петербурга квартального, что он его слегка карикатурит. Но что поделать, если тот наверняка именно таким и был в действительности. Квартальный как бы составлен из огромной шляпы, выпуклой груди, взметнувшейся раз и навсегда, нескладных рук и перпендикуляров-ботфортов. Все это накрепко приварено друг к другу. Зримо воссоздается главная несущая конструкция империи образца середины XIX века.

Алимов — мастер жеста. Жесты у его персонажей возникают и застывают. Жест квартального изгибает цирюльника в подобострастном полупоклоне и вызывает внезапное движение в квартире Ковалева, наполняя фигуру хозяина конфузией и смятением.

Петербург — одно из действующих лиц в рисунках Алимова. На совершенно черном фоне пустынности и устрашающей космичности классически организованные здания столицы империи выглядят нападающими знаками учреждений самовластья. Их цепенящий холод как бы выталкивает, внезапно приближает к

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКАМ ДОНАЛЬДА БИССЕТА.

ЭСКИЗ К МУЛЬТФИЛЬМУ «НОС».

нам фигуры действующих лиц — они становятся выразительно-зрелищными. Перед нами «лунный» город, в котором заведомо никто не живет и жить не может, хотя и очевидно, что «этот никто» в то же время существует. Может быть, этот никто и есть Нос... В городе властвуют Носы.

Алимов последовательного изорасказа избегает. Хотя и заявляет: «Не делаю иллюстрации к выигрышным местам», — тем не менее словно «выстреливает» в нас сгущеннофокусированными моментами событий, описанными в книге. По каждому случаю как бы пишет самостоятельную картину.

Персонажи, представленные художником, узнаваемы. Это хорошо, пожалуй, но и опасно чрезвычайно. Что стоит похожести перерасти в буквализм? Всего страшнее для Алимова были бы слова, подобные тем, что написал кто-то из посетителей выставки одного художника в книге отзывов: «Витек! В соревновании с фотоаппаратом ты победил!».

«Вылитый Павел Иванович! Так говорят о Чичикове, нарисованном художником. И мы вторим: э, каков Чичиков! Не простых, знать, свиней. Из пухлого чиновного лица внезапно выскакивает острый, абсолютно крысиный нос, создается иллюзия, что он шевелится, даже вынохивает... Сжатый рот, щелочка в линеенку, выдает полную сосредоточенность, прицельную прищуренность. Правда, под цилиндром не видно глаз, так, темные пятна, будто Чичиков в скрывающих темных очках... Алимов — мастер намека.

И еще пальцы, конечно. Цепкие, длинные, пальцы-когти. Они и ларчик заветный, разумеется, держат и будто к прыжку готовы. Чичиков в коляске похож на существо в засаде. «Незначащий червь мира сего» крепко себе на уме, нальжен, сосредоточен, разбойник да и только — ничегошеньки нет в нем от «преприятного человека».

Мягко и несокрушимо вырисовывается угол коляски, видна часть колеса. Мы отчетливо понимаем: Чичиков едет. Но верх коляски как бы уходит в бесконечность. Это и коляска и космос Чичикова. Херсонский помещик «несется в пространстве».

На другой иллюстрации мы видим владельца мертвых душ пергнувшимся через борт коляски — словно готовится он к рискованному прыжку...

В рисунках виден край занавеси. Алимов показывает театр Гоголя. Поочередно выводит он на сцену персонажей, и они застывают знаками-куклами. Мы явственно ощущаем, как Алимов опасается Чичикова, наблюдает Манилова и Ноздрева, удивляется Собакевичу, пристально изучает выглядывающего из норы своего существования Плюшкина.

«Как взглянул он на его спину широкую, как у вятских приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы...» Мы видим эту сутулоквартальную спину Собакевича, руки будто пристегнуты к ней. В видимой нам части лица — щеки, уха, носа — выражение хмурого недоумения. Вся фигура передает собакевичево настроение: «Толкует: просвещение, просвещение, и это просвещение — фук!».

В алимовском Плюшкине проглядывает суровообличительный стиль Домье. Наверное, чрезвычайно трудно рисовать карикатуру на карикатуру. Но перед нами именно психологический шарж на Плюшкина. У Плюшкина, неестественно изогнувшегося и выжидательно оглядывающегося, беспокойно шевелится загребущая рука с длинными костлявыми пальцами. Дребезжащее от спускости лицо, скрипящая ухмылка на устах: «Эх-ма, батюшка, а хозяин вить я». Худож-

ник относится к своим героям, как к живым существам. Те, кого он опасается или кому сожалеет, получают у него выпукло и своеобразно. За кем просто наблюдает с известной дозой спокойного равнодушия — становятся в общий ряд неплохих, но привычных глазу портретов. Таков у него Ноздрев. Таков медоточивый, почти улетающий в небеса восторгов и умилений Манилов, чья утонченная рука, опущенная кружевным манжетиком-цветком, повисает между хозяином и Чичиковым.

«Я не знаю, как бы я его рисовал другим». Образ, рожденный фантазией и рассуждением, отливаешь у художника в раз и навсегда найденную форму. Может быть, и потому, что уже давно жил он в воображении. Когда-то Алимов, приезжая к деду в деревню, перечитывал у него старинные издания Толстого, Тургенева, Гоголя... И казалось ему, что герои книг жили именно в тех местах. Спросили бы Алимова тогда — с уверенностью показал бы, где коляска Чичикова проехала...

Алимов и стремится к монументальности образов и ее пугается. Жизнь — движение. И художник становится мастером покрывала и занавеси, чутко откликающихся на малейшее дуновение. Полотнище зримо и волнообразно воссоздает движение и выдает его направление. Взлетает, упруго надувается, развевается, потрепанно повисает. Как бы подчеркивает состояние души изображаемого героя. Белое покрывало рельефно обрисовывает злого мага («Портрет» Н.В. Гоголя), лишь рука, опирающаяся о край рамы, страшно видна. Одежда четко выдает испуг художника Черткова...

Черткова Алимов проявляет в серии движений: он пугается, отчаявается, негодует, гордится собой...

«Прошелся по тротуару гоголем, наводя на всех лорнет». У Алимова Чертков именно вот так гоголем и вышагивает-проходится, щеголь с тростью и лорнетом. И озадаченно глядит на него поверх очков обрюзглый, похожий на крота его бывший учитель, профессор Академии художеств. Это действие самоупоения.

А вот действие отчаяния. «Неподвижно, с отверстым ртом, стоял Чертков... как безумный выбежал из зала...» Алимов передает мгновение перемены недвижно внимающего стояния на потрясение, безумие полного крушения надежд. От света картины талантливого художника Чертков заслоняется рукой, лицо его искажает душевная мука, а фигура уже уносит вихрь (вопл!) тоски, черной зависти, сжигающей безнадежности. На фоне этой драматической фигуры почему-то бесстрастными статистами выглядят другие посетители картинной галереи. Вместо «дышащей» восторгом или любопытством толпы — просто «застывшие лица чиновников, военных и штатских...».

И, наконец, действие гнева, почти сумасшедшей злобы: «кулиши картину... реал, разрывал ее, изрезывал в куски...».

Алимовский Чертков, утаскивающий к себе в апартаменты картину на расправу, почти демон, да и Гоголь пишет о том. Накидка взматывается крыльями, гримаса прирастает к лицу. И, как уже было с цирюльником Иваном Яковлевичем, представляется: Чертков опустился на площадь с черного неба и бежит, с опасливым гневом оглядываясь на мертвый город... Вот он прибежал и безумно-бессмысленно сидит среди изрезанных картин.

От рисунка к рисунку Чертков у Алимова сутулится, крылья накидки бесильно обвисают. Мрачно задумывается он над бесполезными палитрой и кистью... Любопытно, что лицо Черткова, как, впрочем, и майора Ковалева, не привлекает художника. Может

быть, и потому, что и у того и у другого лица, по существу, и нет...

Если Гоголь—это смех сквозь слезы, говорит Алимов, то Салтыков-Щедрин—это слезы сквозь смех. Портреты героев гениального сатирика художник рисует грубее, отчетливее, плакатнее, что ли.

Одного из градоначальников города Глухова, Угрюм-Бурчеева, Салтыков-Щедрин описывал так: «С каким-то деревянным лицом, очевидно никогда не освещавшимся улыбкой... взгляд чистый, без колебаний... Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы; и держит в правой руке «Устав о неуклонном сечении»... Алимов точно следует этому описанию. В черном космосе возвышается столб узко-длинной фигуры, несущей голову с лошадиным лицом, короткой стрижкой, мощной челюстью, торчащими ушами, усами, метелкой брызжущими из-под носа в разные стороны. Ярко выпученные глаза-шары буквально вылетают из орбит: ни тени мысли в них, ни зернышка сомнения. Смотреть в это сверкающее пустотой безумие невозможно. Рот прорезает все лицо и кажет все зубы—улыбка сладострастия звериного рыка. «Разума он не признавал вовсе и даже считал его злейшим врагом». Алимов рисует остервенелого Угрюм-Бурчеева с явным удовольствием оттого, что его ненавидит. И фоном для портрета выбирает не побежденную градоначальником реку, смывающую город.

Герои Салтыкова-Щедрина у Алимова отнюдь не карикатуры. Они натуральны и неоднозначны. Похожий на жирного крота, Иудушка стоит у постели умирающего брата—елейный и ненавидящий. Тень на стене передает его острую обтекаемость. Алимов продолжает работать над иллюстрациями к «Господам Головлевым», и мы еще встретимся с его Иудушкой, фигурой, в известной степени, как считает художник, и страдательной, носительницей идеи греха и раскаяния.

И в своих эскизах к мультфильму о премудром пещкаре Алимов воссоздает «подводный» чиновничий мир XIX века. Маленький мещанин-пещкарь боязливо ютится у огромных старинных часов—символа времени и будто бы архитектурного знака тех времен.

Пещкарь прячется, дрожит, видит обольщающие его сны, где он предстает генералом перед застывшими шеренгами чиновников; отважно подходит к самому сановнику Щуке; игриво прогуливается с молодой рыбкой. Но ничего этого не было в реальной жизни пещкаря. «Все дрожало, все дрожало». Часы служат и склепом этому невидимому существу. Ни часов, ни снов у Салтыкова-Щедрина нет, Алимов придумал их по намекам писателя. Однажды пещкарь вливает в часы и исчезает, часы оплывают, растворяются... Был ли такой пещкарь, было ли его время?

Итак, все симпатии художника явно отданы русской классике XIX века. Но и современности он не чужд. Иллюстрировал «Василия Теркина» — «шел от народной картинки», от лубка. И создал образ веселого крепкого парня, солдата. Не прочь он проиллюстрировать и совсем современную книгу: «Дайте только не схему, не манекен—настоящего положительного героя». Из современных писателей ближе всего художнику Распутин и Можжев.

Алимов в Москве родился, в Москве живет, Московской живет. Он влюблен в свой родной город, особенно в район, где прошло его детство,—Пречистенку, Остоженку, Арбат... Показывая альбом об архитектуре старой Москвы, художник с восхищением и удовольствием отыскивает на фотографии среди домов хорошо известный ему...

Алимов не только сатирик, он еще и сказочник. Его мультфильмы пользуются у детей да и у взрослых неизменным успехом. Алимов из числа тех, кто составил «новую волну» в нашей отечественной мультипликации, «смывшую» существовавший сентиментальный глянец и утвердившую более реальный, более смысловой, даже философский стиль.

Топтыжка и Бонифаций не только, да и, пожалуй, не столько умиляют, сколько заставляют нас чувствовать и размышлять о смысле жизни, о самих себе.

Алимов в мультипликации не только художник. В «Вятской лошадке», например, он еще и режиссер и сценарист. В ярком и познавательном фильме бродят поистине босховские персонажи, длинноногие; пузатые карлики, летящие на рыбе; огромные петухи; живые хвосты; человеко-бабочки и носороги-крокодилы. За мультфильм «Отелло-66», который по условиям конкурса должен был идти всего пятьдесят секунд, но успев отразить основную канву драмы Шекспира, Алимов получил премию в Монреале.

Кто ждет художника в будущем?

Сухово-Кобылин, вновь Салтыков-Щедрин, вновь Гоголь («Шинель»), «Русская фантастическая повесть первой половины XIX века»; Чехов, к которому Алимов пришел через его юмористические рассказы. Но Чехов, кажется, смягчил сатирический талант художника. Человек в футляре изображен, конечно, классически. Его мрачная, опутанная одеждами фигура отравляет лето старого города. Но задумавшийся Иванов очень грустно сидит на стуле как бы среди пустыни...

Говорят, что Алимов родился «в рубашке». Везет, мол, ему. И рисует неплохо, и мастерская хорошая, и выставка недавно персональная состоялась. А он просто продолжатель династии художников и в ответе перед ней за то, чтобы все получалось как следует. Он очень гордится, что дед учился у великого Серова, а бабушка—известная театральная кукольница. Из каждого угла мастерской на него с надеждой и ободрением глядят бабушкины куклы—огромные, яркие, голенастые...

РЫД Д И С

Литературные уроки

РЕКОМЕНДУЕМ
МОЛОДОМУ
ЧИТАТЕЛЮ
КНИГИ
АНАТОЛИЯ АЛЕКСИНА

«В стране вечных каникул». Повести. Детская литература. 1967.

«Веселые повести». Советская Россия. 1971.

«Встретимся завтра...» Повести. Молодая гвардия. 1971.

«Действующие лица и исполнители». Повести. Детская литература. 1975.

«Безумная Евдокия». Повести и рассказы. Детская литература. 1978.

«А тем временем где-то...» Повести. Молодая гвардия. 1980.

«Звоните и приезжайте!». Повести. Московский рабочий. 1982.

«Повести». Молодая гвардия. 1983.

Трудно представить, что всего три десятилетия назад не было в нашей литературе этих изящных, искрищихся юмором и проникнутых подчас светлой, омывающей душу печалью рассказов, пьес, повестей Анатолия Алексина. В них открывается мир глубоких и тонких чувств, внутренний мир людей особого склада, новых, о которых могли только мечтать мыслители прошлого; людей развитого социалистического общества, где высшая ценность—человек сам по себе, где гуманизм становится нормой жизни, естественной привычкой.

В произведениях Анатолия Алексина «планов наших... громадь, размаха шага сажени» не так уж часто прорываются впрямую, а обычно ощущаются как некая глубинная основа всего происходящего, но тем не менее ярко высвечивается главное достижение социализма—советский человек в богатстве своих чувств, мнений, высоте своих нравственных идеалов.

Основные персонажи детской и юношеской литературы—это определяется уже самим их социальным положением,—как правило, еще только готовятся вступать в самостоятельную жизнь или, в лучшем случае, делают в ней первые шаги. Это не значит, конечно, что они лишь готовятся жить. Нет, у них по-своему интересная жизнь, полная радостей и волнений, а иногда сомнений и разочарований. У них свои коллективы—большие и малые ячейки общества: школа, семья, круг друзей. Их мир—продолжение и своеобразное преломление мира взрослых, в чем-то, может, более идеальный, романтический, взвихренный.

Найти свой угол зрения на этот диковинный и вроде бы каждому знакомый мир детства, отрочества, юности, найти свой подход к решению его нелегких при всей кажущейся наивности и простоте проблем—дело, доступное не всем. Анатолий Алексин в этом мире давно уже свой, признанный миллионами читателей как Советского Союза, так и зарубежных стран, удостоенный Государственных премий СССР и РСФСР, премии Ленинского комсомола. Более того, ему уже дважды присужден Международный советом по детской и юношеской литературе Диплом Г.-Х. Андерсена. Он стал в 1980 году и первым из советских писателей лауреатом

Международной премии социалистических стран имени А. М. Горького за лучшие произведения для детей и юношества.

Подход Анатолия Алексина к детской и юношеской проблематике одновременно прост и диалектически сложен, традиционен и новаторски дерзок. Прост и традиционен в том смысле, что с первых же шагов в литературе он усвоил: дети не терпят назидательности, их увлекают игра, романтические приключения, возможность испытать себя в деле живом, конкретном и, главное, «взаправдашнем». Как личное напутствие воспринял он завет С. Маршак: «По-настоящему воспитывает та книга, где автор не взбирается на кафедру, чтобы поучать читателя, пользуясь его малолетством, а в полную меру своих чувств, радуясь и страдая, живет в созданной им реальности. Искусство—не благодетельность. Оно не может отделяться жалкой мелочью нравоучений, переходящей из кармана в карман».

Поэтому уже в ранних своих повестях «для младших братьев и сестер» Анатолий Алексин ввергает читателей в водоворот событий смешных или печальных, но всегда неожиданных и далеко не однозначных по своим последствиям для героев. Это еще игра, но сама ее направленность ведет к осознанию действительности отнюдь не игрушечной. А в «Необычайных похождениях Севы Котлова», в третьей их части, юный герой вторгается в такие глубины человеческих отношений, где не всякий взрослый найдет верную линию поведения. Его друг Рьжик, давно живущий после смерти матери вдвоем с отцом, никак не может примириться с мыслью о появлении в доме другой женщины. Но жизнь берет свое. И Севка мирит Рьжика с мачехой, применяя здесь свою кипучую энергию с такой деликатностью, что невольно припоминаются слова Н. А. Добролюбова: «В нормальном своем положении, то есть в соединении с энергией характера и правильно развитым сознанием своего достоинства, деликатность составляет одно из высших достоинств человека. В ней соединяются и честность, и справедливость, и деятельное участие в судьбе ближнего». Пусть не смущает читателя, что столь значительные ассоциации возникли по поводу озорного мальчишки. Выдумки и веселье проделки не мешают ему взрослеть. Разумеется, он

ЦАРЬ ОБРА ПРАВВЕДЛИВОСТИ

остаётся — отдадим должное тонкой проработке характера автором — все-таки мальчишской-подростком с восприятием жизни специфическим. Но ведь все взрослые — из детей и многие свои «взрослые» качества — как хорошие, так и, увы, плохие — вынесли из тех давних первых своих столкновениях с жизнью...

Уже в ранних повестях впервые ярко проявилось то, что позднее станет силой и своеобразием зрелого Алексина, — изображение быта как «культуры личных отношений» (М. Пришвин). Еще немало появится «пионерских повестей» Алексина, в не меньшей мере игровых, столь же проникнутых добрым, мягким юмором, но все чаще и ярче выступает в них на передний план тема нравственного созревания юного человека и огромной роли в этом сложном, полном противоречий процессе самых близких людей — отца, матери, братьев и сестер, бабушки или деда. Именно через семью, самую маленькую и воистину первичную «ячейку государства», через ее влияние на формирование личности умеет Анатолий Алексин раскрыть многообразие и многоцветье нашей советской действительности. Тонко показывает он потребность созревающей юной души брать на себя ответственность за судьбы других людей, соучаствовать в счастье и бедах, заботах близких. Уже в «Повести Алика Деткина» обнаженно звучит мысль об ответственности... детей за родителей. Когда надо было уберечь молоденькую классную руководительницу от опасности, грозящей ей, если родители подымут шум по поводу рискованной поездки детей на какую-то дачу «местной знаменитости», то умница Наташа Кулагина, ради благосклонного внимания которой и затевал все свои великие деяния Алик-детектив, сказала: «Возьмем мам и пап на себя... Объясним, растолкуем! Дети должны отвечать за родителей!»

Уже в «пионерских повестях», где сильно ощущаются именно традиции советской детской литературы, Анатолий Алексин выступает и как новатор. Герои его деятельны, активны. Мир для них просторен и высок, полон света и цвета, запахов, звуков, полон больших и малых открытий. Но мир этот у Алексина при всей его писательской мягкости и доброте не безоблачен, не из одних улыбок и цветов. В отличие от многих подвизавшихся на ниве детской литературы в 50-х годах он вводит в свои

повести и холодных формалистов и демагогов, поскольку в жизни-то они не перевелись... А самое важное — все отчетливее начинают звучать в его творчестве мотивы уважения к личности, предостережение тем, кто хотел бы — пусть из самых добрых побуждений — подавить, подчинить волю сына или дочери, вообще близкого человека, бесцеремонно навязать свое представление о жизни... И само обращение, все более последовательное, к семейным обстоятельствам в детской повести, уход от бесконфликтно-розового освещения труднейшего возраста — все это было новым в практике детской литературы тех лет. В практике, подчеркнем. Потому что в «теории» об этом давным-давно писал А. М. Горький: «К детям надо относиться честно. Надо уметь сказать им: мы, отцы, кое-чего еще не знаем, вы, ребята, пришли в мир для того,

чтобы знать все... Не говоря о том, что учить детей — дело необходимое, следует понять, что весьма полезно и нам учиться у детей».

Путь Анатолия Алексина в литературе обозначен достаточно ярко: от игры — к жизни. Не исключая ни того, ни другого. С неперемным учетом особенностей детского восприятия мира.

А с 1966 года читателям вдруг открылся словно бы новый Анатолий Алексин. По-прежнему мягкий, лиричный, с тонким, ненавязчивым юмором, но с небывалой прежде глубиной анализа состояния души подростка, с постоянной нацеленностью на вполне житейские и тем не менее острейшие нравственные проблемы.

Может, переломной стала повесть «А тем временем где-то...». Вывод, к которому приходишь после ее прочтения: человек не средство для достижения каких-либо своих целей, человек — сам по себе цель.

А вот героине следующей повести Анатолия Алексина — «Мой брат играет на кларнете» — Женьке ее брат Лева, студент консерватории, видится именно средством для того, чтобы войти в историю «с черного хода». Женька решила посвятить всю свою жизнь будущему знаменитому музыканту. Зато как приятно будет, мечтает она, увидеть в грядущей книге о нем и свой портрет со скромной надписью «Сестра музыканта». Женька и дневники свой заводит из того расчета, что его когда-нибудь используют историки. И вообще только великие люди должны вести дневники, считает она. Впрочем, Женька не намерена терпеливо дожидаться славы. Она уже сейчас хочет купаться в ее лучах, вызывая завистливые взгляды этих высокомерных, разодетых десятиклассниц (сама она лишь в седьмом).

Воистину самый большой деспот тот, кто во имя тебя чем-либо «жертвует»! Беспредельно вторгается такой деспот в тонкий, интимный мир человека, грубо разрушая его, если не встретит сопротивления. С этой темой не раз встречаешься в рассказах и повестях Алексина. Что Женька, смешная и глупая еще девчонка! В «Записках Эльвиры» мы встречаемся с матерью героини, совершенно подавившей ее отца. Уступая в мелочах, он не умеет в итоге отстоять и главного — своего миропонимания, своего представления о счастье дочери...

Постоянным источником беспокойства для юного героя повести «Звоните и приезжайте!» стал некий Сергей Потапов, «лауреат Всероссийского конкурса». Именно этим старым школьным другом попрекала бабушка отца, поскольку мама могла выйти замуж и за этого Сережу Потапова и теперь была бы женой лауреата. Бабушка вообще считала отца неудачником, а он хирург с золотыми руками и золотым сердцем, готовый сразу и бескорыстно откликнуться на зов каждого попавшего в беду: «Звоните и приезжайте!» — И чего только не делает сын, чтоб скинуть «моральный гнет» потаповского примера, чтобы мама с бабушкой поняли, какой замечательный человек отец!

Мотив бессмысленности подавления личности еще не раз прозвучит в произведениях Алексина — уже привычно и все-таки каждый раз неожиданно. Так, в повести «Раздел имущества» сильная, властная по натуре мать заставила отца полностью отказаться от себя: «Папа в юности мечтал стать художником. У него даже находили какой-то «свой стиль». Но мама этого стиля не обнаружила. У нее и тут была своя твердая точка зрения: художником нужно быть либо выдающимся, либо никаким. И папа стал никаким... Потом он расстался со «своим стилем» и в других сферах жизни».

Алексин заставляет снова и снова задумываться

об ответственности каждого из нас за сохранение самой что ни на есть близкой «окружающей среды» — личности наших родных и близких.

Вспоминается удивительная повесть «Поздний ребенок». Повесть, которая начиная с названия берет за душу терпкой горечью осознания неизбежности некоторых потерь и поражений в жизни каждого из нас. «Поздние дети — ранние сироты», — говорится в пословице. И как же остро высвечивает писатель глубину этой народной мудрости!

Тема влияния семьи на человека теперь уже никогда не исчезает из последующих произведений Анатолия Алексина. Вместе с тем все более пристально всматривается он в тех, кто призван помогать семье в настройке того тончайшего механизма, который называется психикой подростка. И не

только к школе обращает он свой взор, но и к сфере искусства, о которой и прежде писал немало. В эти годы (1971—1973) Анатолий Алексин создает повести и пьесы о тех, кто своим искусством взращивает ростки деятельного добра в детских сердцах.

Повесть «Действующие лица и исполнители» открывается посвящением: «Моим верным друзьям — рыцарям детского театра». В ней отстаивается право на свое видение мира, на уважение к творческим принципам работы театра.

Рыцари детского театра, отстаивающие его право говорить с детьми и подростками, не склоняясь к ним, а поднимая их. Отстаивающие право на уважение к личности юного зрителя. Отстаивающие право на творчество самой высокой пробы... К ним, безусловно, относится и сам Анатолий Алексин, чьи пьесы вот уже четверть века не сходят со сцен детских и юношеских театров.

Его повесть «Позавчера и послезавтра» — о другом рыцаре искусства для детей, художественном руководителе самодеятельности Дома культуры строителей Викторе Макаровиче Караване. О том, кто обучал детей не только искусству пения, нет — искусству жить в мире искусства, любить и понимать его.

Прошлое не проходит... Оно в нас, в наших детях и внуках. Помнить о прошлом — значит, между прочим, и беречь тех, кто являет собой зримую связь времен. Наверное, не случайно именно в эти годы с особой силой прорастают в творчестве Анатолия Алексина образы бабушек. Именно бабушек, поскольку дедушками молодое поколение сильно обездолила война...

В 1975 году создает Анатолий Алексин миниатюрный — в пять страничек — прелестный рассказ «Актриса», посвященный любимой миллионами как детей, так и взрослых артистке В. А. Сперантовой. Это своеобразная элегия, в которой воспоминания о юной, школьной любви тесно переплетаются с памятью о бабушке. Так уж получилось, что лишний билет в партер детского театра, который герой рассказа хотел было предложить лучшей в школе девочке, он отдал... своей бабушке, которой грозило в тот предновогодний вечер одиночество.

От лица бабушки ведется рассказ и в повести «Третий в пятом ряду», появившейся в тот же год. Время словно бы остановилось для старой учительницы Веры Матвеевны Кудрявцевой: ведь в руках хирурга Ивана Белова жизнь самого для нее дорогого существа, последней цели ее собственной жизни — внучки Лизы. А Ваня Белов был для Кудрявцевой в свое время и вечным беспокойством и живым укором ее педагогической совести. Он был беспощадно справедлив. Но беспощаден лишь по отношению к себе, заелоня других собой даже в том случае, если испытывал к ним неприязнь.

Хирург спас Елизавету. Впрочем, он оказался не тем Ваней Беловым. И все-таки в чем-то тем, поскольку и он «был рожден приходить к людям в такие именно часы и минуты», то есть в момент смертельной опасности.

Концовка повести неожиданна и естественна, логична. Вера Матвеевна попыталась хоть теперь разыскать того Ваню Белова. Нашла его родителей и от них узнала: 27 апреля 1945 года их сын, Иван Андреевич Белов, пал смертью храбрых в боях за город Пенцлау...

Ну, конечно же, такой Ваня Белов непременно должен был быть там, на передовой, там, где он всего нужнее людям, Родине...

Размышления о сложных взаимоотношениях личности в коллективе, о противоречивых порой подходах к этой проблеме со стороны семьи и школы Анатолий Алексин продолжает в повести

«Безумная Евдокия». Здесь сплаваются воедино несколько изблюбленных тем писателя, являя новое, высшее качество психологического анализа привычных вроде бы и неисчерпаемых проблем.

...И вдруг ярко высвечивается самая суть повести, да, пожалуй, и всего творчества Анатолия Алексина: главный в человеке талант — это талант человечности. И «безумная Евдокия» в своем максимализме куда более права, чем безумно любящие родители Оленьки. «Мои ученики не стали знаменитостями, — задумчиво, как бы замедлив нашу дуэль, сказала Евдокия Савельевна. — Но и злодеев среди них нет. Ни одного... Они не предавали меня и моих надежд. А насчет дарований? У них есть талант человечности. Разве вы не заметили?»

— Заметил сегодня...

— К человечности талант художника может и не прилагаться, — продолжала она, — но к дарованию художника человечность...

Евдокия Савельевна и здесь верна себе. Даже в ту трагичную минуту, когда мать не узнает своей вернувшейся наконец дочери и ясно, что нужно вызывать врача оттуда, учитель борется за то, чтобы родители, хотя бы отец, поняли, в чем беда и вина их дочери и их самих. Но учитель тут же спешит на помощь своей ученице: «Оленька может принять всю вину на себя. Эта ноша окажется для нее непосильной».

Не повесть, а гимн — сердцу учителя, сердцу матери. Вообще сердцу человека. И вывод, к которому автор вскоре еще вернется: «Болезнь — это недостаток, а не порок. Порок сердца нечто совсем иное...»

Как причудливо переливаются, разбиваясь, в творчестве Анатолия Алексина его любимые темы! Уже в следующей повести, «В тылу как в тылу», он еще раз вернется к материнскому подвигу. Но в совсем иной ситуации, на фоне огромной народной беды и борьбы. Ничего особенного в повести не происходит. Герой, через много лет вернувшись в далекий уральский город, где некогда мальчишкой жил с матерью в эвакуации, вспоминает о той, что спасла ему жизнь ценой, можно сказать, собственной жизни.

И снова встречаемся мы с тончайшими оттенками подлинно человеческих чувств самых обыкновенных в общем-то советских людей. Сын, получив на почте извещение о том, что отец пропал без вести, не просто скрывает его от матери, но даже сочиняет с помощью друга иное письмо: мол, попал в партизаны, откуда трудно доставлять письма, но не тревожьтесь, отец жив. И даже на машинке отпечатал — «для убедительности». А когда приходит еще одно письмо, теперь уже от однополчанина, подтверждающего, что отец остался на поле боя, мальчик носит его с собою, зашив в одежду. А мать, с головою ушедшая в работу, отдает сыну дополнительный паек, ведь у него же закладывается сейчас «фундамент организма». А у самой «организм истощен. Слабо сопротивляется...». Только много позднее поймет сын, что значили эти случайно им подслушанные слова...

Сердце сына угадало правду: отец и впрямь выжил, бежал из вражеского плена и попал к партизанам. Но его настоящее письмо уже не застало матери в живых. Она, успев спасти сына, сгорела на работе, как тысячи тысяч тех, кто лежит теперь на разбросанных по всей стране кладбищах под скромными обелисками с конечными датами — 1941, 1942, 1943...

И вырывается из самого сердца сына ли, писателя ли: «Прости меня, мама».

Когда появилась маленькая — на сорок с небольшим страничек — повесть «В тылу как в тылу», почувствовалось сразу: это новое слово о войне.

Описывает Анатолий Алексин дела, самые что ни на есть обыденные по тем временам, но читаешь — и думаешь о героизме. Героизме целого народа. И художник не боится «переквалифицироваться» в прямо открытого публициста: «Позже я понял: война не давала людям возможности и просто-напросто времени для проявления всех своих «разнокалиберных» качеств. На передовую жизни выкатывались орудия главного калибра. Ими, наступавшими врага даже из дальнего тыла, были каждодневная, будничная отвага и готовность жертвовать и терпеть. Люди становились чем-то похожи друг на друга. Но это не было однообразием и безличностью, а было величием». И жертвенный при всей его внешней несправедливости подвиг женщины-матери словно бы поднимается до степени символа, осознается как подвиг Матери-Родины...

А в повести «Раздел имущества» писатель рассказывает о столь же негромком подвиге бабушки, которая сумела свою почти безнадежно больную внучку поставить на ноги и в прямом и переносном смысле. Бабушка была всего лишь медсестрой. Но из тех, кого раньше называли очень точно сестрами милосердия. В своей больнице она все ночи проводила у постели больных, иногда удерживала, не отпускала «на тот свет». «У бабушки были не

сердобольные, а спасительные для больного человека глаза: они не подавляли сочувствием, не ввергали в сомнение слезливой, но туманной надеждой, а дарили уверенность, что не проиходит «ничего страшного». Она не смирилась и не дала внучке привыкнуть к мысли о неизбежной инвалидности, ущербности. И внучка стала нормальным человеком, потому что у бабушки черпала она еще и неиссякаемые запасы человечности, подлинной интеллигентности.

Анатолий Алексин вообще пишет об интеллигентных семьях. Большинство его героев — это учителя, врачи, артисты, научные работники. И еще одна особенность: большинство его героев — сугубо городские жители. Но, пожалуй, нет у него образа, которому более всего подходило бы определение «подлинный интеллигент», нежели к этой простой медсестре Анисии Ивановне, выросшей в деревне, в одиночестве поднявшей сына «не хуже других». Сколько в ней человеческого такта, терпимости в отношении к людям! Она ведь и о себе могла бы сказать то же, что и о старшей своей сестре: «Ни разу криком себя не унизила». Насколько она выше в нравственном отношении, чем высокообразованные родители Веры, которым она спасла дочь и которым стала не нужна, как только мать убедилась, что Верочка выздоровела окончательно. Или чем другая бабушка — «мамина мама», которая внесла немалый теоретический вклад в лечение внучки... по телефону, бесконечными разговорами о необходимости обладать качествами, свойственными «гармонично развитому человеку».

Еще и еще раз убеждаешься: интеллигентность — это не только и не столько образованность, сколько целый комплекс высоких моральных качеств, самое высокое из которых, вероятно, — готовность понять ближнего и разделить с ним радость ли, горе ли.

Звучит в этой повести и другая любимая тема Анатолия Алексина — обязанность платить добром за добро. Но в какой драматической постановке! Здесь не просто черная неблагодарность «папиной маме» за то, что она спасла Верочку, стала для нее второй мамой. Здесь неблагодарность на «интеллектуальном» фундаменте: у мамы проснулась ревность, кто же она-то сама для дочери. Здесь вроде бы обиды на бабушку. Как она посмела заменить маму в сердце дочери! А ведь заменила прочно, если девочка готова заявить на суде: «Я буду той частью имущества, которая по суду отойдет к бабушке».

Как она глубока и многопланова, эта маленькая повесть! Наверное, можно сказать, что она о спасении человека силой любви. Наверное, и о великом нашем долге перед теми, кто дал и сохранил нам жизнь. И о том, что нельзя, что преступно этот долг нарушать. Когда в суде сын уверяет, что он не хочет от матери «ничего лишнего», судья не выдерживает: «Судиться с матерью — самое лишнее на земле дело». Наверное, повесть еще и о том, что жизнь наказывает даже за невольное предательство. Вера смолчала, притаилась, притихла, когда мама предъявила бабушке свой ультиматум: разбегаться и немедленно. Иначе вроде бы разлучаются мать и дочь. Вера смолчала, и мама осуществила свое намерение. И решимость Веры отстоять в суде бабушку опоздала: бабушка уехала. Трагический финал повести — еще одно напоминание: с добрыми делами надо спешить...

Невольное соучастие в преступлении не снимает, напротив, может, обостряет чувство вины. Не об этом ли следующая повесть Анатолия Алексина — «Сердечная недостаточность»? Сюжет ее может передаться в нескольких словах: девушка идет отдыхать после приемных институтских экзаменов в кардиологический санаторий по путевке, которую ее отчим «достал из-под земли», хотя для этого ей пришлось выдумать болезни, которых у нее нет. В это время умирает заместитель ее отчима Алексей Митрофанович Корягина, которого Галя знала лично и очень уважала. Уезжая из санатория, Галя случайно узнает, что в ее путевке ранее значилось и было перечеркнуто другое имя. Того самого Корягина. Выходит, перечеркнута сама жизнь человека, которому предназначалась эта путевка...

Но, естественно, дело не в сюжете. Повесть о другой сердечной недостаточности, которая не болезнь, а порок. Нравственный порок. Старейший сердечед Геннадий Семенович, ухаживающий за Галей, из-за легкого сердечбиения пугается настолько, что срывает свою лекцию в соседнем с санаторием клубе, где собрались ветераны Великой Отечественной войны в свой великий праздник. Другой человек, профессор Печонкин, пытается выручить людей, но ему-то и впрямь не хватает физических сил, чтобы пешком добраться туда, куда Геннадий Семенович намечал «легкую прогулку». Все это видит и понимает девушка. И начинает глядеть на многое другими глазами. Уж как хорош «для дома, для семьи» ее отчим Павлуша! Какой он предупредительный, вежливый, любезный, как заботится о семье! И для всех-то найдет ласковое

слово, любому постарается быть полезным. Или показаться... Но главное — все для своего дома, для своей семьи. И невольно обрекает на смерть Корягина, лишь бы хорошо было падчернице.

Читаешь и понимаешь, что даже светлый мир семьи — еще всего лишь мирок, если он оторван, изолирован от громадного мира всех живущих. Как понимаешь взвихренность чувств Гали, ставшей невольной соучастницей преступления и пишущей об этом вдове погибшего от сердечной недостаточности — не только от своей собственной...

Тема жертвенности и предательства с небывалой остротой звучит в еще одной «семейной» повести Анатолия Алексина — «Домашнем совете». Все здесь необычно. И неистовая ревность одного из братьев-двойняшек к другому, и молчаливая уступчивость второго, который даже нефрит заполучил, купаясь в ледяной осенней воде, лишь бы хоть чем-нибудь заболеть на радость болезненному брату. «Младший» сам угнетал в себе личность, только бы брат его мог взглянуть лучше в сравнении с ним. В этой семье и мама уходит жить в том же подъезде тремя этажами выше к члену-корреспонденту, «другу семьи», оставляя отца с одним из сыновей, чтоб все было поровну, все справедливо... Впрочем, по Льву Толстому, лишь счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастье у каждой семьи свое. Повесть кажется мрачноватой. Ведь и девушка, которая если и не любила, так, во всяком случае, симпатизировала лучшему из братьев, все-таки уходит к другому, чтобы быть поближе к члену-корреспонденту, поскольку она увлекается наукой... И все же свет благородства запоминается куда сильнее, чем мрачные тени духовного стяжательства. Что бы ни случилось, он будет счастлив, рыцарь без страха и упрека, унаследовавший отцовский характер, умение «искать и находить в отрицательных явлениях плюсы, положительные оттенки». В это очень верится, несмотря на его житейское вроде бы поражение...

Снова и снова вглядывается писатель в жизнь, находя для юных своих читателей примеры настоящего мужества — негромкого, скромнейшего по форме, глубоко человеческого по содержанию, примеры полной самоотдачи во имя «близких и дальних», во имя Родины. Появившаяся недавно повесть «Ивашов» — снова о войне. И снова о тыле. Хотя этот тыл мог стать и передовой, как это случилось с героями повести на рытье окопов, где погибла подававшая большие надежды во всем, за что ни бралась, Маша, светлой души человек. О тыле, где советские люди отдавали «все — для фронта, все — для победы». Выстояли, выдержали, победили. И когда уже гремит за окном московской квартиры Ивашова салют Победы, не выдержало его изношенное сердце... Это повесть — реквием погибшим на войне, даже если гибель застигла их в тылу. Это повесть — гимн мужеству народа-победителя. Это повесть о тонких душевных движениях, о любви зарождающейся и любви, пронесенной через годы, о юношеской дружбе и чувстве вины за потери, которых и не мог бы избежать, «но все же, все же, все же...».

Мир героев Анатолия Алексина часто называют светлым, человеческим. «Он — добр, хорош, в нем хочется жить, он учит жить», — писала Мария Прилежаева. Критики даже ломают порой копья по поводу того, уж не бесконфликтен ли писатель. Нет, конечно, не бесконфликтен Анатолий Алексин. Только конфликты его героев не разрешить, скажем, кулаками. Речь о том, что в нравственной сфере и нашего, самого справедливого на земле общества есть еще немало конфликтов, зависящих от степени человечности в человеке, от воспитания буквально каждого в лучших гуманистических традициях. И разрешать такие конфликты непросто — приходится резать по живому, поскольку речь идет обычно об очень близких людях, например, родителях, которых юные герои, конечно же, любят, несмотря ни на что, но «хотели бы еще и уважать». Другое дело, что и разрешает эти конфликты писатель, опираясь преимущественно на лучшее в человеке. «Он ищет о хороших. И своими книгами он увеличивает их число», — сказал о нем Алексей Мусатов. Очень точно сказано. Главное для Анатолия Алексина — сила нравственного примера. Именно этим он заставляет читателя думать. И очень остро чувствовать. «Я искренне убеждена, собранные вместе повести Анатолия Алексина составляют целую энциклопедию педагогических, нравственных, художественных наблюдений, открытий и знаний». Жизнь подтвердила справедливость этой высокой оценки, высказанной признанным мастером советской детской литературы Марией Прилежаевой.

...На рабочем столе писателя — новые рукописи. Это значит, нам предстоит новые радостные встречи с его маленькими и большими рыцарями добра и справедливости, предстоит снова и снова вместе с ними всматриваться в сложный мир становления личности.

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Леонид МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дома они продолжили разговор. — Ваша история, мистер Холл, — еще один образец того, как действуют наши правоохранительные органы. Не в силах справиться с растущей наркоманией, они хватают заведомо невинного человека да к тому же фальсифицируют улики. Наша организация следит за работой полиции и управления по борьбе с наркотиками, и вы, мистер Холл, не первый, кому мы помогаем. Эберли поднялся. — Я приеду к вам завтра. Нужно подумать о подготовке к суду. Бертис Холл и его жена растроганно благодарили нового друга.

Джози выключила зажигание и посмотрела в зеркальце заднего обзора: за ней уже выстроилась порядочная очередь. Сначала водители суетились, что-то кричали, потом успокаивались, глушили моторы и вылезали из машин. Все они торопились, но ясно было, что простоять придется не менее часа. Самые ловкие, заметив, что попали в ловушку, сразу разворачивались и уезжали, надеясь найти объезд. Джози тоже следовало так поступить, но когда она это сообразила, было уже поздно: другие автомобили прочно закупорили дорогу.

На всякий случай она сделала еще одну попытку. Вытащила из сумочки мелочь и дошла до ближайшего уличного телефона-автомата в стеклянном пузыре. Бесполезно — номер по-прежнему не отвечал.

Джози вернулась в машину. Спinoй к ней стоял ряд полицейских в касках. Один из них, скаливший в улыбке белозубый рот, все время оглядывался на Джози. Парень был недурен собой, в другое время Джози, возможно, была бы полубезразной, но в тот момент ее голова была занята другим.

Уинтерс не отвечал на телефонные звонки со вчерашнего вечера. Джози отдала ему все пленки и теперь молча бесилась. Неужели он решил ее обмануть? Она познакомилась с Уинтерсом давным-давно и знала за ним кое-какие грешки, поэтому считала, что держит его в руках. Уинтерс казался ей самым подходящим компаньоном для дела, которое она задумала. Неужели никому нельзя доверять?

Она весь вечер безуспешно звонила в отель, где Уинтерс жил уже второй месяц. Утром его тоже не было на месте, и она решила съездить туда; отель принадлежал к тем низкопробным заведениям, где по телефону не отвечали на вопросы о постояльцах.

А тут еще эта демонстрация! В проспектах полицейской цепи мелькали сменявшие друг друга лица. Мужчины, женщины, старики, молодежь, белые, цветные... Над касками блюстителей порядка плыли нарисованные от руки плакаты, изображавшие перечеркнутую атомную бомбу, лозунги: «Нет — гонке вооружений!», «Положить конец милитаристскому психозу!», «Уничтожить ядерные арсеналы!».

Джози с удивлением всматривалась в лица демонстрантов. «Зачем им это надо? — недоумевала она. — Своих забот мало?» Она вспомнила, как Артур Плиммер злобно ругал антивоенное движение, говорил, что все эти люди «живут на русские деньги и подрывают наше могущество».

Джози пришлось провести в машине добрых два часа, прежде чем последние колонны пересекли улицу, направляясь к Белому дому. Когда полицейские расступились, освобождая дорогу транспорту, Джози не сразу сообразила, что можно ехать, и теперь машины гудели уже ей.

Припарковаться она решила не у самого отеля, где снимал комнату Уинтерс, а на боковой улочке — там всегда можно было найти свободное место. Она вылезла из машины, держа в одной руке сумочку на длинном ремешке, в другой ключи. В этот момент прямо на нее рванулся остановившийся поодаль темно-синий «бьюик». Правым крылом он ударил Джози и, набирая скорость, промчался по улице. Джози, потерявшую от нестерпимой боли сознание, бросило на капот ее «форда». А когда подбежали люди, она, распластав руки, медленно сползла на асфальт.

Перед членами сенатской комиссии по делам вооруженных сил предстал помощник министра обороны генерал Шрайвер. Он и не пытался строить из себя обворожительного человека, поэтому, миновав обычную стадию широких улыбок, сразу перешел к делу:

— Господин председатель и члены комиссии, я рад возможности выступить сегодня перед вами и поблагодарить за проявленный вами интерес к состоянию американских космических программ военного назначения. При изложении этой темы — в том случае, если у вас появятся вопросы, — мне будет помогать начальник управления перспективных научно-исследовательских работ министерства обороны.

Деятельность министерства обороны по освоению космического пространства расширяется, — продолжал Шрайвер. — Увеличенные ассигнования, которые выделяются на космические системы в оборонном бюджете, служат признанием их возрастающей важности. За нынешний трехлетний период реальный прирост составлял двадцать процентов в год. Космические системы стали важной частью структуры наших вооруженных сил.

Космическая политика министерства обороны подкрепляет национальную космическую политику, изложенную президентом. Мы исходим из того, что, поскольку целый ряд военных задач можно эффективно решать при помощи космических систем, использование космического пространства должно иметь оперативную направленность.

Успешно проведенные полеты космического корабля многообразного использования представляют собой действительно важный успех. Мы в министерстве обороны всерьез намерены включить применение челночного космического корабля и связанной с ним техники в наши планы в отношении будущего использования космического пространства. Мы приняли на себя ответственность за создание и эксплуатацию стартового комплекса для челночного космического корабля на авиабазе Ванденберг для полетов по полярным орбитам, за разработку и строительство верхней ступени с трехосной (инерциальной) ориентацией, а также за разработку оперативных устройств, которые позволят министерству обороны эксплуатировать челночный космический корабль в полном объеме.

Расширяющиеся возможности космических систем военного назначения и зависимость от них вооруженных сил делают военные спутники привлекательными мишенями. Мы разрабатываем в настоящее время противоспутниковую систему. Она состоит из самолета F-15 и двухступенчатой ракеты-носителя «Срэм Альтаир» с миниатюрной боеголовкой.

Что касается космического лазерного оружия, то министерство обороны провело серьезное изучение потенциала такого оружия, результаты были изложены в докладе конгрессу. Мы пришли к выводу, что лазеры космического базирования обладают военным потенциалом для выполнения целого ряда функций...

Дальше заседание комиссии проходило при закрытых дверях. Журналистов и прочих посторонних попросили очистить помещение. Корреспондентам двух-трех крупнейших газет в кулуарах конгресса объяснили, что начальник управления перспективных научно-технических работ Пентагона сообщил сенаторам данные о новых видах космического оружия. Из пентагоновцев, ясное дело, ничего не выжмешь, но сенатор Плиммер, наемкнули журналистам, выступил на заседании с большой речью и сказал кое-что новое и не совсем приятное для правительства.

Через полчаса в служебных апартаментах сенатора на Капитолийском холме появились четыре журналиста — из тех, кого нельзя не принять, если всерьез заботишься о своей репутации в Вашингтоне.

Набывшись и закусив сигару, сенатор Плиммер с наигранным недовольством смотрел на журналистов, которые рассаживались на стульях с жесткими, неудобными спинками — специальная мебель для посетителей, чтобы не задерживались.

— Ну, кто первый набросится на меня? — Плиммер обвел глазами журналистов.

— Сенатор Плиммер, — политический вес «Нью-Йорк таймс» позволял ее корреспонденту ногой открывать практически любую дверь в Вашингтоне и задавать представителям высших эшелонов власти самые неприятные вопросы. — Я хотел бы все-таки понять: вы защищаете или критикуете политику президента?

Лицо сенатора расплылось в улыбке.

— Наихудшим качеством нашей журналистики, а следовательно, и всей политико-психологической сферы американской жизни я считаю отсутствие умения или нежелание писать в полутонах, искать более мягкие цвета. Как вы знаете, я поддерживал президента еще в те времена, когда он начинал борьбу за этот пост. Я поддерживал его и как политика, чью программу усиления американской мощи разделяет большинство наших сограждан, и как личность — именно такой волевой и целеустремленной руководителем необходим Соединенным Штатам. Я продолжаю поддерживать президента и по сей день, но это не лишает меня права критиковать правительственную политику в том случае, если она противоречит интересам моих избирателей. В данном случае я сомневаюсь в правильности действий Белого дома в отношении космоса.

— В чем суть ваших разногласий с президентом? — Белый дом не уделяет достаточного внимания угрозе безопасности нашей страны, исходящей из космоса. Мы гордимся нашими вооруженными силами и тратим на них астрономические суммы, но новые виды оружия могут в мгновение ока сделать Америку незащитной. Похоже, что в правительстве на это закрывают глаза.

— Разве? Во время только что завершившегося полета по программе «Шаттл» американцы получили возможность услышать голос одного из офицеров Пентагона, который давал астронавтам таинственные указания: «Провести альфа, bravo», «Фокстрот — конец» и «Попробуйте еще раз, Чарли, стадия третья». В космосе испытывалась аппаратура военного назначения. Видимо, стране придется привыкнуть к подобному лексикону, который, похоже, позаимствован из голливудских космических боевиков... На калифорнийской военно-воздушной базе Ванденберг строится, как известно, новый космический центр. Оттуда будут стартовать большинство из 114 запланированных челночных военных кораблей и запускаться разведывательные спутники. Космическое командование в Колорадо-Спрингс начнет скоро испытания противоспутниковых ракет. И последнее. Не кто иной, как вы, сенатор, еще месяц назад говорили, что усилия Пентагона в космической области вполне достаточны. Чем вызвано изменение вашей позиции?

Плиммер, готовый к этому вопросу, начал отвечать прежде, чем журналист успел договорить:

— Как известно, небо больше радуется одному раскаявшемуся грешнику, чем девяносто девяти праведникам. Хотя я и не вижу особого греха в том, что рядовой американский законодатель плохо ориентируется в сугубо научных или технических вопросах, я тем не менее постарался восполнить этот пробел. Ознакомившись с материалами, которые подготовил мой аппарат, я понял, что США по-прежнему остаются уязвимыми для вражеских ядерных боеголовок. Большое впечатление на меня произвел доклад бывшего начальника разведывательного управления министерства обороны, изданный «Мерит фаундейшн». Я верю в безграничные возможности военного использования космоса. Я собираюсь внести в конгресс законопроект, предусматривающий переименование военно-воздушных сил в военно-космические силы...

Иногда Генри Дуглас казалось, что поделаться уже ничего нельзя, события совершенно вырвались из-под контроля и зловещий призрак импичмента маячит где-то совсем недалеко. Газеты и телевидение поддерживали интерес американцев к таинственной

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

истории похищения документов Грайнза все новыми и новыми разоблачениями. Дуглас не мог понять, откуда в прессу поступает информация, касающаяся деталей прошлой предвыборной кампании. Сегодня на его стол положили газету, где цитировался оставшийся анонимный бывший высокопоставленный сотрудник избирательного комитета нынешнего президента, который заявил в интервью, что помнит, как Генри Дуглас и Рэндольф Хобсон хвастались своими источниками информации о закулисной стороне избирательной кампании соперников. Этот человек согласился на интервью при условии, что его имя не будет названо.

По совету Дугласа президент дал указание министерству юстиции подключить к расследованию ФБР. Помощник директора ФБР по связям с конгрессом и общественностью тут же сказал, что расследование будет закончено в течение нескольких недель и результаты переданы соответствующему сектору отдела по расследованию уголовных преступлений министерства юстиции. Дуглас надеялся, что агенты ФБР обнаружат человека, который поставляет прессе компрометирующий его и Хобсона материал. Атака на директора ЦРУ тоже не прекращалась; его обвиняли в проведении «разведывательной операции» против администрации Грайнза, в создании группы, состоявшей из отставных военных разведчиков, которые информировали Дугласа и других о том, что происходит в стане соперника.

Группа, используя украденные из Белого дома списки сторонников Грайнза и потенциальных жертвователей в его избирательный фонд, объезжала штат за штатом, всеми возможными способами стараясь привлечь людей на сторону своего босса. Шантаж и угрозы были обычным методом.

Опять досталось Нельсону Ньюмену, которого Адриан Корт сменил на посту помощника президента по национальной безопасности. Ньюмена убрали после скандальной истории с получением взятки от японцев, теперь же газеты писали о том, что он, работая в избирательном комитете претендента на президентское кресло, получал копии ежедневных донесений, которые составлялись в Совете национальной безопасности для президента Грайнза.

Ньюмен поспешил заявить, что донесения представляли собой малоинтересную информацию и самые важные сведения он черпал из «Вашингтон пост». Ньюмена Генри Дуглас не любил и от души пожелал бы ему еще больших неприятностей, если бы сам не оказался в столь же незавидном положении.

Только для Ньюмена отставка была уже позади, а над Дугласом эта опасность нависла, и он предпринимал отчаянные усилия, чтобы сохранить за собой пост советника президента и доверие главы Белого дома. Между тем многие прямо требовали пожертвовать Дугласом и Хобсоном ради спасения престижа партии. «Вашингтон пост» писала:

«Правительства становятся жертвой таких скандалов, каких они заслуживают. Многие считают, что президент — недалекий человек, действующий обычно в расчете на внешний эффект, что ему не хватает упорства, опыта, способностей к анализу, дабы разобраться в сложном деле управления государством. А теперь это впечатление получает недвусмысленное подтверждение. Первоначальная реакция президента выразилась в одной фразе: «Много шума из ничего». Затем он по собственной инициативе сделал замечание, которое проливает свет на то, почему так часто создается впечатление о его неспособности разобраться в происходящем. «Спросите меня, какой документ был мне передан на прошлой неделе, — сказал он, — и я вам не отвечу».

Столь же показательной была реакция директора ЦРУ. В ответ на вопрос о том, как эти документы прошли через его руки, он сказал: «Я об этом ничего не знаю». Это смешно. Так же неблагоприятно ведут себя Дуглас и Хобсон. Ради собственного блага президенту следовало бы расстаться со всей этой троицей».

Правда, Адриан Корт за обедом сказал Дугласу, что никто не собирается валить на него всю вину. Равным образом нет смысла в увольнении Рэндольфа Хобсона.

— Главное — переждать бурю, — говорил Корт. — Неплохо бы отправить президента на недельку отдохнуть. А там, глядишь, шумиха и уляжется. Президенту надо как можно меньше высказываться по этому поводу.

Дуглас предпочел бы, чтобы президент молчал с самого начала, его высказывания только повредили администрации. Самому Дугласу каждый день приносит только новые неприятности. Директор ЦРУ, несколько дней не отвечавший на телефонные звонки, неожиданно позвал к себе нескольких журналистов и сказал им, что пользоваться похищенными документами совершенно не в его привычках.

— Я знаю, что это крайне опасно. Я не потерпел бы этого. Я не притронулся бы к ним ни при каких обстоятельствах, — поклялся директор ЦРУ. И тут же добавил, что Дуглас как будто упоминал в его

присутствии о документах, полученных из лагеря пружного хозяина Белого дома.

Дуглас, узнав, что директор ЦРУ перешел в наступление против него, поспешил к президенту.

Обитатель Овального кабинета слушал его весьма рассеянно: как правило, свары среди сотрудников аппарата мало его беспокоили, скорее единодушные помощников заставило бы президента насторожиться. Но дело было не только в этом.

— Вы знаете, Генри, о выступлении Плиммера? — неожиданно меняя тему, спросил президент.

— Нет. — Дуглас был удивлен. Сенатор Плиммер всегда говорил то, что от него хотели, поэтому в Белом доме его речи не читали.

— Плиммер обвинил администрацию в том, что мы скрываем от американского народа грозную опасность — новое оружие, которым обладают русские.

Несмотря на свою сдержанность, Дуглас зло выругался.

— Свихнулся наш сенатор. Он что, имеет в виду электромагнитный импульс? Но то же чистая теория... Кто ему подсунил эту идею?

— Вы меня спрашиваете? Генри, вы отдаете себе отчет в том, что произошло? Плиммер — наш человек, и вдруг он выступает против нас. Почему?

История, приключившаяся с известным адвокатом Бертисом Холлом, быстро стала известна его коллегам, и проблемы с выбором защитника у него не было. Все наперебой сочувствовали ему, это было скорее выражение корпоративной поддержки («своих в обиду не давать»), нежели уверенность в его невиновности. Пожалуй, подумал Холл, большинство из них полагает, что дыма без огня не бывает, и доля истины в утверждениях полиции есть.

Выход из этой ситуации один: доказать свою полную невиновность. Иначе даже в случае благоприятного решения суда репутация адвоката Холла будет безнадежно подорвана.

Обстановка в доме была ужасная. Жена Холла почти все время плакала, не понимая, отчего такое несчастье вдруг обрушилось на их семью. Двенадцатилетний сын замкнулся в себе: либо возвращался домой затемно, либо сидел в своей комнате запершись. То, что в конторе Холла нашли наркотики, стало известно и соседям и в школе. Холл беспокоился за сына, в его возрасте такие переживания более чем опасны.

У Холла была зацепка: он выяснил имя и адрес одного из тех, кто подсунил кокаин в номер покойного

Уэстлейка. Адвокат видел его в коридоре гостиницы, где останавливался Уэстлейк. Этого человека звали Энтони Диркс. Холл решил начать с него.

Сказав жене, что отправляется в контору, Холл первым делом поехал в фирму по прокату автомобилей: для дела, которое он задумал, ему нужна была более мощная и скоростная машина, чем его собственная. Потом поехал к дому Энтони Диркса. В подъезде висела табличка с именами жильцов. Диркс занимал квартиру 16 на пятом этаже. Рядом со списком было переговорное устройство: услышав голос посетителя, жилец мог открыть дверь в подъезд из своей квартиры. Холл нажал кнопку против номера 16, чтобы проверить, дома Диркс или нет. Через несколько секунд отозвался низкий голос с южными тягучими интонациями. Холл спокойно пошел к своей машине. Впрочем, ждать ему пришлось долго. Диркс вышел из дома в пять часов вечера.

Только теперь Холл смог внимательно рассмотреть его. Среднего роста, плотный, с наметивающимся животом, но по-военному подтянутый. Лицо грубое, неприятное, не в последнюю очередь из-за длинных бакенбардов. Диркс внимательно осмотрел машину, поднял капот, открыл багажник, проверил, как накачаны шины, только после этого завел мотор.

«Собрался в дальнее путешествие?» — забеспокоился Холл. Покидать пределы федерального округа Колумбия адвокат не имел права без разрешения судьи.

Диркс мастерски водил машину, без лихачества, но легко и уверенно. Холлу все время приходилось быть настороже, чтобы не потерять из виду его темно-коричневый «понтрак».

После получасовой поездки по городу Диркс припарковался возле большого многоквартирного дома, старательно проверил, заперты ли дверцы автомобиля, и упругой походкой вошел в дом.

Холл поспешил за ним.

Лифт с Дирксом остановился на десятом этаже. Дождавшись, когда кабина опять спустится вниз, Холл тоже нажал кнопку десятого этажа. Если бы на лестничной площадке кто-нибудь оказался, Холл сказал бы, что перепутал этаж.

Кабина остановилась, двери раздвинулись. Холл вышел и наткнулся на человека, который, не вынимая правой руки из кармана, спросил спокойно и угрожающе:

— А вам что здесь нужно, приятель?

Фред безостановочно крутился на своем кресле на колесиках, что выдавало его плохое настроение. Эмсли не ждал ничего хорошего от начальника: характер у Фреда портился с каждым годом. Фред надеялся, проведя несколько удачных операций, перебраться в новый кабинет, но его держали на том же месте. Эмсли тоже испытывал разочарование: он хотел занять кресло Фреда.

— Не хотелось бы вас огорчать, — издевательским тоном начал Фред, — но Джози жива. Она в тяжелом состоянии, сказали мне в больнице, но врачи сделают все возможное, чтобы спасти ее. Как вам это нравится?

Эмсли молчал.

— Мне это совсем не нравится, — продолжал Фред, — Я уже доложил — поверив вам! — что Джози погибла в результате несчастного случая.

Эмсли хотел что-то сказать, но Фред раздраженно прервал его.

— Ваши объяснения меня не интересуют. В таких делах осечек быть не должно. Раз Джози погибла, значит, она погибла...

Профессор Чейз всегда получал удовольствие от бесед с Торнтоном, хотя язвительный адвокат, занявший видное место в окружении Грейза, беспрерывно ругал президента. Чейз, вынужденный в силу своего официального положения защищать хозяина Белого дома, часто в душе не мог не согласиться с Торнтоном.

За те несколько лет, что Чейз, согласившись поработать в Совете национальной безопасности, провел в Вашингтоне, он сблизился с Торнтоном. Принадлежность к различным партиям не разделяла их. Даже в нынешнем году, который должен был завершиться выборами нового президента, Чейз и Торнтон регулярно встречались раз в две недели за ланчем. Они не только получали удовольствие от беседы, но и имели возможность составить мнение об умонастроениях в лагере соперника.

— После прихода к власти ваш президент обещал освободить нас, налогоплательщиков, от тяжкого бремени правительственных расходов. — Торнтон был в своем репертуаре. — Однако теперь он пытается лишь добиться того, чтобы правительство не доставляло хлопот ему самому, чтобы министры не заставляли его хоть что-то решать. Вообще говоря, это логичное следствие его политической философии. Я даже восхищаюсь его умением все переваливать на других и ни в чем не участвовать.

— Я вас не помню, Торнтон. Ваша партия всегда выражала согласие с тем, что президенту необходима помощь в проведении внешней политики, а когда он

такую помощь получает, вы его осуждаете. Обычно президенты спотыкаются, когда время от времени пытаются руководить единолично. В отличие от Картера, Никсона, Джонсона наш президент не пытается делать вид, будто делает все сам. Я бы даже рискнул утверждать, что и Картер, и Никсон, и Джонсон в конечном счете потерпели неудачу именно потому, что слишком много на себя брали.

— Да, уж ваш президент такой ошибки никогда не допустит. Он никогда самостоятельно не возьмется за решение проблемы, какой бы важной она ни была.

— В этом тоже есть некий смысл. Киплинг рекомендовал государственным деятелям изучать искусство «пускать дела на самотек». А у председателя Верховного суда США на столе стоит плакатик с лозунгом: «Пусть отстоится».

Они рассмеялись. Разминка закончилась. Оба знали, что тратят дорогостоящее время, сидя в ресторане, не для пустых насмешек.

Профессор Чейз хотел обсудить с Торнтоном проблему антивоенного движения в самих Соединенных Штатах. Администрация стала испытывать растущее давление со стороны многочисленных общественных организаций, требовавших покончить с гонкой ядерных вооружений. Чейзу нужно было джентльменское согласие Торнтона на то, чтобы ведущие избирательную кампанию Грейз и его коллеги по партии не старались привлечь антивоенное движение на свою сторону. Чейз говорил Торнтону, что, конечно, участники этого движения представляют собой весомую политическую силу, а кандидаты готовы вербовать себе сторонников среди любых групп населения, но антивоенное движение опасно для Америки.

Ланч окончен. Спускаясь вниз, к машинам, Чейз вдруг сделал заговорщическое лицо и, убедившись, что вокруг никого нет, спросил Торнтон:

— А вся эта история с похищением бумаг Грейза — кто ее автор?

Торнтон ответил так же тихо:

— Скажу вам честно, я не знаю. Во всяком случае, это не наша работа. Мы все были поражены, когда газеты начали кампанию.

Профессор Чейз не сомневался в искренности Торнтон. Деловые отношения такого уровня не допускают мелкой лжи.

— Я ошибся этажом и не вижу в этом ничего страшного. — Самообладание не покинуло Холла. — А вы, между прочим, не слишком вежливы.

— А мне и не надо быть вежливым, — отрезал парень. — Мне платят за другое. Посторонним здесь делать нечего...

Холл поднялся на двенадцатый этаж и вышел из лифта. Минут двадцать ему надо пробыть здесь, потом можно будет спуститься вниз.

Что же там такое, на десятом этаже? Можно предполагать все что угодно, но как получить правильный ответ? А что, если его предположения ошибочны, и Диркс вовсе не государственный служащий, а работает на мафию, которая подбрасывает наркотики третьим лицам, дабы сбить со следа полицию? Тогда комбинация усложняется.

Пока Холл выжидал на двенадцатом этаже, из подъезда вышел человек в светлом плаще и подошел к машине адвоката. Легко открыл дверцу, откинул водительское кресло. Отточенным, как скальпель, ножом сделал небольшой надрез на обивке сиденья и что-то в него спрятал. Из пластмассового тюбика выдавил капелючку клея и нанес ее на разрез. Затем вернул кресло на прежнее место и закрыл дверцу.

Днем у Корта был разговор с доктором Этвудом, который позвонил ему из Сан-Франциско, чтобы поинтересоваться, каков резонанс на выступление сенатора Плиммера, критиковавшего Белый дом. Корт сказал Этвуду, что для самого президента, Генри Дугласа и еще нескольких близких главе Белого дома людей речь сенатора была неприятным сюрпризом.

Года два назад по программе «Стэнфорд» администрация сознательно организовала выступления в печати с критикой правительства за будто бы недостаточные усилия по наращиванию военной мощи. Это помогло значительно увеличить ассигнования Пентагону. Но сейчас, в преддверии выборов — и это Карту было очевидно, — президент начал понемногу отмежевываться от очень уж воинственной политики. Такую эволюцию прорывали многие его предшественники. Влиятельные группы американцев, не принадлежащие к военно-промышленному комплексу, убеждали президента: если он хочет быть переизбранным, ему нужно продемонстрировать собственному народу некие миролюбивые устремления, хоть немного сократить темпы роста военных расходов, стабилизировать отношения с Советским Союзом, проводить переговоры об ограничении гонки вооружений. Эти люди имели своих сторонников в окружении президента. Генри Дуглас тоже тяготел к ним.

В результате этого отношения Корта и Дугласа обострились. Каждый из них тянул президента в свою сторону: Корт любил повторять, что нельзя управлять

страной на основе опросов общественного мнения; нужно гнуть свою линию, не обращая внимания на критику и падение популярности правительства. Но он зачастую был вынужден уступать Дугласу. Недовольство Корта нашло понимание у Этвуда, который весьма сочувственно слушал помощника президента.

— Я понимаю, что президента раздражают и антивоенное движение и обвинения в «ястребиной» политике. Разумеется, политике хочется быть популярным. Но американская позиция — это вечная позиция сверхдержавы, и это незавидная позиция. Тот, кто стоит наверху, — у всех на виду, и поэтому в него целятся все враги. В реальном мире тот, кто несет ответственность за укрепление военной мощи страны, должен принимать непопулярные решения или уступить место более целеустремленному политику.

Корт вызвал к себе директора ЮСИА, чтобы объяснить ему, какие задачи возлагаются на его ведомство в связи с обнаружившимся «окном уязвимости» в космосе. «Голосу Америки» поручалось организовать серию передач, в которых рассказывалось бы о «беззащитности» США перед космической угрозой русских. Подобные материалы должны были появиться и в мировой прессе — при содействии ЮСИА.

В половине первого ночи дежурная медсестра вернулась на пост и устало плюхнулась на стул. На всем этаже не было ни одной свободной палаты. Вытираясь стерильным полотенцем, медсестра с грустью посмотрела на разбросанные по дивану книги и газеты. Читением она запасаась основательно, но пока ей ни на минуту не удавалось присесть спокойно.

С первой полосы газеты на нее смотрели неприятного вида трое молодых парней и девушка с плакатом в руках — снимок, сделанный во время демонстрации у Белого дома. По телевидению тоже показали несколько кадров.

«Опасные люди, — подумала медсестра, — только и жди от них неприятностей. В прошлый раз хотели памятник Вашингтону и весь Белый дом взорвать, потом выяснилось, что они наркотиками торгуют. Этим тоже видно, делать нечего, демонстрации устраивают, а рожи-то бандитские».

Она начала с самого конца коридора. Меняла капельницы, делала уколы, возвращаясь за новым шприцем в комнату медсестер. Свет был потушен, горело лишь несколько лампочек, и когда она вышла из палаты, где в бреду стонал мальнишка-наркоман, ей показалось, что в коридоре мелькнула чья-то тень. Ходячих больных на этом этаже не было, и медсестра побежала на пост, щелкнула выключателем. В пустом коридоре вспыхнул ослепительно яркий свет, и она успокоилась — показалось...

С полным шприцем она вошла в палату очередного пациента, вернее, пациентки. «Особо тяжелый случай, — вспомнила она пометку лечащего врача: множественные повреждения внутренних органов...»

В палате свет не выключали — Джози по-прежнему была без сознания, и лампа ей не мешала. На белоснежной подушке в обрамлении густых черных волос — мертвенно-бледное лицо.

«Красивая была». — Сестра с любопытством рассматривала Джози. В больнице говорили, что Джози раньше фотографировали для журналов мод, потому что у нее божественная фигура.

«Теперь, если и выкарабкается, — равнодушно подумала медсестра, — уж ни на что не будет годна». Отыскав тускло просвечивающуюся сквозь тонкую кожу худой руки синюю ниточку вены, она сделала укол. Медсестра не успела до конца опорожнить шприц, как поняла: что-то случилось. Лежавшая спокойно больная вдруг повернула голову, левая рука стала бесцельно шарить на кровати. Искалеченное тело Джози напрягло, лицо побагровело, словно она предпринимала какое-то чудовищное усилие, но эта борьба была недолгой. Напряжение исчезло, рука бессильно повисла, голова упала набок.

Медсестра бросилась считать пульс — он не прощупывался, сердце остановилось.

Первое побуждение — бежать за врачом — медсестра подавила в себе. Она работала в больнице пятнадцать лет и не лишилась хладнокровия.

Что она скажет врачу?

Она завернула шприц в салфетку: его следовало как можно скорее уничтожить. Медсестра не могла ошибиться: она набрала в шприц то лекарство, которое назначил врач. Но эта темная фигура в коридоре... Ее никто и слушать не станет, скажи она, что кто-то добавил быстродействующий яд в шприц, предназначенный для Джози. Она лучше промолчит. Пациентка была настолько плоха, что вряд ли кого удивит ее смерть. Обнаружить яд — дело непростое, больница перегружена, патологоанатомы тоже. Джози уже все равно не поможешь, подумала медсестра, закрывая дверь ее палаты.

Она спустилась на первый этаж и выбросила разорванный на части шприц в туалет.

Продолжение следует.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Задание третье

Третью сетку в нынешнем конкурсе предлагаем вам, дорогие читатели, заполнить словами на спортивную тему. Такое пожелание высказали многие из вас. В кроссворд можно включать слова на все темы физкультуры и спорта, в том числе туризма, спортивной охоты и рыболовства. Можно также загадывать названия произведений на спортивные темы, их авторов и персонажей.

Победителями в этом задании станут те читатели, которые, ни в чем не отступив от изложенных ниже условий, сумеют включить в кроссворд больше всего слов, обозначающих виды спорта и спортивные игры, и при этом интересно, оригинально истолковать их, не допуская больше трех однотипных определений. Скажем, футбол можно истолковать как «игра, которой мастерски владел Нильс Бор». Рассчитываем на вашу фантазию и поиски.

Составляя кроссворд, надо соблюдать условия:
слова загадывать в единственном числе именительного падежа, кроме тех, у которых его нет; можно также парные предметы, названия произведений;
в кроссворд нельзя включать больше пяти однородных понятий (это не относится, разумеется, к видам спорта) и однокоренные слова;
имен собственных нельзя брать больше одной трети от всех загаданных слов;
пересекать слова желательно на согласных буквах.

Толкование слов оформляйте так:

5. Молот — легкоатлетический снаряд (СЭС, 833).

В оригинальных толкованиях тоже необходима ссылка на точный источник, в том числе на газеты, журналы, книги.

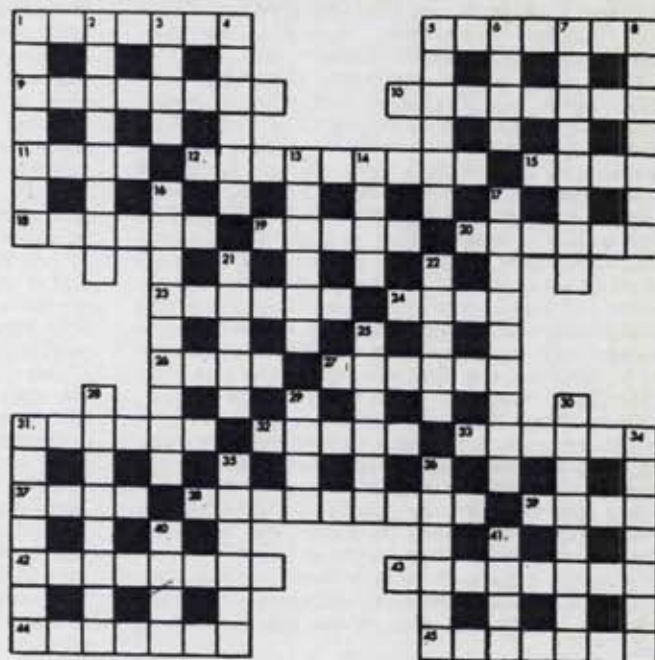
Каждую позицию начинайте с новой строки и пишите при этом только на одной стороне листа. В конце работы расшифруйте источники толкования. В данном случае: Советский энциклопедический словарь, М., 1981 (страницу указывайте сразу). Если источников несколько, указывайте их все, причем вплоть до страницы.

К работе приложите четко выполненный рисунок, заполненный загаданными словами.

В конце работы перечислите загаданные вами виды спорта и проставьте их общее число, лучше другим цветом чернил.

Самая интересная конкурсная работа будет опубликована в «Смене». Ее автор и еще пять победителей получат почетные дипломы и книги.

Последний срок отсылки домашнего задания — 15 сентября. На конверте обязательно пометьте: Конкурс кроссвордистов, 3-е задание.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 13

По горизонтали:

6. Скудутис. 9. Мармелад. 11. Проза. 12. Чачван. 13. Тушкан. 14. Гейнсборо. 15. Ватага. 17. Новруз. 19. Лязги. 22. Альков. 25. Татами. 27. Ермолка. 28. «Кентавр». 29. Бомарше. 30. Барокко. 31. Пасека. 32. Рендзю. 34. Сауна. 37. Бистро. 40. Заплот. 42. Баркарола. 43.

Галифе. 44. Рамбер. 45. Крона. 46. Горохова. 47. Камчатка.

По вертикали:

1. Якшагана. 2. Штанга. 3. Экосез. 4. Тритон. 5. Хачалури. 7. Довга. 8. Спейбл. 9. Мароци. 10. Ершов. 16. Гексаметр. 18. Оттоманка. 20. Ярмарка. 21. Геликон. 23. Лента. 24. «Верба». 25. Табор. 26. «Мороз». 31. Привалов. 33. Юмореска. 34. Сорока. 35. Уланова. 36. Анорак. 38. Трико. 39. «Оберон». 40. Зарема. 41. Пемза.

ПОВТОРЯЕМ УСЛОВИЯ КОНКУРСА ЭРУДИТОВ. ТРЕТИЙ ТУР

Все новые и новые читатели открывают для себя проводимые нашим журналом конкурсы эрудитов. Надеемся, и в третьем туре в него включатся многие из тех, кто до сих пор не участвовал в этой занимательной игре. Особенно большую пользу участие в конкурсе может принести школьникам старших классов, которые, как показал опыт, могут вполне успешно соперничать с более взрослыми читателями.

Отбирая из ваших писем вопросы для третьего тура, мы старались, чтобы при обязательной интересности среди них были и легкие и трудные, причем самые разные по тематике. Насколько это нам удалось, судить, конечно же, вам.

Условия конкурса остаются прежними. Участвовать в нем может любой читатель и письма присылать с любым числом ответов на вопросы.

Как обычно, призерами станут тридцать участников. Им будут вручены книги, альбомы, почетные дипломы.

На вопросы отвечайте в том же порядке, как они заданы. При этом развернутый ответ обязательно предварите кратким, но точным, выделив его другим цветом чернил. Писать надо аккуратно, четко и разборчиво, на одной стороне листа. Будет очень хорошо, если вы укажете источники, в которых нашли ответы.

Приятных вам поисков и интересных находок, дорогие читатели!

Вопросы на этот раз таковы:

1. 19 ноября 1919 года В.И. Ленин посетил квартиру своего соратника А. Д. Цюрупы, большого любителя музыки. В тот вечер здесь играл 46-летний пианист. Владимир Ильич остался очень доволен его игрой. Назовите пианиста и произведения, исполненные им в тот вечер.

В. ЕЛИСЕЕВ,
село Ольховка Липецкой области

2. Три бессмертных имени соединились на этой горе у могучей реки. Три памятника воздвигли им благодарные потомки. Поэт, писатель и боец, юный герой... Назовите их.

И. КРАТИКОВ,
пос. Борисоглебский Ярославской области

3. Он взлетел к звездам точно в том году, какой вычислил для себя, будучи еще десятилетним мальчишкой... А во время Великой Отечественной войны его, юного разведчика, расстреляли эсэсовцы. Однако он, тяжело раненный, выжил. Стал космонавтом. Назовите этого космонавта и книгу, которая пробудила в нем мечту о космосе.

А. ВАСИЛЕНКО,
село Песчаное Черкасской области

4. В нашей стране растет единственное в мире Дерево дружбы, дерево-сад. Где именно и кто его вырастил? Из каких мест прислана земля, на которой оно растет? Какие плоды можно сорвать с этого дерева? Чьи имена можно на нем прочитать?

И. АНТОНОВА,
Донецк

5. Одного из самых образованных людей своего времени, государственного деятеля и адмирала, уважала и любила Елизавета Алексеевна Арсеньева, бабушка М. Ю. Лермонтова. В его честь написаны две оды. Он проявил редкое

мужество на одном из политических процессов. Назовите этого человека, политический процесс и авторов од.

В. и Т. СЕРГЕЕВЫ,
Воронеж

6. Очень часто в печати А. В. Суворову приписывают высказывание «Тяжело в ученье, легко в бою». Но в бою легко не бывает, и великий полководец это, конечно, понимал. Как же он сказал на самом деле?

Т. СТАРЦЕВА,
г. Ухта Коми АССР

7. Музыка для национального гимна этой страны в Азии написана русским композитором. Кем? Столицу этой страны называют «Восточной Венецией» или «городом-амфибией». Почему?

О. КОРЖ, Днепрпетровск

8. В мировой истории известен редчайший случай наказания реки. Как она называлась, от кого и какое наказание понесла?

9. Самая маленькая в мире рыбка живет в озере на одном из крупных островов. Назовите эту рыбку, озеро и остров.

Л. МОСКВИТИН,
г. Бирюсинск Иркутской области

10. До недавнего времени считали, что самая северная точка суши — остров Кофейного клуба в Гренландии. Однако последние исследования внесли поправку. Как назвали самую северную точку суши? С чем это название связано?

И. МАНЕГА,
дер. Вышемир Гомельской области

11. На юбилейной передвижной выставке особое внимание посетителей привлекла одна из картин. О ней много писали. Иные видели в ней «сборище нигилистов», другие связывали ее содержание с живой действительностью. Для трех персонажей картины прототипами и моделями послужили люди, хорошо известные в литературных и художественных кругах России. Назовите картину и этих людей.

З. КОСЕНКО,
г. Артемовск Донецкой области

12. Какой город называют городом самого жаркого лета в нашей стране? Жарче, чем здесь, бывает лишь в Ливийской пустыне и в северных районах Австралии. Какая самая высокая температура зарегистрирована в этом городе?

Т. КАЗИШВИЛИ,
г. Гори Грузинской ССР

13. Какие три химических элемента названы по имени одного населенного пункта? Где он находится?

В. БОРИСОВ,
г. Ковров Владимирской области

Ждем ваши письма с ответами на вопросы третьего тура. Последний срок их отправки — 31 августа. На конверте пометьте: «Конкурс эрудитов. Третий тур».

26
шахматная
ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Решающий тур

В последнем туре шахматной олимпиады «Смены» участники соревнования предстоит решить три, пожалуй, самых сложных этюда. Это видно и по баллам, которые начисляются за выполнение каждого задания. Поэтому заключительный тур и окажется решающим для выявления победителей олимпиады.

Напоминаем читателям, что ответ на **каждое** задание данного тура следует прислать на отдельной открытке, а главные варианты решения необходимо подчеркнуть. Просим участников олимпиады в ответах на задания последнего тура повторить свою фамилию, имя и отчество, возраст, профессию, спортивный разряд по шахматам и домашний адрес.

Четырнадцатый тур

I

Белые: Kpg1, Kг6, п. а6 (3)
Черные: Kpg4, Сb3, пп. d7, e6 (4)

Белые начинают и выигрывают (5 баллов)

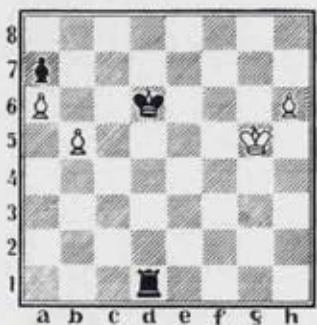

II
Белые: Кра2, Ле3, Кb3, п. d2 (4)
Черные: Кра6, Фb6, Ch8 (3)
Белые начинают и делают ничью (6 баллов)

III
Белые: Kpg5, пп. а6, b5, h6 (4)
Черные: Kpd6, Ld1, п. а7 (3)

Белые начинают и делают ничью (7 баллов)

Ответы на задания присылайте на **отдельных открытках** (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 14-й тур. I (II, III) задание». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — **15 сентября**.

2
шашечная
ОЛИМПИАДА

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Застава

Мы уже встречались с позициями, в которых владеющая дамка

сторона преграждала путь «простым» противнику. Такая преграда именуется в шашечной литературе **заставой**.

Часто приходится прибегать к жертвам, чтобы отбросить шашки противника за диагональ, контроль над которой осуществляет дамка. **Застава** может быть построена на **главной дороге, тройнике, двойнике и косяке**. Однако построенные на разных диагоналях заставы неравноценны по своей эффективности. **Застава на двойнике** более эффективна, чем на **большаке**.

Четырнадцатый тур

Решите этюд **А. Савельева**, где с помощью самообложения черных шашек белые строят заставу на главной дороге и выигрывают.

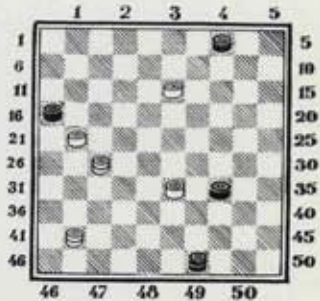
I. Постройте заставу и выиграйте (1 балл).

II. Ван Кестерн (Голландия)

III. Бланкенаар (Голландия)

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 1,5 балла).

Сегодня мы завершаем 2-ю шашечную олимпиаду «Смены». Итоги будут подведены в № 24 журнала. Читателям, набравшим 26 баллов, будет присвоен третий разряд, а тем, у кого 46 баллов, — второй. Разряды присваиваются отдельно по русским и международным шашкам.

Ответы на задания четырнадцатого тура присылайте с пометкой «2-я шашечная олимпиада. 14-й тур». Последний срок присылки ответов — **15 сентября** (по почтовому штемпелю).

«СМЕНЫ»
На вопрос
отвечает
старший инспектор
Госкомтруда СССР
Михаил
КУРИЛИН

Расскажите, пожалуйста, какой порядок уменьшения очередного отпуска за прогул?

М. ЗАХАРЬЯН,
Ереван

Уважаемый товарищ Захарьян! Вам, конечно, известно, что прогульщики считаются особо злостными нарушителями трудовой дисциплины. Пунктом 6 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 года установлено, что рабочим и служащим, совершившим прогул без уважительных причин (включая и тех, кто отсутствовал на работе более 3 часов в течение рабочего дня непрерывно или суммарно), очередной отпуск в соответствующем году уменьшается на число дней прогула. При этом сокращаются не толь-

ко ежегодный основной, но и все виды дополнительных отпусков: за непрерывный стаж работы на одном предприятии, за ненормированный рабочий день, за работу с вредными условиями труда, за работу на предприятиях расположенных в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним (статьи 33 и 34 Основ законодательства о труде).

Уменьшение отпуска должно оформляться приказом (распоряжением) администрации. Отпуск независимо от времени его использования уменьшается за тот рабочий год, когда совершены прогулы. Вместе с тем его продолжительность должна быть не менее 12 рабочих дней по календарю шестидневной недели. В это число дней не включаются трехдневные отпуска женщинам, имеющим детей в возрасте до 12 лет, а также дополнительные отпуска за выполнение государственных и общественных обязанностей.

Сокращение отпуска за прогул не является дисциплинарным взысканием и производится независимо от применения других мер воздействия (общественных, дисциплинарных и материальных).

В случае увольнения работника, совершившего прогулы, компенсация за неиспользованный отпуск соответственно уменьшается, но выплачивается не менее чем за 12 рабочих дней, если он проработал до увольнения полный рабочий год. Если же работник увольняется до истечения рабочего года, то и компенсация за неиспользованный отпуск выплачивается пропорционально проработанному времени.

ВСТРЕЧА
В ЛЕСУ

Такая встреча не может быть случайной. Столь доверительно человек общается с медведем лишь в сказках да, пожалуй, еще в кино. Сказочным героям помогает волшебная сила, а обыкновенным людям — тонкое и порой опасное искусство дрессировки. На кинобазе Центраучфильма медведи — наиболее популярные актеры. Немногие фильмы из тех четырехсот, что сняты с участием питомцев базы, обходились без них. Попадая сюда медвежатами, они вступают в непривычную для них, сложную жизнь, связанную со съемками.

Цирк и кино — главные сферы приложения талантов четвероногих артистов. Но вот в методах работы с животными там и тут есть свои различия. В фильме зверь, как правило, должен оставаться диким зверем, а не широким трюкачом, веселящим публику. Поэтому нельзя подавлять природные инстинкты животного, иначе его поведение на экране будет выглядеть неправдоподобно. Чтобы помочь зверю сыграть свою роль, надо досконально знать особенности его жизни на воле, на этом строить репетиции и съемку. Трудности для дрессировщика начинаются уже с первых минут знакомства с будущим артистом. К примеру, дрессировщик кинозообазы Юрий

Чуркин год потратил на то, чтобы восстановить свои «отношения» с молодым волком, которого он ненароком напугал в первые дни его жизни на зообаза.

Переход животного к жизни в неволе — это действительно трудный момент. От дрессировщика зависит не только успех съемки, но, бывает, и сама жизнь животного. Главный дрессировщик зообазы Центраучфильма Анатолий Макарович Жадан был однажды свидетелем очень любопытного случая с козорогом. Дело было так. Погибал от жажды отловленный для съемок козорог; несколько дней вообще не пил, хотя каждое утро ему ставили ведро со свежей ключевой водой. Только хитрость, придуманная Жаданом, спасла животное. В двери помещения, где поселили козорога, было пробито отверстие, к нему с внутренней стороны приладили желоб, подставили ведро и начали струйкой лить воду. Послышалось журчание — знакомый козорогу звук, звук горного ручья. Зверь насторожился, потом расслабился, медленно пошел к двери и наконец припал к «ручейку», выпил, не отрываясь, ведра два... Пример показательный. Насколько же надо быть осторожным и наблюдательным, работая с животными!

Обитателей зообазы можно, пожалуй, назвать счастливыми. Из всех животных, оказавшихся в неволе, только у них общение с человеком не приводит к ломке природных инстинктов. А благодаря проявлению на экранах четвероногих артистов мы узнаем много интересного о мире животных.

Мария БОРОДИНА

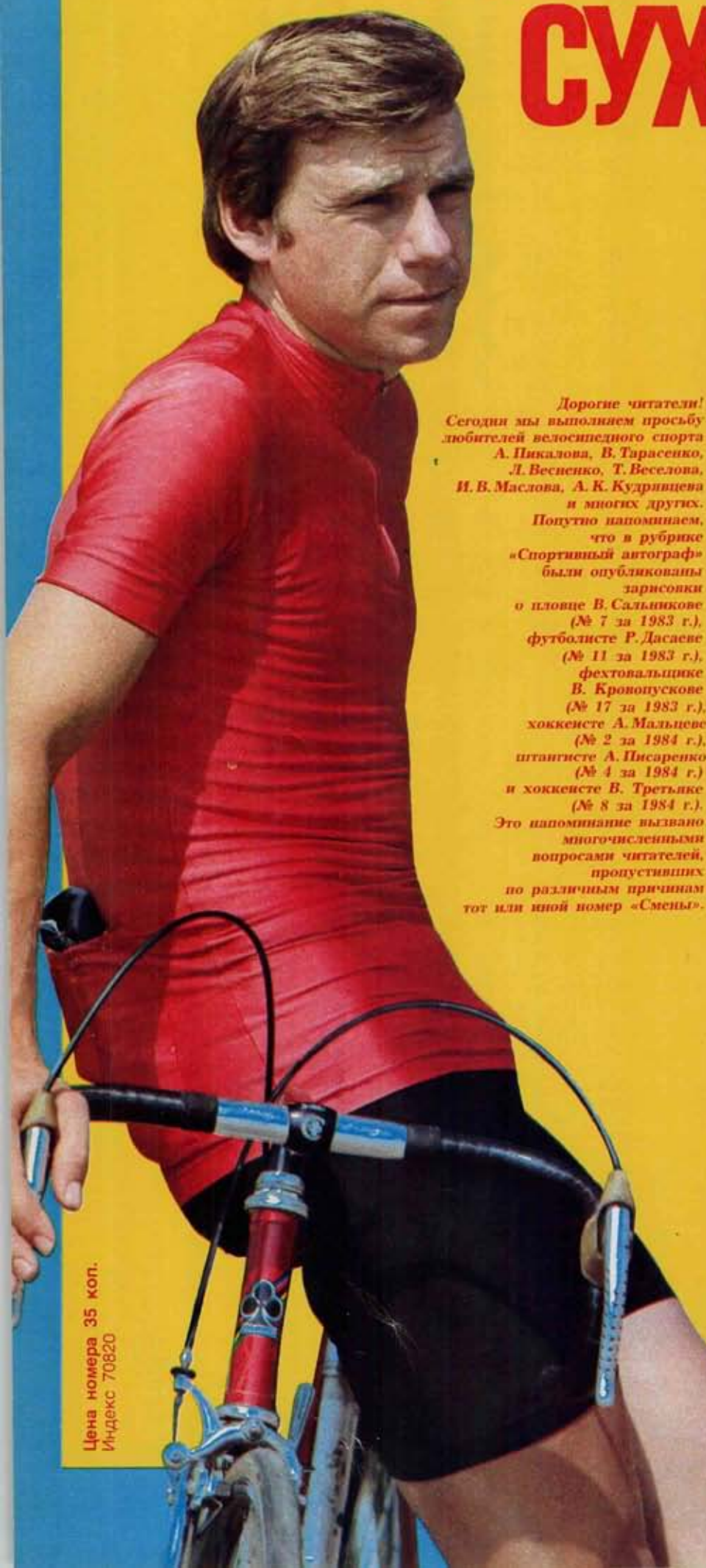
Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.06.84. Подписано к печати 15.06.84. А 12803. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1350000 экз. Изд. № 1737. Заказ № 2911. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СЕРГЕЙ СУХОРУЧЕНКОВ

В спорте, как и в жизни, надо всегда оставаться самим собой и оставить друзей и братья себя без остатка своей делу.

Сухорученко

Дорогие читатели! Сегодня мы выполним просьбу любителей велосипедного спорта А. Пикалова, В. Тарасенко, Л. Весенко, Т. Веселова, И. В. Маслова, А. К. Кудрявцева и многих других. Попутно напоминаем, что в рубрике «Спортивный автограф» были опубликованы зарисовки о пловце В. Сальникове (№ 7 за 1983 г.), футболисте Р. Дасаеве (№ 11 за 1983 г.), фехтовальщице В. Кровопускове (№ 17 за 1983 г.), хоккеисте А. Мальцеве (№ 2 за 1984 г.), штангисте А. Писаренко (№ 4 за 1984 г.) и хоккеисте В. Третьяке (№ 8 за 1984 г.). Это напоминание вызвано многочисленными вопросами читателей, пропустивших по различным причинам тот или иной номер «Смесь».

За матовыми окнами пражского аэропорта цвела сирень. Солнце было не по-майски знойным. Но человек, сидевший в глубоком кресле в зале ожидания, кутался в воротник теплой куртки. Казалось, что его знобит. В Праге через день начиналась велогонка Мира, но он, Сухорученков, увы, не участник. Накануне в советской команде было собрание: из семи гонщиков нужно было отобрать седьмым — «лишним», и теперь его ждал рейс в Москву.

И вдруг рядом раздался взволнованный голос тренера сборной Анатолия Старкова, который провожал его в аэропорт:

— Звонил Капитонову в гостиницу. Старший тренер сказал, что неожиданно заболел Сергей Морозов. Собирайся — едешь в гонке вместо него.

Так в мае 1979 года случай пересадил Сухорученкова из мягкого потертого кресла в зале ожидания в жесткое седло велосипеда и отправил в пестром караване на трассу Прага—Варшава—Берлин. Он надел на себя (тоже случайно) майку с номером 13, чтобы 13 мая через 13 километров после старта совершить головокружительный бросок в горах и уже в желтой майке лидера победно пройти трассу до конца, до Берлина. Это был бросок 22-летнего дебютанта сборной СССР из неизвестности к признанию.

А затем череда ярких побед потянулась за Сергеем Сухорученковым. За каких-то несколько лет он стал самым популярным гонщиком мира, добился едва ли не всех титулов, существующих в велоспорте. Чемпион московской Олимпиады, победитель крупнейших турниров «Тур де л'Авенир» и «Джиро дельле Реджиони», он три года подряд (случай уникальный!) удаивался «Золотой пальмовой ветви» лучшего гонщика-любителя мира. Наконец, в мае этого года Сухорученков первым из советских велосипедистов во второй раз выиграл велогонку Мира в личном зачете. Он никогда не был баловнем судьбы. Его стремительные и убедительные победы — плод не случайностей и не везения. Секрет тут совсем в другом. Его он раскрыл сам, когда однажды записал в своем дневнике: «Спорт — это тяжелое дело, как и любое серьезное дело в жизни. И как и в самой жизни, главное в нем — труд, честность, верность и, пожалуй, еще раз труд».

Труд, настоящий крестьянский труд он узнал рано — еще в родной брянской деревеньке Соколовская. В детстве получил уроки от жизни, немало видел, знал и умел. Видел искалеченные войной ноги отца — колхозного пастуха, загрубевшие от бесконечной работы руки матери, знал цену хлеба, умел пахать и рубить сечкой от зари до темна. Ему едва исполнилось шесть лет, когда за свой пастуший труд он получил первую в жизни зарплату — красненькую измятую десятирублевку и чинно, на глазах у всей семьи, опустил ее в резную шкатулку, хранительницу домашнего бюджета.

Это потом, куда бы ни забросила его судьба, на его пути повстречаются знающие и уважаемые тренеры — в Ленинграде старший брат Виктор, сам в прошлом гонщик, который и привел Сергея в спорт; в Куйбышеве, в армейском велоцентре, Владимир Петров, воспитавший плеяду знаменитых гонщиков; в Москве, уже в сборной СССР, Виктор Капитонов, победитель Олимпиады-60 в Риме, чей олимпийский успех Сухорученков повторил спустя двадцать лет. А начинал он путь к будущим победам еще в то время, когда на допотопном отцовском «велике», извлеченном из сарая, изо дня в день совершал поездки в ближайшую школу — четыре километра туда и четыре обратно.

Уроки, полученные в детстве, сделали его, как любил говорить Виктор, крепче на изломе, помогли стойко перенести разочарования и неудачи, выдерживать большие испытания.

А испытаний на его спортивный век выпало предостаточно. Уже в первой своей серьезной гонке в 1974 году он перелетел под Нарвой через руль, и его со сломанной ключицей отвезли в больницу. Выписали, строго предупредив: «Пока никаких соревнований!» — А он примчался домой и раскrojил гипс кулонным ножом, чтобы улететь на южную гонку: там его с нетерпением поджидали ребята. Его тело хранит отметины разных дорог, и иногда по ночам они предательски дают о себе знать. Но он о таких пустяках распространяться не привык. Держи боль в себе: стисни зубы и терпи.

Случались испытания и посерьезнее. Осенью 1981 года он переехал из Куйбышева, где служил в армии, в Ленинград — город своей юности. И многое, как и когда-то, ему вновь приходилось начинать с нуля. Это теперь у его семьи, в которой двое маленьких сыновей, трехкомнатная квартира... Поздно начинал создавать семейный очаг, поздно засел и за учебники — как-никак ему было двадцать пять. Основательно готовился, прежде чем поступил в Военный институт физкультуры.

Словом, пришлось наверстывать то, чего в жизни сделать не успел, и на гонки оставалось все меньше времени. Пошла череда неудач. В 1982 году проиграл велогонку Мира, а в следующем сезоне и вовсе был отлучен от сборной. Проще всего в такой ситуации было бы уйти из спорта. Но не таков характер у Сухорученкова. Он тренировался неистово, словно новичок, готовясь к нынешнему сезону, и весной все с удивлением увидели прежнего Сухорученкова.

После возвращения с велогонки Мира я спросил его:

— А что же дальше, Сергей?
— Ты хотел спросить, не собираюсь ли я уходить теперь? — лукаво улыбнулся он. А потом серьезно добавил: — Мне двадцать семь, но из спорта я уйду только тогда, когда почувствую, что отдал ему все, что мог.

Владимир КУЧМИЙ

Фото Роберта МАКСИМОВА